
Стелла Гиббонс
Неуютная ферма

Неуютная ферма
Стелла Гиббонс

Аннотация
Стелла Гиббонс. Неуютная ферма
Предисловие
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18
Глава 19

Глава 20
Глава 21
Глава 22
Глава 23

Аннотация

Классика английской литературы XX века.

Изысканная, элегантная и бесконечно ироничная пародия на «провинциальный» британский роман, читая которую можно провести немало забавных параллелей с произведениями Эмили Бронте, Томаса Харди и прочих великих прозаиков XIX – начала XX вв.

Религиозные снобы и раздираемые тайными страстями юные (и не очень) девицы…

Деревенские ловеласы и эксцентричные кумушки…

Потрясающая коллекция колоритных и нелепых персонажей, немыслимых ситуаций и невероятных диалогов, которая не оставит равнодушным ни одного истинного ценителя английского юмора!..

Стелла Гиббонс
Неуютная ферма

Посвящается Аллану и Ине
Примечание: действие книги разворачивается в недалеком будущем

Stella Gibbons
COLD COMFORT FARM
Original English language edition first published by Penguin Books Ltd, London.
Печатается с разрешения издательства Penguin Books Ltd. и литературного агентства Andrew Nurnberg.
© Stella Gibbons, 1932
Школа перевода В. Баканова, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Предисловие

Антони Пукворти, эсквайру, П.Л., Д.П.[1]

Дорогой Тони!

Представляя на ваш суд мой первый ученический опыт в прекраснейшем, труднейшем и самом волшебном из искусств, я трепещу даже больше, чем обычный новичок пред лицом маститого собрата. Вам, как никому, ведомы чистые радости и суровые тяготы писательского ремесла. И все же я возьму на себя смелость объяснить, как тяжело дались мне первые шаги на сем славном поприще.

Как вам известно, первые десять лет моей творческой жизни прошли в бессмысленной и пошлой суете газетных редакций. Один бог ведает, какой отпечаток оставила на мне про-

---

[1] Примечания: 1

Антони Пукворти — вымышленный писатель; аббревиатуры после его фамилии означают «Патентованный лизоблюд» и «Дипломированный проныра». Под именем Антони Пукворти Стелла Гиббонс вывела Хью Уолпола (1844–1941), чрезвычайно плодовитого и очень популярного в свое время писателя. Само письмо пародирует такое же письмо-предисловие к роману Уолпола «Джудит Пэрис»; оно было адресовано Дж. Б. Пристли и начиналось словами «Дорогой Джек!». За «Непростой судьбой Мартина Хора» современники легко угадывали «Мерзавца Херриса» — самый знаменитый из романов Уолпола. — *Здесь и далее примеч. пер.*

фессия журналиста. Я не смею слишком много об этом размышлять — даже сейчас. Кое о чем — например, о первой любви и собственных литературно-критических обзорах — женщине в зрелые лета лучше не вспоминать в подробностях.

На моем слоге (если мне дозволено говорить о своем слоге в присутствии литератора, чья вдумчивая, кристально ясная проза навсегда обогатила нашу словесность) эти голодные годы сказались еще более пагубно.

Жизнь газетчика бедна, груба, убога и коротка. Таков же и его слог. Вы, с любовным тщанием шлифующий каждую свою вдумчивую и незамутненно-чистую фразу, поймете масштабность вставшей передо мной задачи. Десять лет я стремилась излагать в точности то, что хочу, просто и лаконично. Теперь, чтобы достичь литературности и снискать благосклонности критиков, мне следовало писать так, будто я сама толком не знаю, что хочу сказать, и при этом делать фразы как можно более длинными.

Не стану утверждать, будто сумела воплотить на этих страницах то, что десять лет назад впервые сверкнуло передо мной во всей своей лучезарной ясности. Какое уж там! И все же

книга завершена. Ecco! E finito![2] И, какая ни на есть, она ваша.

Дело в том, Тони, что за мною есть долг. В последние десять лет ваши книги были для меня не просто книгами. Они служили источником отдохновения, пищей для души, очами во тьме. Они дарили мне радость средь пошлой и бессмысленной суеты газетных редакций — быть может, не совсем ту, на какую вы рассчитывали, но людям свойственно заблуждаться. Так или иначе, это была радость.

Сознаюсь, что лишь после долгих колебаний я решила вернуть хотя бы часть моего долга, отправив вам книгу, которая задумывалась как… смешная.

Ибо ваши книги… не смешные. Это хроники напряженной душевной борьбы в обстановке льдов, болот и непроходимых топей. Ваши герои — вневременные стихийные сущности, которых, как щепки, носит по волнам страсти. Вы рисуете природу в самых диких ее проявлениях, будь то пейзаж или человеческое сердце. Лишь изредка суровую правдивость ваших творений озаряют спокойный свет добытого в борьбе счастья и

---

[2] Примечания: 2
Вот, закончено (*ит.*).

мягкий юмор, с которым выписаны персонажи второго плана. Вы умеете изобразить будничные домашние трагедии (ведь все первые сто страниц «Непростой судьбы Мартина Хора» мастерски живописуют симптомы разлития желчи) не менее ярко, чем душевные катаклизмы. Сумею ли я забыть Матти Элджинброда? Нет, не сумею. Ваши книги — не книги, а грозы и ураганы. Я могу лишь сказать со всей простотой: «Спасибо, Тони».

Однако смешными… нет, смешными их не назовешь.

Тем не менее я надеюсь, что вы в своем великодушии простите моей книге ее несовершенства.

Помышляя о благе множества читателей, которые, подобно мне, трудятся в бессмысленной и пошлой суете газетных редакций, магазинов или домов, а глядя на фразу, не всегда могут сказать, литература это или просто чушь, я прибегла к методу покойного герра Бедекера, а именно: отметила лучшие, на мой взгляд, пассажи одной, двумя или тремя звездочками, как сей достойный господин отмечал гостиницы, соборы и живописные полотна гениев. Вполне логично распространить этот метод и на книгу.

Кроме того, звездочки станут подспорьем для

литературных обозревателей.

К слову о гениях: какое созвездие их озаряет нашу сегодняшнюю жизнь! Даже смиренная ученица вроде меня, проведшая лучшие творческие годы в пошлой и бессмысленной суете газетных редакций, может с сердечным восторгом и глубочайшим душевным жаром подписаться:

ваша вечная должница,

Стелла Гиббонс

Уотфорд
Чайная «Лайонс»
Булонь-сюр-Мер
Январь 1931 — февраль 1932 года

Глава 1

Образование, которое дали Флоре Пост ее родители, было дорогостоящим и направленным на развитие не только умственное, но и телесное, а его процесс был длительным. Когда же они скончались один за другим от сезонной эпидемии инфлюэнцы, Флора, без малого двадцати лет от роду, обнаружила, что подкована во всех мыслимых искусствах, кроме искусства самой зарабатывать себе на хлеб.

Отец ее слыл богачом, однако по его смерти душеприказчики обнаружили, что покойник был беден. После уплаты подоходного налога и долгов остались сто фунтов годового дохода и никакого имущества, движимого или недвижимого.

Впрочем, от отца Флора унаследовала сильную волю, а от матери — стройные ножки. Воля эта ничуть не ослабела от того, что почти не встречала преград, а ножки не стали хуже от спортивных игр, из которых в значительной мере состояло ее образование. Впрочем, Флора понимала, что ни тем ни другим не прокормишься. Посему она решила остановиться у подруги, миссис Смай-

ли, в ее ламбетском доме, а там уж подумать, кого осчастливить собой и своими ста фунтами годовых.

Смерть родителей не слишком опечалила Флору, ведь она их почти не знала. Они были одержимы страстью к путешествиям и в Англии проводили не больше месяца в год. С десяти лет Флора на каникулах гостила сперва у матери своей подруги, а когда подруга вышла замуж и стала называться миссис Смайли, то уже у нее самой. Вступая хмурым февральским вечером, через две недели после отцовских похорон, под своды ламбетского особняка, она чувствовала, что возвращается в родное гнездо.

Миссис Смайли чрезвычайно повезло: она унаследовала недвижимость в Ламбете[3] до того, как цены здесь взлетели до небес. Это случилось, когда Мейфэр утратил репутацию фешенебельного столичного района и лондонский бомонд перебрался на другую сторону реки; теперь по тамошним набережным прогуливались аргентинки со своими бультерьерами. Покойный муж

[3] Примечания: 3

Ламбет — район на южном берегу Темзы; во времена Стеллы Гиббонс там были рабочие трущобы. Впрочем, ее шутливое пророчество не оправдалось: в начале XXI в. Мейфэр — по-прежнему шикарный район, а Ламбет — очень бедный и неблагополучный.

миссис Смайли (она была вдова) владел тремя домами в Ламбете и все их завещал ей. Самый красивый из трех стоял на Маус-Плейс и смотрел веерным окном на переменчивую Темзу; в нем миссис Смайли и жила. Второй дом снесли, и на его месте воздвигли гараж; в третьем, маленьком и ни на что другое не годном, размещался теперь клуб «Старая дипломатия».

Выйдя из такси перед домом номер один по Маус-Плейс, Флора взглянула на чугунные балконы, украшенные горшками с белыми фарфоровыми геранями, и сердце ее радостно встрепенулось.

Снеллер, дворецкий миссис Смайли, уже распахнул дверь и теперь с мрачным одобрением смотрел на гостью. Он чрезвычайно походил на черепаху. Флора порадовалась, что подруга не держит черепах — те бы думали, что дворецкий их передразнивает.

Миссис Смайли ждала ее в гостиной, из окон которой открывался вид на реку. Это была миниатюрная ирландка двадцати шести лет от роду, светлокожая, с большими серыми глазами и маленьким носом с горбинкой. В жизни у нее было два интереса. Первый: урезонивать и успокаивать полтора десятка благородных и состоятельных джентльменов, от неразделенной

любви к ней бежавших в далекие края вроде Джонсон-Ла-Лейк-Млумба-Млумбы или Квакванхаттуна. Миссис Смайли писала им раз в неделю, а они регулярно писали в ответ, о чем знали все ее друзья и знакомые, поскольку она всякий раз зачитывала им вслух особо длинные и нудные пассажи.

Джентльмены эти, несущие тяжелую службу в отдаленных и диких частях мира, звались «пионеры, о пионеры» по вдохновенным строкам Уолта Уитмена.

Вторым интересом миссис Смайли была ее коллекция бюстгальтеров — по слухам, самая богатая в мире. Надеялись, что по смерти хозяйки это собрание будет передано государству. Оно постоянно пополнялось, ибо миссис Смайли не оставляла надежды отыскать идеальный бюстгальтер.

Никто лучше ее не разбирался в покрое, цвете, конструкции, прилегании и прочих существенных качествах бюстгальтера. Подруги знали, что даже в минуты глубочайшего душевного смятения или телесного недуга ее можно было вернуть к жизни одной фразой: «Мэри, я сегодня видела бюстгальтер, на который тебе стоит взглянуть…»

Характер у миссис Смайли был твердый, вкусы

— утонченные. С заблудшей человеческой природой, когда та покушалась на ее жизненный уклад, молодая вдова действовала просто и решительно: притворялась, будто неприятного явления не существует, и оно через какое-то время и впрямь исчезало. «Христианская наука»[4] пусть и насчитывает больше приверженцев, редко бывает столь же успешна.

«*Разумеется*, если *позволить* людям думать, что они гадки, они *будут* гадки», — часто повторяла миссис Смайли. Вторым ее любимым изречением было: «*Чепуха*, Флора, ты это все *навоображала*».

Впрочем, надо сказать, миссис Смайли и сама была не лишена воображения.

— Здравствуй, дорогая, — сказала она, и Флора, которая отличалась высоким ростом, нагнулась и поцеловала ее в щеку. — Ты будешь чай или коктейль?

Флора ответила, что выпьет чаю, сняла перчатки, повесила плащ на спинку стула, затем взяла чашку с чаем и коричную вафлю.

---

[4] Примечания: 4

«Христианская наука» — псевдорелигиозное движение, основанное на идеологии врачевания через «духовное воздействие». Болезни и пороки по учению «Христианской науки» не более чем чувственная иллюзия, от которой человек может избавиться духовными усилиями.

— Похороны были ужасны? — полюбопытствовала миссис Смайли. Она знала, что Флора не убивается по мистеру Посту, дородному господину, который серьезно относился к играм и презрительно — к искусствам, и миссис Пост, желавшей, чтобы все жили красиво и при этом оставались леди и джентльменами.

Флора ответила, что похороны были кошмарны, но честно добавила, что пожилые родственники замечательно провели время и остались очень довольны.

— Они звали тебя у них пожить? Родственники вечно всех зазывают к себе, — промолвила миссис Смайли.

— Нет. Не забывай, Мэри, у меня теперь всего лишь сто фунтов годового дохода, и я не умею играть в бридж.

— Бридж? Что это? — рассеянно спросила миссис Смайли. — Удивительно, как некоторые люди проводят свой досуг. Тебе очень повезло, дорогая, преодолеть ужасные годы в школе и колледже, где тебя заставляли играть в такие игры, и не пристраститься к ним самой. Как тебе это удалось?

Флора задумалась.

— Ну… поначалу я стояла неподвижно, смотрела на деревья и ни о чем не думала. Бо2льшая

часть игр проходит на открытом воздухе, так что обычно рядом бывают деревья. Даже зимой. Однако другие игроки постоянно на меня налетали, так что я стала бегать вместе с ними. Я всегда бежала за мячом, потому что, Мэри, в любой игре главное — мяч. Только это никому не нравилось, потому что мне никогда не удавалось его догнать и отбить или что там полагалось с ним сделать. Тогда я стала бегать от мяча, и это тоже никого не устраивало: зрители гадали, что я делаю на краю поля и отчего при виде мяча сразу бросаюсь наутек. После очередной игры все окружили меня и сказали, что я подвожу команду, а учительница физкультуры спросила огорченно, неужели мне не нравится лакросс[5] (так называлась игра). Я ответила, что совсем не нравится, а она сказала: «Жаль-жаль, ведь для твоего отца это так важно. А что тебе нравится?» Я ответила, что точно не знаю, а вообще мне нравится, когда вокруг все тихо и спокойно и не надо ничего делать, а можно гулять на природе и смеяться над тем, что другим вовсе не кажется смешным, и чтобы меня не заставляли высказывать свое мнение (напри-

[5] Примечания: 5

Лакросс — командная игра, в которой игроки стремятся поразить ворота соперника резиновым мячом, который можно отбивать ногами и клюшкой, отчасти напоминающей сачок.

мер, о любви и всяких *особенных* вещах). Тогда она спросила, не могу ли я чуточку постараться ради отца, а я ответила, что нет, к сожалению, не могу, и она оставила меня в покое. А другие по-прежнему ворчали, что я подвожу команду.

Миссис Смайли одобрительно кивнула, но попеняла Флоре, что та слишком много говорит. Потом добавила:

— Теперь насчет того, чтобы у кого-нибудь жить. Разумеется, дорогая, ты можешь гостить здесь сколько угодно, но, наверное, со временем ты захочешь устроиться на работу и снять квартиру?

— На какую работу? — спросила Флора, сидя в кресле очень прямо и грациозно.

— На административную, полагаю, как я в свое время. — (Миссис Смайли работала на мелкой должности в лондонском муниципалитете, пока не вышла за «Алмазного» Тода Смайли, рэкетира.) — Не спрашивай меня, что это такое, столько лет прошло, что я все забыла. Но я уверена, у тебя получится. А можешь заняться журналистикой. Или стать машинисткой. Или машинистом.

Флора мотнула головой.

— Боюсь, Мэри, ничего из этого у меня не получится.

— А что же тогда, дорогая? Возьми себя в руки, Флора. Ты прекрасно знаешь, что будешь *несчастна*, если единственная из всех подруг останешься без работы. К тому же ста фунтов в год тебе не хватит даже на чулки и веера. На что ты рассчитываешь?

— На родственников, — ответила Флора.

Миссис Смайли взглянула на нее укоризненно, ибо, несмотря на свои утонченные вкусы, была женщиной волевой и держалась строгих моральных принципов.

— Да, Мэри, — твердо ответила Флора. — Мне всего девятнадцать, но я уже убедилась, что, несмотря на еще не изжитые предрассудки, запрещающие сидеть на шее у подруг, ни общественное мнение, ни совесть не возбраняют человеку сколь угодно долго злоупотреблять любезностью родственников. У меня ужасно много родственников, и если бы ты их видела, то согласилась бы, что слово «ужасно» тут самое правильное. Есть отцовский кузен-холостяк в Шотландии, есть мамина сестра, которая мало что живет в Уэртинге, так еще и разводит собак. Мамина кузина в Кенсингтоне. И совсем дальняя родня по маминой линии, кажется, в Суссексе.

— В Суссексе… — задумчиво повторила миссис

Смайли. — Это немного настораживает. Они живут на обветшалой ферме?

— Боюсь, что да, — нехотя согласилась Флора. — Впрочем, к ним я обращусь, только если ничего не получится с другими. Я намерена написать всем упомянутым родственникам и полюбопытствовать, не хотят ли они взять меня к себе за мои красивые глаза и сто фунтов годовых.

— Флора, *какая дикость*! — воскликнула миссис Смайли. — Ты *не в своем уме*! Да ты же через неделю *умрешь*! И ты, и я *не выносим* родственников! Тебе надо остаться у меня, выучиться машинописи и стенографии, тогда ты устроишься к кому-нибудь секретаршей, снимешь премилую квартиру, и мы сможем проводить у тебя чудесные вечеринки!

— Мэри, ты же знаешь, что я их терпеть не могу. Ад в моем представлении — многолюдная вечеринка в холодной комнате, где все сосредоточенно играют в хоккей. Но ты не дала мне договорить. Когда какие-нибудь родственники пригласят меня к себе, я возьмусь за дело и перевоспитаю их так, чтобы мне у них стало хорошо. А потом, когда захочу, выйду замуж.

— За кого, скажи на милость? — возмущенно осведомилась миссис Смайли.

— За кого-нибудь, кого сама выберу. Ты ведь знаешь, у меня вполне определенные взгляды на замужество. Мне всегда нравится читать в газетах: «Бракосочетание назначено на такое-то число». Их именно что надо назначать! Разве это не самый ответственный шаг в жизни человеческого существа? По-моему, так куда правильнее, чем верить, будто браки заключаются на небесах.

Миссис Смайли передернуло от неприкрытого, почти галльского цинизма Флоры. Сама миссис Смайли полагала, что браки должны естественно проистекать из свободного союза двух любящих людей и совершаться в церкви, со всеми церемониями и флердоранжем, как было у нее.

— А тебя я хотела спросить вот о чем, — продолжала Флора. — Как по-твоему, стоит ли разослать родственникам циркулярное письмо? Понравится им моя деловая хватка?

— Нет, — холодно ответила миссис Смайли. — Не понравится. Это будет *слишком* высокомерно. Надо написать каждому в отдельности (всякий раз *совершенно* новое письмо, Флора) и все в подробностях объяснить, если, конечно, ты намерена продолжать свою безумную затею.

— Да не кипятись ты, Мэри. Завтра перед

ленчем и напишу. Могла бы написать сегодня вечером, но думаю, нам стоит отпраздновать мое вступление на стезю нахлебницы. У меня есть десять фунтов, и я приглашаю тебя в «Нью-Ривер-клаб» — райское место!

— Не глупи. Ты отлично знаешь, что туда надо идти с мужчинами.

— Так найди их. Кто-нибудь из «пионеров, о пионеров» сейчас в отпуске?

Лицо миссис Смайли приняло то заботливо-материнское выражение, которое, как знали все ее подруги, означало, что она думает о «пионерах, о пионерах».

— Да, Бикки сейчас в Лондоне, — сказала она.

У всех «детей загорелых» были короткие звучные прозвища, похожие на крики экзотических зверей, что немудрено: все они приезжали из краев, где водятся экзотические звери.

— И твой троюродный брат, Чарлз Фейрфорд, тоже, — продолжала миссис Смайли. — Ты его наверняка помнишь — высокий, серьезный, темноволосый.

— Вот и отлично, — одобрительно произнесла Флора. — У него такой смешной носик пуговкой.

Без двадцати девять от дома номер один по Маус-Плейс отъехал автомобиль миссис Смайли.

Сама миссис Смайли и Флора были в белых платьях, с бутоньерками в прическах, а напротив них сидели Бикки и Чарлз.

Бикки, который сильно заикался, говорил без умолку, как все, кто страдает этим дефектом речи. Он был старый (лет тридцати), некрасивый и приехал в отпуск из Кении. Для начала он любезно подтвердил все худшие слухи об этой стране. Чарлз, которому фрак был чрезвычайно к лицу, почти не открывал рта и, лишь когда его что-нибудь забавляло, издавал низкое мелодичное «ха-ха». Ему недавно исполнилось двадцать три, и он готовился стать священником. По большей части он смотрел в окно, словно не считая возможным удостоить Флору взглядом.

— Вряд ли Снеллер одобряет нашу поездку, — заметила миссис Смайли. — У него был мрачный и озабоченный вид. Ты заметила?

— Он одобряет меня, потому что я выгляжу серьезной, — ответила Флора. — Прямой нос очень кстати, когда хочешь так выглядеть.

— Я не хочу выглядеть серьезной, — холодно промолвила миссис Смайли. — Еще успею — когда ты взвоешь от родственников и мне придется вызволять тебя из какой-нибудь кошмарной дыры, куда за год не доехать. Ты рассказала Чарлзу

о своих планах?

— Господи, да конечно же, нет! Чарлз ведь мой родственник! Он решил бы, что я хочу поселиться с ним и тетей Хелен в Хартфордшире и напрашиваюсь на приглашение.

— Можешь напроситься, — сказал Чарлз, отрываясь от созерцания ярко иллюминированной улицы за окном. — У нас в саду качели, а летом цветет табак. Не исключаю, что нам с мамой понравится твое общество.

— Не глупи, — одернула его миссис Смайли. — Гляньте, мы приехали. Бикки, ты сумел заказать нам столик у реки?

Бикки сумел, так что они, усевшись за столиком среди цветов и огней, могли смотреть через стеклянный пол на реку, а когда танцевали, она струилась прямо у них под ногами. За стеклянными стенами проходили баржи, подмигивая романтическими зелеными и красными фонарями. Снаружи пошел дождь, и по стеклянному потолку побежали серебряные струйки.

За ужином Флора рассказала Чарлзу о своих намерениях. Поначалу тот молчал, и она решила, что он шокирован. Ибо хотя нос у Чарлза был не прямой, на его лице отчетливо читалось то, что Шелли написал о себе в предисловии к «Юлиану

и Маддало»: «Юлиан довольно серьезен».

Наконец он сказал с улыбкой:

— Что ж, если станет совсем тошно, телефонируй мне, и я прилечу за тобой на своем аэроплане.

— У тебя есть аэроплан, Чарлз? Ты уверен, что для без пяти минут священника это уместно? А какой он породы?

— «Твин-Белиша-Бэт»[6]. А зовут его «Быстрая победа II».

— Правда, Чарлз, неужели священнику можно иметь аэроплан? — поддразнила Флора.

— Одно другому не мешает, — спокойно ответил Чарлз. — Так или иначе, ты звони, и я сразу прилечу.

Флора пообещала, что так и сделает, поскольку Чарлз ей нравился. Затем он пригласил ее танцевать. Потом все четверо долго сидели за кофе, а в три решили, что пора ехать по домам.

Чарлз подал Флоре ее зеленый плащ, а Бикки миссис Смайли — ее черный, все сели в автомо-

---

[6] Примечания: 6

Действие романа, как предупреждает автор в самом начале, происходит «в недалеком будущем» (видимо, во второй половине сороковых). 20–30 гг. XX в. ознаменовались расцветом авиации, и для Стеллы Гиббонс естественно было предположить дальнейший прогресс в этой области. Сама модель аэроплана вымышленная. В книге присутствуют и другие фантастические элементы, например, телефоны, позволяющие не только слышать, но и видеть собеседника.

биль и поехали под дождем по улицам Ламбета, где каждое окно горело розовым, оранжевым или золотым светом, а люди за ними танцевали, музицировали, играли в карты или просто веселились; в ярко освещенных витринах красовалось что-нибудь одно: дорогое платье или танская фарфоровая лошадка.

— А вот «Старая дипломатия», — заметила миссис Смайли, когда они проезжали мимо неказистого домишки с корзинами металлических цветов на узких подоконниках. Из окон второго этажа доносилась музыка. — Как я рада, что бедный Тод завещал мне этот дом. Он приносит *столько* денег!

Как все, кто вознесся из трясины бедности на вершину богатства, она до сих пор не могла нарадоваться деньгам и постоянно мысленно их пересчитывала. Друзья находили это очаровательным. В такие минуты они умиленно любовались миссис Смайли, словно хорошеньким ребенком, играющим в новую игрушку.

Чарлз и Бикки простились у дверей, потому что миссис Смайли из страха перед дворецким не пригласила их на коктейль. Флора прошептала: «Какие глупости!»; впрочем, и она тоже немного оробела.

Обе женщины двинулись вверх по узкой лестнице, покрытой черным ковром.

— Завтра я напишу письма, — проговорила Флора и зевнула. Ее рука легко скользила по узким белым перилам. — Доброй ночи, Мэри.

Миссис Смайли сказала: «Доброй ночи, дорогая» и добавила, что к завтрашнему дню Флора одумается.

Глава 2

Тем не менее утром Флора, как и намеревалась, написала все четыре письма. Миссис Смайли ей не помогала, потому что уехала в трущобы Мейфэра за бюстгальтером нового фасона, который увидела из окна автомобиля в витрине еврейской лавчонки. К тому же она искренне не одобряла намерения Флоры и не собиралась подсказывать ей даже одно вкрадчивое словечко.

— Подумай, во что ты превратишься! — воскликнула миссис Смайли за завтраком. — Неужто тебе и вправду не хочется себя чем-нибудь занять?

— Я рассчитываю годам так к пятидесяти трем написать роман не хуже «Доводов рассудка»[7], только, конечно, про наше время. Так что следующие тридцать лет я буду собирать материал. Если кто-нибудь спросит: «Чем ты занимаешься?», я отвечу: «Собираю материал». И никто не сможет возразить. Тем более что это будет чистая правда.

Миссис Смайли с молчаливым неодобрением

---

[7] Примечания: 7

«Доводы рассудка» — последний роман Джейн Остен.

отпила глоток кофе.

— Если хочешь знать, — продолжала Флора, — у меня много общего с мисс Остен. Она любила, чтобы все вокруг было опрятно, мило и аккуратно. Понимаешь, Мэри, — тут Флора даже подняла палец, — все обязательно должно быть опрятно, мило и аккуратно, это главный залог счастья. Я ненавижу все гадкое.

— Я тоже! — с жаром подхватила миссис Смайли. — И я уверена, ты станешь гадкой, если поживешь со своими захолустными родственниками.

— Ты меня не переубедишь, — сказала Флора. — В конце концов, если я не уживусь в Шотландии, Южном Кенсингтоне или Суссексе, я всегда могу вернуться в Лондон, благородно признать свое поражение и выучиться какой-нибудь профессии, как ты советуешь. И все-таки я убеждена, что куда забавнее поселиться с кем-нибудь из жутких родственников. К тому же там я наверняка найду материал для будущего романа, а заодно сумею уладить какие-нибудь семейные неприятности.

— Фи! У тебя комплекс Флоренс Найтингейл! — возмутилась миссис Смайли.

— Вовсе нет, и ты это отлично знаешь. В целом я людей не люблю; их так сложно понять. Но у ме-

ня аккуратный ум, и всякий беспорядок в чужих делах меня раздражает. К тому же беспорядок — это некультурно.

Последнее слово, как всегда, закончило спор, ибо подруги были единодушны в отвращении к тому, что называли «некультурностью» — этот расплывчатый термин обе, к взаимному удовольствию, понимали одинаково, и для них он был исполнен самого глубокого смысла.

Затем миссис Смайли вышла — ее лицо светилось тем отрешенным выражением, какое бывает у коллекционера, напавшего на след ценного экспоната, — а Флора засела за письма.

В следующий час вкрадчивые фразы лились с ее пера легко и свободно, поскольку язык у Флоры был подвешен отлично, и она с большим удовольствием меняла слог, приноравливая его к характеру адресата.

Письмо тетке в Уэртинг было дерзко-веселым, но с легким налетом безыскусного горя девочки-школьницы, потерявшей самых близких людей. К шотландскому дядюшке-холостяку Флора обращалась девически непосредственно и лишь самую чуточку игриво, давая понять, что она, по сути, бедная маленькая сиротка, к родственнице в Южном Кенсингтоне — с достоинством, скорб-

но, но деловито.

Раздумывая, какой стиль выбрать для неизвестных дальних родственников в Суссексе, Флора внезапно обратила внимание, до чего же чудной у них адрес:

Миссис Юдифь Скоткраддер
Ферма «Кручина»
Воплинг[8], *Суссекс*

Однако она напомнила себе, что Суссекс, что ни говори, совершенно особый мир, и, если принять сам факт, что люди живут *на ферме* в Суссексе, остальному можно не удивляться. В сельской местности бедствия случаются куда чаще, чем в городе, так что, естественно, это отражается и в названиях.

И все же Флора не могла подыскать нужный тон, так что в конце концов (был уже час дня, и она порядком устала) просто описала свое положение и попросила ответить как можно скорее, чтобы ей меньше терзаться неопределенностью.

Миссис Смайли вернулась в четверть второго и увидела, что подруга сидит в кресле, закрыв глаза, осунувшаяся и зеленая, а на коленях у нее

---

[8] Примечания: 8

Все названия городов, распложенных поблизости от фермы «Кручина», вымышленные.

лежат четыре запечатанных конверта.

— Флора! Что с тобой? Тебе нездоровится? Животик снова пошаливает? — с тревогой воскликнула миссис Смайли.

— Нет, я вполне здорова, просто меня мутит от написанного. — При этих словах она оживилась и выпрямилась в кресле. — Знаешь, Мэри, просто страшно, что у меня получается писать так гадко и притом так удачно. Все мои письма — литературные творения, за исключением, возможно, последнего. Из них так и сочится елей.

— Сегодня, — проговорила миссис Смайли, направляясь в столовую, — мы поедем в синематограф. Отдай письма Снеллеру, он отправит.

— Нет, я сама, — ревниво ответила Флора. — Ты купила бюстгальтер, дорогая?

Лицо миссис Смайли омрачилось.

— Нет. Это оказался фасон «Венера», выпущенный братьями Уорбер[9] в тридцать восьмом; спереди три эластичные вставки, а не две, как я надеялась, а такой у меня в коллекции уже есть. Из авто я не разглядела; он был сложен, и одна

---

[9] Примечания: 9

Намек на название «Корсетной компании братьев Уорнер». В 1914 г. они приобрели патент на бюстгальтер (который в то время не имел чашечек и не поддерживал, а придавливал грудь в соответствии с модой на мальчишескую фигуру).

вставка загнулась, отсюда и моя ошибка.

— А две вставки лучше?

– *Разумеется*, Флора. Двухвставочные бюстгальтеры *исключительно* редки. Я намеревалась купить такой, но, разумеется, ничего не вышло.

— Не огорчайся, мой ангел. Какой чудесный рейнвейн! Выпей до дна и сразу развеселишься.

По пути в «Родопиду»[10], большой вестминстерский синематограф, Флора отправила письма.

За следующие два дня не пришло ни одного ответа, и миссис Смайли выразила надежду, что родственники не ответят вообще. Она сказала:

— От всей души надеюсь, что если кто-нибудь и ответит, то не твои родные из Суссекса. Уж больно эти имена и названия пугают, какие-то они допотопные…

Флора согласилась, что имена и впрямь не обнадеживают.

— Если окажется, что на ферме «Кручина» у меня есть троюродные братья, сыновья кузины Юдифь, и кого-нибудь из них зовут Рувим или Сиф, я туда не поеду.

— Почему?

---

[10] Примечания: 10

Родопида — имя гетеры, упомянутой у Геродота. Кинотеатр, как и многое другое в романе, вымышленный; его название отражает тенденцию давать кинотеатрам античные имена.

— Потому что любвеобильных юнцов, живущих на ферме, всегда зовут Рувим или Сиф, и они совершенно несносные. Не забудь, что моя кузина — Юдифь. Наверняка муж у нее Амос, а если так, это типичная ферма, а ты знаешь, какие они…

Миссис Смайли проговорила мрачно:

— Надеюсь, ванна там есть…

— Тьфу на тебя, Мэри! — воскликнула Флора, бледнея. — Конечно, есть! Пусть это и Суссекс, но все-таки…

— Посмотрим, — ответила ее подруга. — И (если все-таки решишь туда ехать) обязательно телеграфируй мне, есть ли там кузен по имени Рувим или Сиф и не надо ли прислать тебе резиновые боты. У них наверняка грязь непролазная.

Флора сказала, что непременно телеграфирует.

* * *

Надежды миссис Смайли не оправдались. На третий день, то есть в пятницу, с утренней почтой пришли четыре письма для Флоры, одно из них — в самом дешевом желтом конверте, подписанное таким корявым и безграмотным почерком, что почтальон еле-еле его расшифровал. Кроме того, конверт был грязен. На штемпеле стояло «Воплинг».

— Вот видишь, видишь! — воскликнула миссис Смайли, когда во время завтрака Флора показала ей свои сокровища. — Какой кошмар!

— Подожди, я сперва прочту другие письма, а это оставлю напоследок. И помолчи, пожалуйста. Я хочу узнать, что пишет тетя Гвен.

Тетя Гвен, выразив племяннице соболезнования и напомнив, что нужно стиснуть зубы и не выходить из игры («Вечно эти игры!» — пробормотала Флора), сообщила, что будет очень рада ее принять. Флору ждет настоящий семейный уют и множество интересных занятий. Она ведь согласится иногда немного помочь с собаками? Воздух в Уэртинге бодрящий, а среди соседей много молодежи. Дом всегда полон народом, Флора никогда не будет скучать в одиночестве. Пегги, которая сейчас страшно увлечена школьными походами, охотно потеснится, и Флора сможет жить с ней в одной комнате.

Флора с легкой дрожью отвращения протянула письмо миссис Смайли, но эта справедливая женщина не только не поддержала ее чувства, но и сказала твердо:

— По-моему, очень доброе письмо. Добрее и быть не может. Ты же не рассчитывала, что хоть кто-нибудь из родственников предложит тебе

дом по твоему вкусу?

— Я не могу жить ни с кем в одной комнате, — объявила Флора, — так что тетю Гвен вычеркиваем. А вот письмо от мистера Маккорни, отцовского кузена из Пертшира.

Мистера Маккорни письмо от племянницы потрясло настолько, что вернулась его «старая болячка» и он два дня пролежал пластом. Старик выражал надежду, что это извиняет задержку с ответом. Разумеется, он будет счастлив приютить Флору под своим кровом, если она захочет сложить там белые крылышки своей юности («Душка-старичок!» — проворковала Флора), но опасается, что ей будет скучновато. Все здешнее общество состоит из него самого (да и он частенько лежит со «старой болячкой»), лакея и экономки, которая стара и туга на ухо. До ближайшей деревни семь миль, что тоже можно расценить как недостаток. Зато если Флора любит птиц, она сможет в свое удовольствие наблюдать за их жизнью на болотах, которые с трех сторон окружают дом. А сейчас он, к сожалению, вынужден закончить письмо, поскольку вновь вернулась «старая болячка», однако целует Флору и остается ее любящим дядюшкой.

Флора и миссис Смайли переглянулись и мот-

нули головами.

— Вот видишь, видишь! — повторила миссис Смайли. — Никакого просвета. Лучше тебе остаться со мной, выучиться и пойти на работу.

Однако Флора уже читала третье письмо. Мамина кенсингтонская кузина писала, что будет очень рада принять ее у себя, но есть некоторое затруднение со спальней. Быть может, Флору устроит большой чердак, где по вторникам собирается общество «Звезда Востока на Западе», а по пятницам Лига спиритических исследований. Тетушка выражала надежду, что Флора *не скептик*, ибо на чердаке иногда происходят паранормальные явления, а любой скептицизм разрушит атмосферу, в которой Лиге удавалось так успешно общаться с гостями из иного мира. Ничего, если в уголке чердака останется жить попугай? Он там вырос, а в его годы опасно менять обстановку.

— Как видишь, там мне тоже предлагают одну комнату на двоих, — сказала Флора. — Я не против паранормальных явлений, но с попугаем жить не согласна.

— Так открывай же конверт из Воплинга, — проговорила миссис Смайли, обходя стол и вставая у Флоры за плечом.

Последнее письмо было написано крупным

корявым почерком на дешевой линованной бумаге.

Дорогая племянница!

Так, значит, ты решила стребовать то, что твое по праву. Что ж, последние двадцать лет я ждала, когда дочь Роберта Поста даст о себе знать.

Дитя, мой муж некогда причинил твоему отцу большое зло. Если ты приедешь к нам, я всемерно постараюсь его загладить, только не спрашивай, о чем речь. Я нема как могила.

Может, мы не похожи на других, но Скоткраддеры живут в «Кручине», сколько она стоит, и мы постараемся принять дочь Роберта Поста как можно лучше.

Дитя, дитя, если ты впрямь приедешь в этот обреченный дом, что тебя спасет? Быть может, ты сумеешь помочь нам, когда пробьет наш час.

Твоя любящая тетка

Ю. Скоткраддер.

Необычайное послание очень взволновало и Флору, и миссис Смайли. Обе согласились, что в этом в целом негативном письме есть один плюс: оно умалчивало о необходимости делить с кем-нибудь комнату.

— И в нем нет ничего о наблюдениях за пти-

цами на болотах и тому подобном, — добавила миссис Смайли. — Интересно все-таки, какое зло причинил ее супружник твоему отцу. Он когда-нибудь упоминал о мистере Скоткраддере?

— Нет. Мы со Скоткраддерами в родстве через мамину старшую сестру, Аду Мрак. Юдифь — ее дочь, а значит, приходится мне кузиной, а не теткой. Она запуталась, что меня нисколько не удивляет. Тамошняя обстановка явно не способствует ясности ума. Так вот, мама терпеть не могла Аду Мрак, потому что та обожала сельскую местность и носила экстравагантные шляпки. В конце концов она вышла за суссекского фермера по фамилии Скоткраддер. Наверное, теперь кузина Юдифь — хозяйка фермы. Может, ее мужа угнали с соседской фермы во время разбойничьего племенного набега, и ему пришлось взять ее фамилию. Или она тоже вышла замуж за Скоткраддера. Интересно, что сталось с тетей Адой? Она на пятнадцать лет старше мамы, так что если еще жива, то должна быть совсем старой.

— Ты ее когда-нибудь видела?

— Нет, по счастью. Я никого из них не видела. Адрес нашелся у мамы в записной книжке — она посылала им открытки на Рождество.

— Что ж, — сказала миссис Смайли. — По всему

видно, что место жуткое, но не так, как другие. Оно кошмарное и загадочное, а те просто кошмарные. Если ты все-таки решила ехать к родственникам, а не остаться со мной, то, по-моему, тебе лучше выбрать Суссекс. Тебе там очень скоро надоест, а когда ты поймешь, каково это — жить с родственниками, ты примчишься сюда и поступишь на работу.

Флора сочла за лучшее не отвечать на последнее замечание.

— Да, Мэри, наверное, я поеду в Суссекс. Мне очень интересно, что там «мое по праву». Неужели деньги? Или маленький домик? Это было бы даже лучше. Ладно, приеду — узнаю. Как по-твоему, когда мне трогаться в путь? Сегодня пятница. Может, во вторник после ленча?

— Совершенно незачем срываться с места так скоро. В конце концов, тебе некуда спешить. Вряд ли ты выдержишь там больше трех дней, так не все ли равно, когда ехать? Тебе что, не терпится туда попасть?

— Я хочу получить то, что мое по праву, — ответила Флора. — Наверное, это какие-нибудь просроченные закладные, но, если они мои, я хочу их забрать. А теперь иди, Мэри, я собираюсь написать этим добрым людям, и мне надо сосре-

доточиться.

Флора никогда не могла понять, как составляются железнодорожные расписания, а гордость не позволяла ей обратиться за советом к Снеллеру или миссис Смайли, поэтому она попросила кузину Юдифь любезно сообщить, какие поезда ходят в Воплинг, в какое время они приходят, а также кто ее встретит и на чем.

Правда, в романах о сельской жизни никто никого на вокзале не встречает, кроме как с низкой (или, наоборот, благородной) целью опередить других членов семьи, но Флора подумала, что надо прививать Скотткраддерам культурные привычки. Поэтому она написала твердо: «Обязательно сообщите мне, какие поезда ходят до Воплинга и какой из них вы встретите», — и с чувством исполненного долга запечатала конверт и отдала Снеллеру, чтобы тот поскорее его отправил.

В следующие два дня Флора и миссис Смайли чудесно проводили время.

Утром они катались на коньках с Чарлзом, Бикки и еще одним из «пионеров, о пионеров» — тот носил прозвище Фьют и приехал в отпуск с озера Танганьика. Хотя они с Бикки отчаянно ревновали друг к другу, отчего испытывали ужас-

ные душевные муки, миссис Смайли отлично их выдрессировала, так что они не смели вздыхать, а серьезно выслушали, каждый в свой черед, как она волнуется за «пионера, о пионера» Гуфи, который собрался в Китай и от которого уже десять дней не было ни слуху ни духу.

— Боюсь, бедняжка огорчен, — говорила миссис Смайли, и все понимали: она опасается, что Гуфи от неразделенной страсти покончил с собой. Бикки и Фьют, по собственному опыту знавшие, что так оно, вероятно, и есть, отвечали: «Брось, Мэри, какие пустяки!» — и заметно приободрялись при мысли о терзаниях Гуфи.

Во второй половине дня они отправлялись полетать на аэроплане, или в зоопарк, или на концерт, а вечерами ходили в гости; точнее, миссис Смайли и двое «пионеров, о пионеров» ходили в гости, где новые молодые люди влюблялись в миссис Смайли, а Флора, которая, как мы знаем, ненавидела шумных сборищ, ужинала с умными мужчинами. То был ее любимый способ проводить вечера, ибо так она могла сколько угодно пускать пыль в глаза и говорить о себе.

К пятичасовому чаю в понедельник ответного письма все еще не было, и Флора думала, что придется отложить поездку, однако с вечерней

почтой пришла мятая открытка. Флора читала ее, вернувшись из ресторана, где пускала пыль в глаза и говорила о себе, когда вошла миссис Смайли — ей прискучило в гостях.

— Тут есть расписание поездов, моя драгоценная? — спросила миссис Смайли. — Фу, до чего грязная открытка. Неужто Скоткраддеры не могли найти чистой?

— Про поезда тут ничего нет, — сдержано ответила Флора. — Я разобрала только какие-то незнакомые цитаты, наверное, из Библии. И еще очередное заверение, что Скоткраддеры живут на ферме «Кручина», сколько она стоит, хотя зачем мне это пишут — ума не приложу.

— Только не говори, что там стоит подпись «Сиф» или «Рувим»! — в страхе воскликнула миссис Смайли.

— Там вообще нет подписи. Думаю, это от кого-то из членов семьи, кто не рад моему приезду. В цитатах, кроме прочего, упоминаются аспиды. Я бы предпочла расписание поездов, но, полагаю, нелогично ожидать такого внимания к мелочам от обреченного суссекского семейства. Ладно, Мэри, я поеду завтра после ленча, как и собиралась. С утра предупрежу их телеграммой.

— Ты полетишь?

— Нет. Ближайшая посадочная станция в Брайтоне. К тому же мне надо экономить деньги. Вы со Снеллером составите мне маршрут; для меня самой это слишком утомительно.

— Конечно, милая, — сказала миссис Смайли огорченно — ей жаль было расставаться с подругой. — И все-таки лучше бы ты осталась здесь.

Флора бросила открытку в камин, однако ее решимость осталась неколебимой.

На следующее утро миссис Смайли искала в расписании поезд до Воплинга, а ее горничная, Рианта, укладывала Флоре чемоданы.

Даже миссис Смайли не сумела отыскать в расписании ничего утешительного — оно выглядело еще путанее обычного. С тех пор как авиационное сообщение и отличные дороги перетянули к себе три четверти пассажиров, оставшиеся железнодорожные компании впали в черную тоску, которая читалась даже между строк их расписаний.

Имелся некий поезд, отходящий от Лондонского моста в половине второго. Это был медленный поезд, следующий со всеми остановками. В три он приходил в Бодягшир. Там пассажиры пересаживались на другой поезд, тоже медленный и следующий со всеми остановками. В шесть он

приходил в Пивтаун, и дальше уже ни о каких пересадках речи не шло. В расписании стояла лишь одна издевательская строчка «Воплинг (см. Пивтаун)» без каких-либо объяснений.

Итак, Флора решила ехать в Пивтаун, а там будь что будет.

— Наверное, Сиф встретит тебя в бричке, — заметила миссис Смайли за ленчем (они решили поесть раньше обычного, чтобы успеть на поезд).

Настроение у обеих было печальное. Флора глядела в окно на Ламбет, на хорошенькие домики, залитые бледным солнечным светом, и думала, что отказывается от компании миссис Смайли, полетов и ужинов в ресторане ради суровой жизни на ферме «Кручина» и общества некультурных Скоткраддеров.

— Какая бричка?! — огрызнулась она на ни в чем не повинную подругу. — Откуда в Суссексе брички? Ты вообще что-нибудь читаешь, кроме «Хауссман-Хаффниц о бюстгальтерах»? Нет, если Сиф меня встретит, то на тарантасе или в телеге.

— Я все-таки надеюсь, что его зовут не Сиф, — с жаром проговорила миссис Смайли. — А если все-таки Сиф, телеграфируй мне немедленно, и насчет резиновых ботов тоже.

Авто уже стояло у дверей, так что Флора поднялась из-за стола и поправила шляпку на золотисто-каштановых волосах.

— Непременно телеграфирую, хотя не вижу, какой в этом прок, — сказала она.

На душе у нее было тоскливо, а мысль, что она отправляется в эту нелепую поездку исключительно из собственного упрямства, еще добавляла горечи.

— Конечно, будет прок. Я тебе сразу пришлю все нужное.

— Что нужное?

— Подходящую одежду и модные журналы для поднятия настроения.

— А Чарлз приедет на вокзал? — спросила Флора, когда они усаживались в авто.

— Сказал, что, может, и приедет. А что?

— Да так, не знаю… Он мне нравится. Такой забавный…

Поездка через Ламбет не ознаменовалась никакими происшествиями, за исключением одного: Флора показала миссис Смайли, что на месте старого полицейского участка на Кэролайн-Плейс теперь открылся цветочный магазин под названием «Орхидеи лимитед».

Автомобиль доставил их на вокзал, где уже

стоял поезд. Тут же стояли Чарлз (с букетом цветов) и Бикки с Фьютом, страшно довольные, что Флора уезжает и миссис Смайли (как они горячо надеялись) будет проводить в их обществе больше времени.

«Поразительно, как любовь сдирает всякие остатки вежливости, которой человечество за годы эволюции с такими усилиями обзавелось, — подумала Флора, глядя из вагонного окна на лица Бикки и Фьюта. — Сказать им, что завтра с Онтарио возвращается Мигг? Нет, лучше не буду. Это был бы чистый садизм».

Поезд тронулся.

— До свидания, дорогая! — крикнула миссис Смайли.

— До свидания! — Чарлз в последнюю секунду сунул Флоре нарциссы, про которые чуть не забыл. — Не забудь мне телефонировать, если станет совсем тошно, и тогда я увезу тебя на «Скорой победе II»!

— Не забуду, Чарлз! Спасибо тебе огромное. Хотя я уверена, что мне там будет весело и вовсе не тошно.

— До свидания! — крикнули Бикки и Фьют, лицемерно изображая на лицах некое подобие огорчения.

— До свидания! Не забывайте кормить попугая! — выкрикнула Флора, которую, как всякую культурную путешественницу, утомляли долгие прощания.

— Какого попугая?! — завопили они с быстро удаляющегося перрона — ровно как и было задумано.

Однако ответ уже потребовал чрезмерного напряжения сил. Флора ограничилась тем, что пробормотала «Да какого хотите» и последний раз ласково помахала миссис Смайли, затем села, устроилась поудобнее и раскрыла модный журнал.

Глава 3

**Новый день массивной белесой тушей сползал с меловых холмов, неся в себе иступленное рычание ветра, вгрызавшегося в черные заросли терновника. Ветер был голосом медлительной звериной туши рассвета, под которой мало-помалу проступали слуховые окна, балясины и орясины фермы «Кручина».

Ферма съежилась на унылом склоне холма; ее поля, ощетинившиеся зубьями кремневых осколков, круто спускались по склону к поселку Воплинг милею дальше. Сараи и службы, выстроенные в форме примитивного восьмиугольника, окружали усадьбу, выстроенную в форме грубого треугольника. Левый угол треугольника упирался в дальний угол восьмиугольника, образованный коровьими хлевами (они шли параллельно большому амбару). Службы были сложены из грубого камня и покрыты соломой, дом — частью из местного кремня, скрепленного раствором, частью из камня, ценой больших издержек и трудов доставленного сюда из Пертшира.

Он представлял собой длинное строение, местами двух-, местами трехэтажное. Первым владельцем фермы был Эдуард Шестой; тогда тут стоял сарай, где жили его свинопасы. Король возвел на месте деревянного сарая глинобитный, а чуть позже распорядился снести и его. Елизавета отстроила ферму заново, снабдив ее множеством печных труб. Чарлзы ее не тронули, а вот Мария с Вильгельмом сровняли с землей. Георг Первый возродил ферму. Георг Второй сжег. Георг Третий добавил новое крыло. Георг Четвертый велел разобрать все до основания.

К эпохе имперской экспансии и торгово-промышленного подъема, которым ознаменовалось царствование Виктории, от первоначального здания не осталось почти ничего, кроме традиции, что оно всегда тут стояло. Дом припал к земле, словно зверь перед прыжком. Архитектурные стили прошлых эпох — призраки, вмурованные в камень и кирпич, — оставались безмолвными свидетелями истории. В округе его называли «Королевская причуда».

Парадная дверь открывалась на вспаханное поле: так вздумалось Релею Скоткраддеру в 1835 году, и с тех пор домашние выходили через черную дверь и оказывались на скотном дворе.

Длинный коридор тянулся до середины второго этажа и там обрывался. На чердак нельзя было попасть вообще никаким способом. Вся планировка была до крайности неудобна.

…И по мере того как траурный свет растекался по небосводу, нарастал и страдальческий рокот моря, резкими складками набегавшего на зеркальную гладь берега двумя милями дальше.

Под зловещей чашей небес одинокий мужчина пахал склон у фермы; в извилистых бороздах острые, как осколки костей, белесо поблескивали кремни. Ледяные каскады ветра скакали по нему, пока он направлял свой плуг по каменистой почве, время от времени прикрикивая грубым голосом:

— Гей, Потуга! Пшел, Мышьяк! Шевелись!

Однако по большей части он трудился в молчании, как и лошади. Лицо его было так же невыразительно и серо, как земля под плугом, два темных глаза смотрели угрюмо и неприветливо.

Всякий раз, дойдя до края поля, он круто накло-

нял гридло[11] своего плуга, чтобы повернуть; тогда взгляд его устремлялся к ферме на костлявом всплечье холма, и в тусклых глазах вспыхивал алчный огонь. Затем, прикрикнув: «Но, Потуга! Тпру, Мышьяк!», пахарь устремлялся дальше, понуро наблюдая, как гридло рассекает жесткую почву, а в небе над его головой медленно разгорается неласковый утренний свет.

Из-за расположения служб солнце добиралось до двора в последнюю очередь, так что паутина на верхних окнах старой усадьбы уже давно сияла в утренних лучах, а на скотном дворе по-прежнему лежала волглая тень.

Лежала она и сейчас, но на составленных в ряд металлических подойниках вспыхивали резкие блики.

Выйдя из дома через черную дверь, вы утыкались в каменную стену, которая по ломаной линии шла наискосок к бычьему хлеву и дальше до калитки в огород, буйно заросший песьей

---

[11] Примечания: 11

Пародируя романы из сельской жизни (от Томаса Гарди до Дэвида Герберта Лоуренса), Стелла Гиббонс ввела в текст множество вымышленных якобы диалектных словечек: гридло, коровня, бычарня, кохопутить и так далее. К их числу относятся также многочисленные выдуманные названия растений и птиц: песья вонючка, болотная паичка, живохлебка и прочие, а также существующие слова, употребленные в неверных значениях: орясина, галган, заструга и тому подобное.

вонючкой и дикой репой. Бычарня упиралась в правый угол маслобойни. Коровни смотрели на дом, но черная дверь смотрела на бычарню. Отсюда по всей длине восьмиугольника, до парадной двери, тянулся длинный сарай. Маслобойня стояла крайне неудобно; она была мозолью в глазу старого Нишиша Скоткраддера, последнего хозяина фермы, умершего три года назад. Маслобойня смотрела на парадную дверь в дальнем углу треугольника, образованного древним зданием усадьбы.

От маслобойни отходила стена, составлявшая правую грань восьмиугольника, — она соединяла бычий хлев и свиные закуты в правом углу треугольника. Лестница, поставленная здесь для вящего неудобства, шла параллельно восьмиугольнику от середины двора и до стены, ведущей к огородной калитке.

Из смрадной глубины коровьего хлева доносился звук молочной струи, бьющей в подойник. Подойник зажимал между коленями старый Адам Мухинеобидит. Голова его упиралась в бок Неряхи, большой джерсейской коровы, скрюченные пальцы машинально дергали ее вымя, а с губ слетало ласковое бормотание, бездумное, как ветер средь меловых холмов.

Адам спал. Он прободрствовал всю ночь, блуждая мыслями по бесприютным голым холмам вслед за своей дикой пташкой, своим полевым цветочком…

Эльфина. Имя, непроизнесенное и резко мелодичное, словно сияющая капля, сорванная с ожерелья криницы, ощутимо звенело в зловонном воздухе хлева.

Коровы стояли, обреченно понурив головы. Неряха, Неумеха, Нескладеха и Невезуха ждали, когда их подоят. Иногда Неряха с резким звуком, словно напильником по шелку, неловко проводила шершавым языком по тощему боку Нескладехи, еще мокрому от ночного дождя, пролившегося через дырявую крышу хлева, или Невезуха косилась большим бессмысленным глазом, поднимая голову, чтобы сжевать немного паутины с деревянной заструги. Влажный и душный свет, почти такой же, как горит под веками лежащего в лихорадке, наполнял коровню.

Внезапно страдальческий нутряной рев, взорвавший тишину утра, пронесся по двору и оборвался рыдающим мучительным всхрипом. То пробудился в сырой темноте своего заточения бык по кличке Воротила.

Звук разбудил Адама. Он отлепил голову от

бока Неряхи и мгновение растерянно озирался; мало-помалу его глаза — маленькие, влажные, бессмысленно смотрящие с примитивного лица, — утратили выражение ужаса. Он понял, что сидит в хлеву, что сейчас зимнее утро, половина седьмого, а его скрюченные пальцы заняты работой, которую выполняют в этот час последние лет восемьдесят.

Он встал, вздохнул и перешел к Невезухе, которая жевала хвост Нескладехи. Адам, связанный со всяким бессловесным скотом цепью, выкованной из пота и перегноя, вынул хвост Нескладехи у Невезухи изо рта и взамен протянул свой шейный платок — последний, что у него оставался. Корова жевала платок, пока Адам ее доил, но едва он поднялся и перешел к Неумехе, украдкой выплюнула тряпицу и копытом зарыла в вонючую солому у своих ног. Ей не хотелось огорчать старика, отвергая его угощение. Прочная связь — медленная, глубокая, первозданная и безмолвная — сплачивала Адама со всеми живыми тварями. Он знал их немудрящие нужды, они — его. И Адам, и коровы жили близко к земле; старая, матерая простота суссекской почвы вошла в их плоть и кровь.

Внезапно на деревянный косяк двери легла

тень. День, сжимавший коровню в мертвенно-бледных объятиях, омрачился лишь самую малость, однако Неряха, Нескладеха, Неумеха и Невезуха инстинктивно подобрались, а в глазах Адама, когда тот встал и повернулся к входу, вновь мелькнул затравленный страх.

— Адам, — проговорила женщина, стоящая в дверном проеме, — сколько ведер молока будет у нас нынче утром?

— Поди ж скажи, — ответил Адам, вжимая голову в плечи. — Ежли наша Неумеха больше не мается животом, то, могет быть, и четыре. А ежли мается, то, могет быть, и три.

Юдифь Скоткраддер сделала нетерпеливое движение руками — они были так велики, что, казалось, охватывали весь окоем. Да и сама она выглядела безграничной, когда стояла на пронизывающем ветру, кутая могучие плечи в малиновую шаль. Ее присутствие заполнило бы любую сцену, сколь угодно огромную.

— Ладно, постарайся надоить побольше, — безжизненным голосом произнесла она, глядя в сторону. — Миссис Скоткраддер спрашивала меня вчера про молоко. Она сравнивала наши надои с теми, что получают на других фермах в округе, и сказала, они на пять шестых ведра меньше, чем

должны быть при нашем числе коров.

Глаза Адама подернулись пленкой, словно у ящерицы, разомлевшей под жарким южным солнцем, отчего лицо приняло безжизненное примитивное выражение, однако он ничего не ответил.

— И еще, — продолжала Юдифь. — Тебе, наверное, придется съездить вечером в Пивтаун к поезду. К нам приезжает пожить дочь Роберта Поста. Скажу точнее, как только она даст знать.

Адам испуганно вжался в изъязвленный бок Неумехи.

— Не посылайте меня за ней, мисс Юдифь! — жалобно проскулил он. — Не надо! Как я посмею взглянуть в ее личико-бутончик, зная то, что знаю? О, мисс Юдифь, умоляю, не посылайте меня. Да к тому же, — добавил старик более деловито, — я уж почти шестьдесят пять лет не держал в руке вожжей, как бы мне не опрокинуть барышню.

Юдифь была уже на середине двора. Сейчас она медленно и величаво повернулась к Адаму, и ее низкий голос колоколом раскатился в морозном воздухе:

— Нет, Адам, придется тебе поехать. Ты должен забыть, что знаешь; мы все должны, покуда она

здесь. А что до остального — запряги Аспида в тарантайку и съезди шесть раз в Воплинг и обратно, вот и вспомнишь, как это делается.

— А не могет мастер Сиф съездить заместо меня?

Сведенное неизбывным горем лицо хозяйки внезапно озарилось сильными чувствами. Она проговорила тихо и резко:

— Вспомни, что было, когда он ездил встречать новую судомойку… Нет. Поедешь ты.

Глаза Адама — слепые озерца воды на примитивном лице — внезапно хитро блеснули. Он вновь принялся машинально дергать Нескладеху за вымя, приговаривая нараспев:

— Что ж, мисс Юдифь, коли так, значит, поеду. Сколько лет мне думалось, что придет однажды этот день… И вот я еду забирать дочь Роберта Поста в «Кручину». Чуден мир. Семечко в цветочек, цветочек в ягодку, ягодка в живот. То-то и оно.

Юдифь уже прочавкала по грязи через двор и вошла в усадьбу.

В большой кухне, занимавшей почти всю среднюю часть дома, горел безрадостный огонь, дым от него стлался по закопченным стенам и по накрытому к завтраку столу из сосновых досок, черному от времени и грязи. Над огнем висел

галган с грубой овсянкой, а опершись на каминную полку и мрачно глядя на кипящее варево, стоял высокий молодой человек в забрызганных грязью сапогах. Его грубая шерстяная рубаха была расстегнута до пупа. Огонь в камине играл на мышцах диафрагмы, которые медленно вздымались и опадали в такт колыханию овсянки.

Когда Юдифь вошла, молодой человек вскинул голову, резко, издевательски хохотнул, но ничего не сказал. Она медленно подошла и встала рядом. Они были одного роста. Некоторое время оба стояли и молчали: Юдифь смотрела на молодого человека, а тот — в загадочные расселины овсянки.

— Что ж, матерь моя, — сказал он наконец, — вот он я, как видишь. Я обещал быть к завтраку и сдержал слово.

Голос у него был низкий, по-звериному хрипловатый; чуть ироничная теплота бархатистой лентой чувственности обвивала внешнюю грубоватость молодого человека.

Юдифь дышала сильно и прерывисто. Она глубже упрятала руки под шаль. Овсянка зловеще всколыхнулась; можно было подумать, что она наделена разумом, настолько ее движения отзывались на каждый всплеск человеческих

страстей.

— Мерзавец, — проговорила наконец Юдифь ровным голосом. — Трус! Лжец! Распутник! У кого ты провел эту ночь? У Молли с мельницы или у Викки из викариата? Или, может, у Конни с кузницы? Сиф, сын мой… — Низкий скрипучий голос задрожал, но она взяла себя в руки, и ее слова хлестнули его, как плеть: — Ты хочешь разбить мне сердце?

— Да, — со стихийной простотой отвечал Сиф.

Овсянка выкипела на пол.

Юдифь, опустившись на колени и глотая слезы, быстро и отрешенно собрала ее обратно в галган. Тем временем во дворе раздался невнятный гул голосов и топот. Мужчины пришли к завтраку.

Он был накрыт для них на длинном дощатом столе как можно дальше от огня. Они неловко ввалились в кухню, все одиннадцать человек. Пятеро были дальние родичи Скоткраддеров, двое — сводные братья Амоса, мужа Юдифи. Лишь четверых не связывали с остальными те или иные семейные узы, так что общее настроение у работников, как легко догадаться, было отнюдь не из веселых. Марк Скорби, один из четверых, однажды заметил: «Будь мы другие одиннадцать, могли бы составить крикетную команду, а так

мы годимся только носить гробы по шесть пенсов за милю».

Пятеро сводных кузенов и двое сводных братьев уселись за стол — они ели вместе с хозяйской семьей. Амос предпочитал видеть своих родственников поблизости, хотя, конечно, никогда этого не говорил и вообще никак не выказывал.

Сильное фамильное сходство, словно прихотливый свет, то проглядывало, то пропадало на грубых обветренных лицах. Иеремия Скоткраддер, самый крупный из семерых, и сейчас выглядел силачом, несмотря на паралич, скрючивший его в колене и запястье. Его племянник, Урк, низкорослый, рыжий и остроухий, смахивал на лиса, Ездра, брат Урка, при том же телосложении больше напоминал лошадь. Сельдерей, молчаливый и худощавый, с длинными подвижными пальцами, был отчасти наделен той же звериной грацией, что и Сиф; он передал ее своему сыну, Кипрею, молчаливому и нервному молодому человеку, склонному взрываться по пустякам.

Сводные братья Амоса, Анания и Азария, любители поспать и поесть, были кряжисты и скупы на слова.

Когда все расселись, две тени омрачили резкий,

холодный свет, льющийся в открытую дверь. То была не более чем нарастающая опасность человеческого присутствия, и тем не менее овсянка вновь выкипела на пол.

В кухню вошли Амос Скоткраддер и его старший сын Рувим.

Амос, еще более крупный и скрюченный, чем Иеремия, молча поставил в угол моторыгу и кирко-заступ, а Рувим — гридло, которым недавно пахал склон под фермой.

Оба молча уселись за стол. Амос пробормотал длинную и жаркую молитву, после чего все молча приступили к трапезе. Сиф мрачно завязывал и развязывал зеленый шарф на великолепной шее, которую унаследовал от матери; он не прикоснулся к овсянке, а Юдифь лишь делала вид, будто ест, ковыряя ложкой в каше и выстраивая замки из пригорелых комков. Ее глаза горели под своими нависшими балконами, то и дело устремляясь на Сифа, который сидел с чувственной небрежностью, расстегнутый почти на все пуговицы и развязанный почти на все шнурки. Затем те же глаза, черные, словно ядовитые королевские кобры, медленно обращались на седую голову и багровую шею Амоса и тут же хищными богомолами прятались между веками. Ее полные

губы были таинственно поджаты.

Внезапно Амос, подняв взгляд от миски, спросил резко:

— Где Эльфина?

— Еще не встала. Я ее не будила. От нее по утрам хлопот больше, чем помощи, — ответила Юдифь.

Амос засопел.

— Греховная это привычка — спать допоздна, и преисподний огнь вечного проклятия ждет тех, кто ей предается. И… — тут его горящий взгляд остановился на Сифе, который украдкой разглядывал под столом парижские фотографические открытки[12], — тех, кто нарушает седьмую заповедь, тоже. И тех, — тут он взглянул на Рувима, с надеждой искавшего в лице родителя признаки апоплексии, — кто при живом отце зарится на наследство.

— Послушай, Амос… — начал Иеремия.

— Молчи! — прогремел Амос.

Мощная дрожь прошла по исполинскому телу Иеремии, однако тот сдержался и ничего не ответил.

Когда с завтраком было покончено, работники поднялись, чтобы продолжить уборку брюквы.

---

[12] Примечания: 12

Имеются в виду фотографии полуобнаженных девиц в эротических позах; часто такие наборы и впрямь изготавливались во Франции.

Сейчас была самая страда брюквы, долгая и очень тяжелая. Скоткраддеры тоже встали и вышли под начавшийся дождь. Они копали колодец подле маслобойни; копали уже год, потому что все новые препятствия не давали завершить начатое. Однажды — в ужасный день, когда Природа словно затаила дыхание, а затем выпустила его ураганным ветром, — Кипрей упал в колодец, другой раз Урк столкнул туда Сельдерея. И все же все чувствовали, что осталось недолго.

В середине утра пришла телеграмма из Лондона с известием, что гостья прибудет шестичасовым поездом.

Юдифь была дома одна. Прочитав телеграмму, она еще долго стояла неподвижно, а дождь хлестал в окно на ее малиновую шаль. Наконец, медленно волоча ноги, Юдифь поднялась на второй этаж. По пути к лестнице она бросила через плечо Адаму, который пришел вымыть посуду:

— Дочь Роберта Поста приедет в Пивтаун шестичасовым поездом. Тебе надо выехать за нею в пять. Я пойду предупрежу миссис Скоткраддер.

Адам не ответил. Сифу, сидевшему у камина, прискучило разглядывать карточки, полученные три года назад от сына викария, с которым они по временам вместе браконьерствовали. Он уже

знал их все наизусть. Мириам, наемная домашняя прислуга, должна была прийти только после обеда. Когда она придет, то будет отводить глаза, трепетать и плакать.

Он расхохотался дерзко, торжествующе, расстегнул еще пуговицу на рубахе и вразвалку вышел во двор к хлеву, где томился во тьме бык по кличке Воротила.

Тихо посмеиваясь, Сиф пнул ногой дверь.

И словно ответом самца самцу, истерзанный страдальческий рев вырвался из темного хлева и без помех унесся в мертвое небо над фермой.

Сиф расстегнул еще одну пуговицу и вразвалку пошел прочь.

Адам Мухинеобидит, один в кухне, невидящим взглядом смотрел на грязные миски, которые ему предстояло вымыть, ибо наемная прислуга, Мириам, приходила только после обеда, да и тогда проку от нее было немного. Как знал весь Воплинг, она дохаживала последние дни. Как-никак, сейчас февраль, и в земле ворочается новая жизнь. Улыбка тронула морщинистые губы Адама. Он собрал миски и отнес к насосу в углу кухни, подле каменной мойки. Она дохаживает последние дни. А когда апрель, словно истомившийся любовник, припадет к пышным

податливым холмам, в лачужке за Крапивным полем, где Мириам растит плоды своего позора, станет одним ребеночком больше.

— Заячий лук да квакушкины слезки, по плодам распознаете их, — бормотал Адам, пуская холодную струю на миски с приставшей овсянкой. — Дождь ли, вёдро, завсегда одно и то же.

Покуда он вяло тыкал в застывшую овсянку терновой веткой, на лестнице за дверью кухни раздались шаги, и кто-то замер на пороге.

Шаги были легки, как пушинки. Если бы шум бегущей воды не заглушал все другие звуки, старик принял бы эту робкую поступь за биение собственного сердца.

И вдруг, внезапно, словно зимородок пронесся сквозь кухню, мелькнули зеленая юбка и летящие золотые кудри, колокольчиком прозвенел смех, и мгновение спустя стукнула калитка, ведущая через запущенный огород в холмы.

Адам резко повернулся, выронил терновую ветку и разбил две миски.

— Эльфина… пташка моя, — прошептал он, делая шаг к раскрытой двери.

Хрупкая тишина, словно издевкой, обдала его запахом навоза и гниющего дерева.

— Фифеечка моя, тетешка, — жалобно бормотал

старик. Теперь глаза его смотрели как серые озерца — незрячие примитивные бочаги на одиноком болоте, отражающие пустое вечернее небо.

Старик безвольно опустил руки и выронил еще одну миску. Она разбилась.

Он вздохнул и, позабыв обо всем, медленно двинулся к двери. Серые озерца его глаз были устремлены на коровню.

— Да, скотинка, — грустно бормотал он. — Бессловесная скотинка, она добро помнит, не то что человек. Лучше б я тетешкал на груди нашу Нескладеху, чем крошку Эльфину. Да, дикая она у нас, как болотная паичка в мае. Значит, так тому и быть. Кисло ли, сладко ли, в анбаре, на гумне ли, так оно и будет. Да, но ежели он, — тут незрячие серые озерца потемнели, словно на болото налетел атлантический шторм, — ежели он тронет хоть волосинку на ее золотистой головушке, я его убью.

Так, бормоча что-то, старик вошел в хлев, где отвязал коров и погнал через двор и дальше по раскисшей дороге на Крапивное поле. Погруженный в свое горе, он не заметил, что у Нескладехи отвалилась нога, и она кое-как поспешает на трех оставшихся.

Огонь на кухне, оставшись без присмотра,

потух.

Глава 4

Бесконечный свинцовый день незаметно сползал к вечеру. После простой полуденной трапезы Адам по указанию хозяйки запряг Аспида, норовистого мерина, в повозку и шесть раз съездил в Воплинг и обратно, дабы восстановить кучерские навыки. Он думал отвратить испытания, разыграв припадок, но не сумел произвести нужного эффекта, поскольку у Мириам, наемной прислуги, когда та передавала Сифу миску с овощами, от волнения начались схватки.

В последовавшей суете припадок Адама, который тот из соображений собственного удобства и безопасности разыграл в хлеву, послужил лишь греческим хором к основной драме.

Итак, отговорок у Адама не осталось, и он всю вторую половину дня катался на станцию и обратно к большому возмущению Скоткраддеров, наблюдавших за ним от колодца: все это время мужчины не копали, ругаясь, что старик бездельничает.

— Как я узнаю барышню? — жалобно спросил он у хозяйки, зажигая фонарь на тарантасе.

Тусклое пламешко медленно разгорелось под огромной, равнодушной чашей небес и повисло блуждающим могильным огоньком в безветренных сумерках. — Роберт Пост был здоровущий бугай, все играл в мячи да в биты. Чай и дочка его такая же?

— Пассажиров будет мало, — нетерпеливо ответила Юдифь. — Дождись, когда все уйдут со станции. Дочь Роберта Поста останется последней — она будет ждать, что ее встретят. Да поезжай уже! — И она ударила мерина по крупу.

Аспид рванул с места раньше, чем Адам успел его удержать. Тьма упала затуманенным колоколом черного стекла и скрыла с глаз размокшую от дождя местность.

К тому времени как тарантас добрался до Пивтауна, отстоящего от Воплинга на добрых семь миль, Адам забыл, куда и зачем едет. Вожжи лежали на его узловатых руках, незрячее лицо было обращено к темному небу.

***Из плотных, слежалых слоев его подсознания в затуманенное сознание медленно сочилась мысль — не как интегральная часть этого сознания, но как бесплотная эманация, ноктурнальное веяние бессонной жизни от волнующихся вокруг деревьев и полей. Тьма, плотным одеялом на-

крывшая округу, не принесла ей успокоения; на мили вокруг земля билась в ежегодных конвульсиях весеннего роста: червяк терся о червяка, семечко о семечко, лист о корень и заяц о зайца. Букашек и тех затронула эта напасть. Икрянки в темном омуте за Крапивной запрудой возбужденно пульсировали. Долгие крики пестробрюхих сов-ушанок алыми полосами разрывали ночной мрак. В промежутках, каждые десять минут, они спаривались. То, что стороннему глазу показалось бы хаосом, было на самом деле методически упорядоченно. Однако глухота и слепота Адама шли не только извне; земное спокойствие сочилось из его подсознания вверх и встречало нисходящий ток умиротворенного сознания. Дважды работники с других ферм вытаскивали тарантас из живой изгороди, а один раз он чуть не столкнулся с повозкой викария, едущего домой после чая в помещичьем доме.

— Где ты, моя птеничка? — спрашивали слепые губы старика у немой тьмы и черных голых ветвей. — Для того ли я тетешкал тебя как нюнечку?

Он знал, что Эльфина сейчас меж холмов бежит на длинных жеребячьих ногах к помещичьему дому. С мучительной болью старик воображал свою маленькую питомицу в беспечных руках

Ричарда Кречетт-Лорнетта…

И все же тарантас благополучно добрался до места: дорога была одна и упиралась в станцию.

Адам натянул вожжи в тот самый миг, когда Аспид пытался на всем скаку ворваться в кассовый зал, и привязал их к заструге у конской поилки.

И тут же он сник, будто сухая былинка. Плечи обвисли, голова упала на грудь под гнетом навалившихся раздумий. Он был древесным стволом, жабой на камне, совой-пискухой на ветке. Все человеческое ушло из старика.

Некоторое время он размышлял, пребывая вне времени. Все оно сосредоточилось в яркой точке пространства и вращалось вокруг имен Эльфины и Ричарда Кречетт-Лорнетта. Надо полагать, оно все же шло (поскольку поезд прибыл, пассажиры вышли и разъехались), но только не для Адама.

Наконец его вернуло к реальности странное копошение на дне тарантаса.

Солому, лежавшую там последние двадцать пять лет, энергично сбрасывала на дорогу стройная ножка, обутая в прочную, но изящную туфельку. Кроме ножки, фонарь освещал только зеленую юбку, сильно колышущуюся от ее движений.

Послышался голос из темноты:

— Ужас какой!

— Э… — пробормотал Адам, подслеповато всматриваясь во тьму за кругом света от фонаря. — Не надо так, душенька. Эта солома была вполне хороша для мисс Юдифи, когда та ездила в свадебное путешествие в Брайтон, сгодится и сейчас. Что полова, что мякина, что лист, что плод, все мы там будем.

— Ну уж нет, ко мне это не относится, — заверил голос. — Я поверю во все, что говорят о Суссексе и «Кручине», но только не в то, что кузина Юдифь ездила в Брайтон. А теперь, если вы закончили размышлять, может быть, поедем? Мой чемодан доставят на ферму завтра почтовым фургоном. Хотя, — с ехидцей продолжал голос, — едва ли вам интересно, доставят мой чемодан, или он пустит здесь корни.

— Дочь Роберта Поста, — пробормотал Адам, глядя в лицо, смутно проступившее в темноте рядом с кругом света от фонаря. — Да, меня послали сюда за тобой, и я тебя не видел.

— Знаю, — ответила Флора.

— Дитя, дитя… — начал Адам и не договорил, сорвавшись на всхлип.

Флора, не дожидаясь продолжения, спросила, не хочет ли Адам, чтобы она правила лошадью,

чем задела его мужскую гордость. Он отвязал вожжи от заструги, и тарантас без дальнейших проволочек двинулся вперед.

Флора одной рукой прижимала к горлу меховой воротник, защищаясь от вечернего холода, а другой придерживала на коленях сумку с ночной рубашкой и туалетными принадлежностями. Туда же она в последний миг под влиянием порыва сунула любимый томик «Мыслей» аббата Фосс-Мегре. Остальные книги должны были прибыть на ферму вместе с чемоданом, однако Флора чувствовала, что ей легче будет встретиться со Скоткраддерами правильно и культурно, если «Мысли» (лучшее руководство для культурного человека) будут у нее под рукой.

Другое, еще более великое сочинение аббата, «Высший здравый смысл», за которое он в двадцать пять лет получил докторскую степень в Парижском университете, лежало у нее в чемодане.

Флора думала о «Мыслях», пока тарантас, оставив позади Пивтаунские огни, взбирался по дороге, ведущей к невидимым холмам. В душе у нее скребли кошки. Она замерзла и чувствовала себя (хоть и не выглядела) помятой после долгой дороги. Ближайшие перспективы не радовали.

На память пришел неутешительный совет аббата: «Не намечай встречу с противником на конец пути, если только это не конец *его* пути».

Адам за всю дорогу не проронил ни слова, что вполне устраивало Флору: с ним она собиралась разобраться позже. Ехали не так долго, как она опасалась, ибо Аспид оказался резвым жеребчиком и бежал резво (Флоре подумалось, что он живет у Скоткраддеров не так давно). Менее чем через час впереди показались огни.

— Это Воплинг? — спросила Флора.

— О да, дочь Роберта Поста.

На этом разговор заглох. Флора принялась гадать, о каких ее правах упоминала кузина Юдифь, кто отправил открытку со словами про аспидов и какое зло причинил муж Юдифи ее отцу, Роберту Посту.

Воплинг остался позади, и тарантас начал взбираться на холм.

— Мы почти приехали?

— Да, дочь Роберта Поста.

Через несколько минут Аспид остановился перед едва различимыми воротами. Адам стегнул его бичом, однако мерин не двинулся с места.

— Думаю, это конец дороги, — заметила Флора.

— Никогда так не говори.

— Буду говорить. Смотрите, еще немного, и мы въедем в изгородь.

— Все одно, дочь Роберта Поста.

— Для вас может быть, а для меня — нет. Я вылезу.

Спрыгнув на землю, Флора отыскала во тьме, подсвеченной лишь бледными зимними звездами, скользкую дорожку между двумя рядами живой изгороди, слишком узкую для тарантаса.

Адам, оставив Аспида у ворот, пошел за ней с фонарем.

Из мрака постепенно проступало здание. Когда Адам с Флорой приблизились, дверь внезапно приоткрылась и наружу хлынул свет. Адам испустил радостный возглас:

— Это хлев! Наша Неумеха открыла мне дверь!

И Флора увидела, что все так и есть: дверь хлева толкала носом тощая коровенка.

Особого оптимизма это у Флоры не вызвало.

Однако тут же глухой голос спросил: «Это ты, Адам?». В двери показалась женщина с фонарем и подняла его над головой, освещая новоприбывших. Флора смутно различала избыточно красную шаль и копну темных волос.

— Добрый вечер! — крикнула она. — Ты, наверное, моя кузина Юдифь? Спасибо, что вышла

встретить меня в такой холод. И большое спасибо, что пригласила меня к себе. Мы ведь раньше не встречались?

Она протянула руку, однако Юдифь только выше подняла фонарь, пристально изучая ее лицо. Шли секунды. Флора подумала было, что у нее губная помада неправильного оттенка, потом сообразила, что причина молчания более серьезна. Флора чувствовала себя Колумбом под немигающим взглядом туземца. Первый раз представительница рода Скоткраддеров видела перед собой культурного человека.

Впрочем, такое созерцание в конце концов утомляет, утомило оно и Флору. Она спросила Юдифь, не сочтет ли та за невежливость, если знакомство с другими членами семьи отложат до завтра? Она предпочла бы поужинать у себя в комнате.

— Там холодно, — проговорила наконец Юдифь.

— О, камин быстро ее прогреет, — решительно ответила Флора. — Спасибо огромное за хлопоты.

— Мои сыновья, Сиф и Рувим… — Голос сорвался, однако Юдифь взяла себя в руки и закончила: — Мои сыновья ждут кузину, чтобы с ней познакомиться.

Все это вместе с пугающими именами чересчур напоминало выставку крупного рогатого скота, поэтому Флора только улыбнулась, сказала, что чрезвычайно тронута таким вниманием, однако предпочитает отложить встречу до завтра.

Юдифь пожала могучими плечами, так что ее объемистый бюст заколыхался.

— Как знаешь. Камин, наверное, чадит…

— Ничуть не сомневаюсь, — улыбнулась Флора. — Однако это можно будет поправить и завтра. Так что, идем. Но прежде… — открыв сумку, она достала карандаш и вырвала листок из записной книжки, — я попрошу Адама отправить телеграмму.

Ей удалось настоять на своем. Через полчаса она уже сидела у чадящего камина в своей комнате и задумчиво ела два вареных яйца. На них Флора остановила свой выбор, решив, что это будет самое безопасное; домашняя ветчина, а уж особенно поджаренная Адамом, могла бы повредить долгому сну, который Флора для себя наметила и к которому вскорости принялась готовиться.

Она так устала, что почти не обращала внимания на обстановку комнаты. Решение приехать сюда казалось все менее разумным. Флора

вспоминала длинные запутанные коридоры, которыми вела ее кузина и подумала: если весь дом такой же и если Адам и Юдифь — типичные представители здешней публики, то превратить «Кручину» в культурное место будет непросто. Однако она возложила руку на плуг[13] и не собиралась озираться, зная, что в таком случае миссис Смайли скроит гримаску, которая у менее утонченной женщины означала бы: «Ну я же тебе говорила!»

И впрямь далеко на Маус-Плейс миссис Смайли в эту минуту с удовольствием читала телеграмму, гласившую: «ХУДШИЕ СТРАХИ ОПРАВДАЛИСЬ ДОРОГАЯ СИФ И РУВИМ БОТЫ ТОЖЕ ОТПРАВЬ».

[13] Примечания: 13

Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия (Лк. 9:62).

Глава 5

Проспать допоздна Флоре не удалось, поскольку ни свет ни заря у нее под окнами началась ожесточенная ссора.

Гневные мужские голоса доносились из-под покрова мертвой, угрюмой тьмы, нарушаемой далеким кукареканьем. Одного из говорящих Флора вроде бы узнала.

— Негоже, мастер Рувим, кусать руку, которая тебя холила и люлюила. Кто лучше меня знает нужды бессловесной скотины? Не для того я вскармливал нашу Невезуху, когда она была трех дней от роду и слепа, как курица. Я понимаю ее сердечко лучше, чем черные сердца иных людей.

— Да плевать! — кричал другой человек, голос его был Флоре не знаком. — Нескладеха потеряла ногу! Где она? Отвечай мне, безмозглый старикан! Кто теперь купит Нескладеху, когда я отведу ее на Пивтаунскую ярмарку? Кому нужна трехногая корова, кроме цирка уродов?

Тьму разорвал истерзанный вопль ужаса:

— Не отдавайте нашу Нескладеху в цирк, мастер Рувим! Я не переживу такого позора!

— Отдал бы, хоть в цирк, хоть куда, найдись на нее покупатель, да где ж его взять. Вечно одно и то же, ничего нашего люди не берут. Наша пшеница скукожилась от золотухи, клевер побило почесухой, а сено поразила парша, наши свиньи не родят, и все остальное так же. Где нога? Отвечай, где?

— Не знаю, мастер Рувим. А знал бы, не сказал. Мне ведомо, что на сердце у бессловесных скотов, и для этого незачем дни напролет следить, где они теряют свои ноги. Скотине, как и человеку, нужны одиночество и спокой. Я бы постыдился смотреть на коров, как вы, мастер Рувим, пересчитывать кажную былинку у них во рту да ждать наследства при живом отце.

— Да, — угрожающе вмешался еще один человек, — и пересчитывать каждое курячье перышко, чтобы никто его не поднял.

— А почему б и не пересчитывать? — заорал тот, к кому обращались «мастер Рувим». — Для того ли я плачу тебе деньги, Марк Скорби, чтобы ты собирал курьи перья, носил их в Пивтаун и продавал за звонкую монету?

— Не продавал я их. Чтоб мне больше не браться за плуг, ежели вру. Я их отношу моей Нэнси.

— Вот как? И зачем же?

— Мы все знаем зачем, — угрюмо отвечал третий голос.

— Да, помню, ты плел, будто она украшает ими кукольные шляпки. Будто добрые куриные перья ни на что больше не годны, кроме как на шляпки для бездельниц-кукол. Так вот, послушай меня, Марк Скорби…

Тут Флора поняла, что все равно точно не уснет, так что сердито вскочила с кровати и на ощупь добралась до серого прямоугольника окна. Она чуть шире открыла створки и закричала в темноту:

— Не могли бы вы разговаривать *чуточку* потише? Я была бы вам *чрезвычайно* признательна, поскольку *очень* хочу спать.

Ей ответила тишина, выразительная, как раскат грома. Даже в полусне Флора чувствовала, что это изумленное молчание. Она надеялась только, что изумление будет долгим и она сможет вновь провалиться в дрему. Так и вышло.

Когда Флора опять проснулась, уже окончательно рассвело. Она встала, старательно потянулась и взглянула на часы. Было половина девятого.

И двор, и старый дом были совершенно тихими, будто все, кто тут жил, умерли в одну ночь.

«Горячей воды, разумеется, не добыть», — дума-

ла Флора, обходя комнату в халате. Тем не менее ей удалось выдавить из рукомойника несколько капель (да, тут был настоящий металлический рукомойник), и оказалось, что вода — мягкая, а значит, можно умываться холодной. Стройный ряд фарфоровых скляночек и флакончиков на туалетном столе призван был защитить нежную кожу от суровости местного климата, но приятно было сознавать, что вода будет ее союзницей.

Одеваясь с приятной неторопливостью, Флора оглядела спальню и решила, что ей тут нравится.

Комната была квадратная, с необычно высоким потолком, оклеенная обоями с некогда ярким, а сейчас выцветшим багровым рисунком на красном фоне. Изящный камин венчался искусно вырезанной мраморной полкой, пожелтелой от времени и дыма; гнутая металлическая решетка выступала наружу. На полке лежали две большие раковины; в большом старом зеркале над камином отражались их плавные бело-розовые изгибы.

Другое зеркало, высокое, стояло в самом темном углу спальни и закрывалось дверцей буфета, когда тот бывал открыт. Оба зеркала отражали Флору без лести или наоборот, и она решила,

что им можно доверять. Почему, гадала она, в наше время разучились делать зеркала? Старые — в захудалых провинциальных гостиницах и в домах у викторианских родственников — всегда бывали превосходны.

Одну стену почти целиком занимал платяной шкаф красного дерева; такой же круглый стол стоял на середине протертого красно-желтого ковра с орнаментом из крупных цветов. Кровать была высокая, тоже из красного дерева и покрыта белым ажурным покрывалом.

На стене висели две гравюры в желтых деревянных рамах: «Горе Андромахи при виде убитого Гектора» и «Пленение Зенобии, царицы Пальмиры»[14].

Флора перебрала книги, лежащие на широком подоконнике. Здесь были «Макария, или Жертвенный алтарь» А. Дж. Эванс-Уилсон, «Домашнее влияние» Грейс Агилар, «Любила ли она его?» Джеймса Гранта и «Как она его любила» Флоренс

---

[14] Примечания: 14

Обе картины сюжетами напоминают картины, гравюры с которых пользовались большой популярностью: «Скорбящую Андромаху» Жака-Луи Давида (1748–1825) и «Последний взгляд царицы Зенобии на Пальмиру» Герберта Густава Шмальца (1856–1938).

Мариэтт[15]. Она перепрятала эти сокровища в комод, предвкушая, как будет ими наслаждаться. Ей нравились викторианские романы — только их и можно читать, хрустя яблоком.

Шторы были великолепные — из тяжелого алого атласа, почти не пропускающие воздух и свет, — только уж очень грязные. Флора решила, что сегодня их надо постирать. Затем отправилась на первый этаж завтракать.

Она прошла по широкому коридору мимо грязных окон, закрытых пыльными тюлевыми шторами, к лестнице. Ниже в раскрытую дверь видно было помещение с каменным полом. Здесь Флора помедлила мгновение и увидела чуть дальше по коридору поднос с грязной посудой — явно после обильного завтрака. «Отлично, — подумала Флора. — Кому-то завтрак приносят в спальню, а раз так, могут приносить и мне».

Из глубин кухни плыл запах пригорелой овсянки. Он не обнадеживал, однако Флора все же спустилась, уверенно цокая по каменным ступе-

---

[15] Примечания: 15

В отличие от упомянуто ранее аббата Фосс-Мегре с его «Мыслями» все перечисленные авторы: Августа Дж. Эванс-Уилсон (1835–1909), Грейс Агилар (1816–1847), Джеймс Грант (1822–1887) и Флоренс Мариэтт (1833–1899) — вполне реальны, названия их книг приведены правильно за одним исключением: роман Ф. Мариэтт на самом деле называется «Как они его любили».

ням низкими каблуками.

Сначала ей показалось, что в кухне никого нет. Камин почти погас, ветер носил по каменным плитам золу, а стол был заляпан остатками какого-то кушанья, в значительной мере состоящего из овсянки. Дверь во двор стояла нараспашку, и в нее тянуло сквозняком. Флора первым делом подошла и плотно ее закрыла.

— Эй! — донесся из дальнего конца кухни возмущенный голос. — Никогда так не делай, дочь Роберта Поста. Я не могу при закрытой двери одновременно щигрить миски и наблюдать за бессловесной скотиной в хлеву. И я еще кое за чем приглядываю.

Флора узнала один из голосов, потревоживших ее ни свет ни заря. Он принадлежал старому Адаму Мухинеобидиту. Он вяло резал брюкву над раковиной и на время оторвался от работы, чтобы выразить свое возмущение.

— Извините, — решительно ответила Флора, — но сквозняк мне мешает. Можете открыть дверь, как только я встану из-за стола. Кстати, тут есть чем позавтракать?

Адам прошаркал на свет. Его глаза в ветхих глазницах походили на осколки примитивного кремня. «Интересно, он хоть когда-нибудь моет-

ся?» — подумала она.

— Есть овсянка, дочь Роберта Поста.

— А есть хлеб, масло и чай? Я не очень люблю овсянку. И не найдется ли куска чистой газеты — постелить на угол стола? Хватит и половины листа. А то я боюсь испачкаться в овсянке. Она сегодня, кажется, немного расплескалась.

— Чай в кувшине, вон там, хлеб и масло в крокетнике. Тебе придется искать их самой, дочь Роберта Поста. У меня своих забот полон рот, не хватало еще бегать за газетами для городской крали. Нам в «Кручине» и так худо без того, чтобы носить сюда газеты, от которых одни страхи да огорчения.

— А от чего вам худо? — заинтересованно спросила Флора, заваривая себе свежий чай. Ей подумалось, что это хорошая возможность узнать что-нибудь о других членах семьи. — Денег мало?

Она знала, что почти все люди старше двадцати пяти лет испытывают финансовые затруднения.

— Денег-то на ферме хватает, дочь Роберта Поста, да только все обращается в горе и тоску. Вот что я скажу… — Адам подошел к Флоре и приблизил свое лицо — морщинистое, сплошь изъеденное монотонным течением унылых и

беспросветных лет — к ее юному личику, — …на «Кручине» лежит проклятие!

— Вот как? — Флора немножко отодвинулась. — Что за проклятие? Это из-за него вы все тут так заросли грязью?

— Ничем мы не заросли, дочь Роберта Поста, об чем я тебе и говорю. Ничего у нас не растет. Земля не родит, коровы нестельные, свиньи некудельные, золотуха, парша и почесуха губят наши посевы. А почему? Потому что на нас лежит проклятие, дочь Роберта Поста.

— А нельзя что-нибудь с этим поделать? Скажем, кузен Амос мог бы выписать специалиста из Лондона… А хлеб вполне ничего. Вы ведь не сами его печете, да?.. Или продать ферму и купить другую, не проклятую, в Беркшире или Девоншире?

Взгляд его на миг затуманился, словно у черепахи, когда та впадает в транс.

— Нет. Скоткраддеры живут в «Кручине», сколько она стоит. Никому из нас отсюда не выбраться. Миссис Скоткраддер не позволит. Для нее ферма — жизнь, кровь ее жил.

— Вы о моей кузине Юдифь? Мне не показалось, что она тут очень счастлива.

— Нет, дочь Роберта Поста. Я про хозяйку — старую миссис Скоткраддер.

Адам перешел на шепот, и Флора должна была нагнуться, чтобы разобрать последние слова.

Он посмотрел наверх, словно давая понять, что миссис Скоткраддер на небесах.

— Так она умерла? — спросила Флора, готовая поверить во что угодно, даже в то, что фермой управляет с того света призрак-самодур.

Адам рассмеялся. Странный то был звук — словно хмыкающее фырканье рассерженной ворсянки.

— Нет. Жива-живехонька. Ее рука лежит на нас, как чугунный спуд. Однако она никогда не выходит из своей комнаты и не впускает туда никого, кроме мисс Юдифи. Она не покидала ферму уже двадцать лет.

Он внезапно умолк и попятился в темный угол кухни, как будто испугался, что наговорил лишнего.

— А теперь я должен щигрить плошки. Дай мне спокой, дочь Роберта Поста.

— Хорошо, хорошо. Только лучше бы вы называли меня «мисс Пост». Или даже «мисс Флора», если вам больше по душе такая патриархальность. «Дочь Роберта Поста» немного длинновато, вам не кажется?

— Дай мне спокой. Я должен щигрить плошки.

Поняв, что старик твердо намерен заняться какой-то домашней работой, Флора отстала от него и сосредоточилась на завтраке.

Теперь она видела, как обстоят дела: миссис Скоткраддер — проклятие «Кручины», мотив властной бабушки, характерный для романов из сельской жизни (и для некоторых романов из городской). Ничего удивительного, что ферма принадлежит миссис Скоткраддер — Флоре следовало с самого начала догадаться о присутствии такого персонажа. Вероятно, именно миссис Скоткраддер, она же тетя Ада Мрак, и отправила ей открытку про аспидов. Флора не сомневалась, что старая хозяйка и есть тетя Ада, поскольку открытка была вполне в тетином характере. Флора почти слышала, как ее мать произносит: «Узнаю Аду».

Если она хочет привнести в «Кручину» мир, то на каждом шагу будет сталкиваться с тетушкиным противодействием — тут у Флоры сомнений не было. Люди такого склада не выносят мира. Им по душе бури и ураганы: скандалы, хлопанье дверей, сведенные брови, белые от ярости лица, ходящие желваки, взаимные претензии за едой и бесконечные поводы упиваться злобой, обливать презрением, лезть в чужие дела, подслушивать,

подглядывать, а главное — устраивать чужую жизнь по своему усмотрению. О да, для них нет ничего слаще! Такой человек растопчет твой любимый кляссер с марками, а потом до конца дней будет заглаживать свою вину, хотя ты бы предпочел просто сохранить кляссер.

Флора подумала про «Высший здравый смысл» аббата Фосс-Мегре — философский трактат, написанный с целью не объяснить вселенную, а примирить человека с ее необъяснимостью. Однако, несмотря на такой общий замысел, «Высший здравый смысл» был для культурного человека лучшим подспорьем в отношениях с такими, как тетя Ада. Не предлагая конкретных правил, трактат определял философию Человека Культурного, из которой эти правила следовали сами собой. В тех же случаях, о которых молчал «Высший здравый смысл», помощь можно было сыскать в «Мыслях» того же автора.

С таким мудрым руководством запутаться никак невозможно.

Флора решила, прежде чем встретиться с тетей Адой, укрепить свой дух чтением «Высшего здравого смысла», а именно знаменитой главы «О сугубой подготовке ума к непоименованным выше обстоятельствам, требующим купно

осмотрительности и дерзновения». Скорее всего времени хватит только на страницу-другую, поскольку читать трактат нелегко — он написан частью на латыни, частью на немецком. Однако Флора чувствовала, что дело серьезное и без «Высшего здравого смысла» тут не обойтись. «Мысли» хороши, когда нужно противостоять обычным житейским неурядицам; для борьбы с тетей Адой, проклятием фермы «Кручина», требовалось оружие помощнее.

Доедая хлеб с маслом, Флора думала, чем вообще будет здесь питаться: по всему выходило, что готовит тут Адам, а его стряпню она есть не собиралась. Наверное, придется отыскать кузину Юдифь и серьезно с ней поговорить.

В целом «Кручина» пока не обманула ожиданий: все здесь обещало загадки и приключения, а тетя Ада — в первую очередь. Флора жалела только, что с нею нет Чарлза, большого любителя всего мрачного и загадочного.

Адам тем временем закончил резать брюкву, вышел во двор, где рос куст терна, и вернулся с длинной шипастой веткой. Затем он пустил на миски струю холодной воды и принялся тыкать веткой в приставшую к ним овсянку.

Флора долго наблюдала за ним, с трудом веря

своим глазам, и наконец спросила:

— Что вы такое делаете?

— Щигрю плошки, дочь Роберта Поста.

— А не проще ли было бы делать это щеткой? Маленькой щеткой с ручкой? Пусть кузина Юдифь вам такую купит. Попросите ее. И посуда станет чище, и времени у вас будет уходить меньше.

— Не нужна мне маленькая щетка с ручкой. Пятьдесят годков терновая веточка служит мне верой и правдой, а от добра добра не ищут. И щигрить посуду быстрее мне тоже без надобности. Так я коротаю время и отвлекаюсь от дум о моей дикой пташке.

Флора вспомнила спор, разбудивший ее на заре, и решила пойти на хитрость:

— Будь у вас щетка, чтобы мыть посуду быстрее, вы могли бы больше времени проводить в хлеву с бессловесной скотиной.

Адам замер. Раз или два он задумчиво кивнул, не оборачиваясь. Флора поняла, что ее слова достигли цели, и поспешила закрепить успех:

— В общем, я вам ее куплю, когда буду завтра в Пивтауне.

Тут в закрытую дверь, ведущую во двор, легонько постучали. Через секунду стук повторился.

Адам прошаркал к входу, бормоча: «Кралечка моя», и широко распахнул дверь.

Кто-то в длинном зеленом плаще вихрем пронесся через кухню и взбежал по лестнице так быстро, что Флора не успела его разглядеть.

— Кто это был? — спросила она, поднимая бровь, хотя уже угадала ответ.

— Моя тетешка… моя маленькая Эльфина, — сказал Адам, рассеянно поднимая терновую ветку, которую уронил в галган с овсянкой.

— Она всегда так носится? — холодно полюбопытствовала Флора; ей подумалось, что родственница ведет себя не слишком вежливо.

— Да. Она дикая и робкая, как лесная фифея. Целыми днями бродит в холмах, где все ее друзья — дикие пташки, кролики да белобокие сороки… И ночами тоже… — Лицо его омрачилось. — Да, бродит вдали от тех, кто тетешкал ее на груди, когда она была нюнечкой. Она разобьет мое сердце на мелкие крупиночки.

— А в школу она ходит? — спросила Флора, брезгливо изучая буфет в поисках тряпки, которой можно было бы обтереть туфли. — Сколько ей лет?

— Семнадцать. Какая уж школа для моей кралечки? Нет, дочь Роберта Поста, не произноси

таких слов. Легче отправить в школу белый барабышник или желтый одуванишко, чем мою Эльфину. Она учится у неба да у диких болотных паичек, а не по книжкам.

— Фи, как скучно, — заметила Флора, остро чувствуя свое одиночество и смутное раздражение. — Послушайте, а где вообще все? Я собираюсь на прогулку, но хочу прежде увидеть кузину Юдифь.

— Мастер Амос с работниками вычерпывает воду из колодца, ищет соседскую Полли, она вроде туда упала. Мастер Рувим на Крапивном поле, пашет. Мастер Сиф где-нибудь в Воплинге, кохопутит. Мисс Юдифь у себя наверху раскладывает карты.

— Тогда я к ней поднимусь. А что значит «кохопутить»? Нет, не говорите, я догадалась. В какое время ленч?

— Работники обедают в двенадцать. Мы — часом позже.

— Тогда я приду в час. А… обед тоже… также… я хотела сказать: кто его готовит?

— Мисс Юдифь. А ты, значит, боялась, что его готовлю я? Да, дочь Роберта Поста? Пусть твое черное сердце успокоится: никогда такого не бывало, чтобы я Скоткраддерам сварил хоть

свиную застригу. Я стряпаю работникам, больше никому.

Флора покраснела от того, как точно старик прочел ее мысли, и поспешила наверх, прочь от его немой укоризны. Однако известие насчет готовки ее успокоило: по крайней мере голодная смерть ей не грозит.

Она не знала, где комната Юдифи, но сыскала проводника, вернее, проводницу. Когда Флора поднялась по лестнице, навстречу ей выбежала высокая девушка в зеленом плаще, та самая, что недавно вихрем пронеслась через кухню. При виде Флоры девушка замерла, готовая в любую секунду умчаться прочь. «Строит из себя вспугнутую птичку», — подумала Флора, любезно улыбаясь родственнице, вернее, капюшону, до половины скрывающему ее лицо.

— Что тебе нужно? — сдавленно прошептала Эльфина.

— Отыскать комнату кузины Юдифи, — ответила Флора. — Будь другом, проводи меня, пожалуйста. В таком большом незнакомом доме легко заблудиться.

Из-под зеленого домотканого капюшона на нее глянули огромные голубые глаза. Флора мысленно отметила, что глаза красивые, а вот оттенок

зеленого — нет.

Она сказала самым убедительным тоном:

— Извини, что я так говорю, но тебе бы очень пошло голубое. Некоторые оттенки зеленого, конечно, приятны для глаза, однако бледно-зеленый, на мой взгляд, утомителен. На твоем месте я бы носила голубое — что-нибудь очень простое, очень хорошо скроенное, но непременно голубое. Вот попробуй и увидишь.

Эльфина сделала резкое мальчишеское движение и бросила:

— Иди за мной.

Она широким, пружинистым шагом двинулась по коридору. Капюшон упал, обнажив густую массу спутанных волос, которые, если их помыть и расчесать, могли бы называться золотыми. Флора смотрела в спину родственницы и огорчалась.

— Вот, — коротко проговорила Эльфина, останавливаясь перед закрытой дверью.

Флора выразила самую горячую признательность, и Эльфина, задержав на ее лице долгий взгляд, умчалась прочь.

«Ею надо заняться немедленно, — подумала Флора. — Еще год, и уже ничего не исправишь: если она отсюда и выберется, то будет держать чайную комнату в Брайтоне и ходить в артисти-

ческих балахонах и сандалиях».

Она тихонько вздохнула при мысли о том, за какую трудную задачу взялась, и негромко постучала в дверь.

— Входи, — глухо донеслось из комнаты.

Двести фотографий Сифа в возрасте от шести недель до двадцати четырех лет украшали спальню Юдифи. Сама хозяйка в грязном красном халате сидела у окна; на столе перед ней лежала засаленная колода карт. Постель была не убрана. Нечесаные волосы клубком безжизненных черных змей падали на лицо.

— Доброе утро, — сказала Флора. — Извини, если я мешаю тебе писать письма. Я лишь хотела узнать, как будет лучше: заходить мне к тебе в это время каждое утро или развлекать себя, как я сочту нужным. На мой взгляд, удобнее, когда гостья сама ищет, как ей провести время. Наверняка ты очень занята, и тебе некогда за мной приглядывать.

Юдифь долго смотрела на младшую родственницу, потом запрокинула голову с клубком черных спутанных змей. Холодный воздух разлетелся вдребезги от ее грубого смеха.

— Занята! Очень занята: тку себе саван. Нет, делай что угодно, дочь Роберта Поста, только

не посягай на мое одиночество. Придет время, я заглажу зло, которое мой супружник причинил твоему отцу. Дай… нам… всем… время, — слова будто тащили из нее клещами, — и мы все загладим.

— А ты не хочешь рассказать, в чем это зло состояло? — вежливо спросила Флора. — Мне кажется, так всем было бы много проще.

Рука в красном халате взметнулась, словно раненый зверь, бьющийся в слепой агонии.

— Разве я не говорила тебе, что нема как могила?

— Конечно, конечно. Как пожелаешь, кузина Юдифь. И еще…

И Флора как можно деликатнее спросила, когда и как внести первую часть тех ста фунтов, которые она собиралась платить Скоткраддерам за свое проживание.

— Оставь их себе! — с чувством воскликнула Юдифь. — Мы не возьмем и полупенсовика из денег Роберта Поста. Покуда ты здесь, ты — гостья. Каждая крошка, которую ты ешь, оплачена нашим по2том. Так и должно быть, ибо так и должно быть.

Флора поблагодарила кузину за щедрость, но мысленно решила при первой же возможности

свести знакомство с тетей Адой Мрак и узнать, одобряет ли та подобную расточительность. Флора была уверена, что не одобряет, да ей и самой было досадно. Если она живет в «Кручине» на правах гостьи, то лезть в дела хозяев и пытаться изменить их образ жизни — непростительная дерзость, а вот если она сама за себя платит — другое дело. Она наблюдала сходные ситуации в домах, где были и бедные родственники, и платные постояльцы.

Однако с этим можно было разобраться позже, а сейчас предстояло разрешить более насущный вопрос. Она сказала:

— Кстати, комната у меня чудесная, только нельзя ли выстирать шторы? У меня создалось впечатление, что они красные, но хотелось бы в этом убедиться.

Юдифь уже вновь полностью ушла в себя.

— Шторы? — рассеянно повторила она, вскидывая великолепную голову. — Дитя, дитя, уже много лет сквозь паутину моего одиночества не проникают подобные пустяки.

— Да, оно и заметно, но мне все же хотелось бы их выстирать. Может быть, попросить Адама?

— Адама? Его дряхлым рукам такое не по силам. Их могла бы постирать Мириам, наша наемная

прислуга, но…

Ее взгляд снова устремился к окну, за которым моросил косой дождик.

Флора посмотрела туда же. Юдифь глядела на ветхую лачугу за Крапивным полем, почти упиравшуюся в ограду скотного двора. Оттуда неслись надрывные женские крики.

Флора вопросительно приподняла брови.

Юдифь кивнула из-под полуприкрытых век. Медленная волна жаркого багрового румянца заливала ее щеки и грудь.

— Наемная прислуга рожает, — хрипло прошептала она.

— Как… одна? Без врача? В той жалкой лачуге? — озабоченно спросила Флора. — Не надо ли послать Адама в Воплинг за доктором или кем там еще?

Юдифь взметнула руку тем же движением раненого зверя, будто воздвигая преграду между собою и миром живых. Лицо ее было серым.

— Такие твари родят, как кошки под забором… да ей и не впервой.

— Бедная, — сочувственно проговорила Флора.

— Это уже четвертый, — грубо прошептала Юдифь. — Всякий год, как живохлебка пышными гроздьями повиснет на плетнях… снова одно и

то же. Мы, женщины, ничего не можем сделать против природы.

«Так уж и ничего?» — с досадой подумала Флора, но вслух своего мнения не высказала, а лишь сокрушенно покачала головой, как положено в таких случаях.

— Значит, к ней обращаться бессмысленно, — заметила она огорченно.

— К кому обращаться бессмысленно? — спросила Юдифь после некоторого молчания. Она говорила как в трансе. Лицо ее было мертвенно-серым.

— К Мириам. Она же не сможет стирать шторы сразу после родов.

— Завтра она уже будет на ногах. Такие твари, они как кошки, — равнодушно проговорила Юдифь.

Казалось, гложущий гнет тоски не оставляет ей сил для гнева, однако в полуприкрытых глазах на долю секунды вспыхнул змеиный огонек презрения. Взгляд замер на фотографии Сифа. Тот стоял в середине команды Пивтаунского футбольного клуба, и его тело, лоснящееся наглым мужским самодовольством, словно насмехалось над короткой спортивной одеждой. С тем же успехом он мог быть обнажен, как его мускулистая шея,

торчащая из ворота фуфайки прямо и дерзко, словно мужской орган цветка.

«Немного толстоват, но очень хорош собой, — подумала Флора. — Вряд ли он теперь играет в футбол — наверное, кохопутит вместо этого».

— Да, — внезапно прошептала Юдифь, — только погляди на него. Позор нашей семьи! Проклят будь день, когда я породила его на свет, и молоко, которое он сосал из моей груди, и бойкий язык, что дал ему Бог на погибель несчастным женщинам.

Она встала и обратила взор на мелко накрапывающий дождь.

**Крики, доносившиеся из лачуги, смолкли. Обессиленная тишина, исполненная пугающей слабости, которая следует за изнурительным трудом, миазмами клубилась в затхлом воздухе скотного двора. Все вокруг — ссутуленные холмы за пеленой мороси, размокшие поля с острыми зубцами кремней, голый терновник, куржавый от грубой ласки ветров, бескрайние луга, по которым змеилась вялая речушка, — словно замкнулось в себе. Их немой глас как будто говорил: «Смирись». Разгадки нет, остается лишь принять, что мы обессиленно возвращаемся, час за часом и минута за минутой, во всепрощающую

и всепонимающую изначальную слизь.

— Что ж, кузина Юдифь, если ты считаешь, что она через несколько дней будет на ногах, я попробую к ней сегодня заглянуть и договориться насчет штор, — сказала Флора, готовясь уходить.

Юдифь ответила не сразу.

— Четвертый раз, — проговорила она. — И все четверо — дети любви. Тьфу! Этакая тварь… и любовь! А он…

Флора поняла, что разговор принимает нежелательный оборот, и поспешила уйти.

«Значит, все они дети Сифа, — думала она у себя в спальне, надевая макинтош. — Возмутительно. На любой другой ферме, наверное, сказали бы, что он подает дурной пример. Однако тут свои нравы. Значит, с ним тоже придется что-то делать…»

Она прошла по грязи и гнилой соломе через скотный двор, не встретив никого, кроме человека, в котором по его занятию угадала Рувима. Он лихорадочно поднимал с земли перья, сверяя их с числом пустых лунок на куриных спинах — вероятно, чтобы Марк Скорби не унес и одного перышка своей дочери Нэнси.

Рувим (если это был он) настолько погрузился в свое занятие, что не заметил Флоры.

Глава 6

Флора приближалась к лачуге с некоторым трепетом. Ей еще не приходилось сталкиваться с родами непосредственно: ее подруги по молодости лет думали о замужестве как о чем-то бесконечно далеком, а те, что уже обзавелись мужьями, еще не успели обзавестись детьми.

Зато она была близко знакома с родами по творениям романисток, преимущественно незамужних. Описание того, что происходит с несчастными замужними женщинами, занимало от четырех до пяти страниц длинными абзацами или от семи до девяти страниц строчками по семь слов с большим количеством отточий.

Другая литературная школа отметала тему родов с натужной бодростью в духе «Извини, что задержалась, я только что родила маленького, куда пойдем ужинать?», почему-то пугавшей Флору ничуть не меньше.

Ей порою думалось, что старомодный метод, при котором все описание умещалось в одну-единственную фразу: «Она разрешилась от бремени очаровательным мальчиком», и был

самым лучшим.

Романистки третьей категории совмещали литературу и семейную жизнь: в двадцать шесть они писали первую серьезную книгу, затем вступали в брак, производили на свет дитя и тут же принимались сочинять статьи «Как я буду растить мою малышку» за подписью мисс Гвинет Бладжен, блистательной молодой беллетристки, которая только сегодня утром родила девочку. В обыденной жизни мисс Бладжен звалась миссис Нейл Макинтиш.

Некоторых подруг Флоры детальные описания родов пугали и отталкивали настолько, что они мчались в зоопарк и, заплатив служителям, убеждались: львицы по крайней мере проходят через величайшее событие жизни в достойном одиночестве. Отрадно было видеть, как те на солнцепеке награждают шлепками своих толстеньких львят, а не пишут в газеты, как будут растить своих малышей.

Кроме того, Флора освоила постыдное умение оценивать романы, не читая, и если, скользя глазами по странице, замечала упоминание вздымающихся телес, пота, криков или кроватных столбиков, то просто ставила книгу обратно на полку.

С такими мыслями она постучала в лачужку и почувствовала заметное облегчение, когда оттуда донесся голос:

— Кто там?

— Мисс Пост с фермы. Можно мне войти?

Ответом было долго молчание, как чувствовала Флора, ошеломленное. Наконец тот же голос прозвучал с подозрением:

— Чего вам надо?

Флора вздохнула. Удивительно, но люди, живущие тем, что романисты называют богатой эмоциональной жизнью, почти всегда не отличаются сообразительностью. Самые простые действия опутаны для них запутанной сетью опасений и подозрений. Она приготовилась долго и подробно объяснять цель своего визита и внезапно подумала: а зачем? что тут объяснять?

Она толкнула дверь и вошла.

К ее облегчению не было ни пота, ни криков, ни кроватных столбиков. Молодая женщина — надо думать, Мириам, наемная домашняя прислуга, — сидела на железной печке и читала книгу, в которой Флора, прекрасно чувствовавшая атмосферу, сразу угадала «Сонник мадам Ольги». Младенца видно не было, что несколько обескураживало, но Флора так обрадовалась, что

не стала гадать, где он.

Наемная прислуга (которая, разумеется, была налитая, как спелое яблочко, и немного смурная) вытаращилась на гостью.

— Доброе утро, — вежливо начала Флора. — Тебе уже лучше? Миссис Скоткраддер полагает, что дня через два ты будешь совсем здорова. Если так, я попросила бы тебя выстирать шторы из моей спальни. Когда ты сможешь за ними прийти?

Наемная прислуга еще сильнее съежилась на печке, бросив на Флору взгляд, в котором та с любопытством узнала выражение животного страдания, так любимое романистками. Когда Мириам наконец заговорила, голос ее был глух и протяжен:

— Почто вы пришли сюда надсмехаться над моим позором, когда я только вчерась опросталася?

— Вчера? Точно не сегодня? Вроде бы я слышала… Разве не ты кричала десять минут назад? Мы с миссис Скоткраддер обе тебя слышали.

Пухлые губы наемной прислуги тронула смурная улыбка.

— Да, я всплакнула немножко — вспоминала, каково мне было вчера. Миссис Скоткраддер не было на кухне вчерась, когда меня схватило, откуда ей знать, что я вытерпела и какого дня? По

правде сказать, я и не шибко шумлю, не так это страшно, как другие уверяют. Мать говорит, все потому, что я сохраняю бодрость и не забываю заранее хорошо покушать.

Слова Мириам приятно удивили Флору; на секунду она даже подумала, что романистки по неосведомленности сильно сгущают краски, живописуя ужасы родоразрешения. Но нет: она вспомнила, что они оставляют себе лазейку, описывая женщину, налитую, как спелая слива, и с таким же уровнем интеллекта. Женщины-сливы настолько близки к земле, что рожают легко и нечувствительно. Очевидно, Мириам была из их числа.

— Приятно слышать, — сказала Флора. — Так когда ты сможешь снять шторы? Может, послезавтра?

— Я не говорила, что буду стирать вашинские шторы. Мало мне всего остального, что ли? Трое деток, трое голодных ртов, да четвертый у моей матери на руках. И кто знает, что будет со мной, когда на плетнях снова забелеет живохлебка и от долгих летних вечеров на душе станет так чудно-чудно…

— Ничего с тобой не будет, надо только принять необходимые меры, — твердо отвечала Флора. —

Если ты позволишь мне сесть на этот табурет… спасибо, не надо, я подстелю носовой платок… то я тебе объясню, как сделать, чтобы ничего не было. И забудь про живохлебку (что, кстати, это такое?). Слушай меня.

И Флора старательно, подробно, спокойно объяснила Мириам, как предотвратить нежелательное действие живохлебки и долгих летних вечеров на женский организм.

Мириам слушала, а ее глаза делались все круглее и круглее.

— Это ж непотребство супротив природы! — в ужасе воскликнула она наконец.

— Ничего подобного, — ответила Флора. — Природа хороша на своем месте, но нельзя позволять ей вносить в нашу жизнь беспорядок. Так что запомни, Мириам: никакой больше живохлебки и летних вечеров, пока не зайдешь в аптеку. А насчет твоих детей — если ты выстираешь мои шторы, я тебе заплачу, и ты сможешь купить, что там они едят.

Доводы касательно живохлебки явно не убедили Мириам, но она по крайней мере согласилась завтра прийти за шторами, к большому Флорину удовольствию.

Договариваясь, когда Мириам придет, Флора

рассеянно оглядывала лачугу. Все здесь вопияло об убожестве, однако опытный глаз горожанки сразу определил, что, как ни трудно поверить, в доме время от времени убираются. Флоре было очень любопытно, чьих же это рук дело; очевидно, не женщины-сливы, которой такое просто не могло прийти в голову.

Она уже натягивала перчатки, когда в дверь громко постучали.

— Это мать, — сказала Мириам и крикнула: — Входи, мать!

Дверь отворилась. На пороге, озирая Флору от берета до каблуков цепкими черными глазками, стояла выцветшая черная шаль, увенчанная шляпкой поверх собранных в пучок волос.

— Доброе утро, мисс, скверная сегодня погода, — отрывисто произнесла шаль, складывая большой зонт.

Флора так изумилась вежливому человеческому обращению, какого не ожидала услышать в Суссексе, что чуть не забыла ответить, но привычки сильны, и она, немного оправившись от шока, пробормотала, что погода и вправду скверная.

— Она пришла с фермы — хочет, чтобы я постирала ейные шторы, будто я не вчерась опросталася.

— Кто «она»? Кошкина мать? — отрывисто спросила шаль. — Говори о молодой леди как полагается. Извините ее, мисс, она пошла в отца. Ах! В недобрый день я вышла за Ирода Муривея и променяла Сиденхем на Суссекс. Все моя семья живет в Сиденхеме, мисс, вот уже сорок лет. Выстирать шторы? Я и не надеялась дожить до того часа, когда кто-нибудь в «Кручине» вспомнит о стирке. Там бы все помыть, начиная от ветхого Адама или как уж его зовут. Конечно, она постирает ваши шторы, мисс. Завтра вечером я сама их вам принесу и повешу.

И такова была атмосфера на ферме «Кручина», что Флора почти растрогалась, отвечая «Буду очень признательна» нормальному человеческому существу, понимающему, пусть смутно, что шторы нужно иногда стирать, а все остальное — мыть.

Она раздумывала, надо ли осведомиться о здоровье новорожденного, и как раз решила, что это будет немного бестактно, когда миссис Муривей обратилась к дочери:

— Так ты даже не спросишь, как он?

— А чего спрашивать, я и так знаю. Здоров-здоровехонек, как они все, — последовал угрюмый ответ.

— И незачем говорить таким тоном, будто тебя это огорчает, — резко одернула шаль. — Видит Бог, они явились на свет нежеланными, бедные невинные крошки, но уж коли явились, мы должны их воспитывать как положено. И я этим займусь. А годика через четыре начну на них зарабатывать.

— Как? — спросила Флора, останавливаясь на пороге. Неужто это замечательная женщина окажется вовсе не такой замечательной?

— Выучу всех четверых, пусть составят джаз-банд, — быстро ответила миссис Муривей. — Я читала в газете, что они зарабатывают в ночных клубах аж по шесть фунтов за ночь. Ну вот, думаю, у меня готовый джаз-банд, и даже лучше, что их теперь четверо. Все здесь, рядышком, я могу за ними приглядывать, пока они научатся играть. Так что я ращу их как следует, на деревенском молоке, и рано укладываю спать, чтоб потом у них были силы играть в ночных клубах до рассвета.

Флора была немного шокирована, но рассудила, что план миссис Муривей, пусть и немного циничный, вполне разумен и будущее, которое та уготовила четырем музыкантам, много лучше, чем если бы их воспитывала родная мать или (что еще хуже) дедушка Ирод.

Итак, Флора вежливо распрощалась с Мириам и ее матерью, пообещала вскоре зайти взглянуть на малыша и поспешила прочь.

**После ее ухода лачуга погрузилась в безвольную апатию, оживляемую лишь пронзительными лучами энергии, бьющей из миссис Муривей. Казалось, все тончайшие струны полусформулированных желаний пульсируют в воздухе между двумя женщинами.

Мириам сидела на табурете, опустив плечи; расплывающиеся контуры ее тела расползались по сторонам, будто некая растительная масса, порожденная утробой вечно плодоносящих полей. Хриплым скабрезным шепотом она начала пересказывать матери слова Флоры. Ее голос вздымался и опадал, вздымался и опадал… гортанные слоги звучали аккомпанементом к шарканью метлы в руках у старшей женщины. В какой-то момент миссис Муривей распахнула окно, пробормотав, что тут негр задохнется, но все остальное время голос Мириам звучал без перерыва, монотонный, словно бормотание самой земли.

— Незачем со мной так шур-шур-шур об этом, словно с кем-нибудь из викариата, — заметила миссис Муривей, дослушав до конца. — Для меня

это не новость, хотя я не знала, как это делается и сколько они стоят… Ладно, теперь, спасибо мисс Лезь-не-в-свое-дело, мы знаем. Та еще штучка — рассказывает тебе про такие вещи и не краснеет. Зато чистенькая и не размалевана как чертова кукла по нынешнему обычаю. Впрочем, учти, я не одобряю, что она советует. Неправильно это.

— Да, — тяжело согласилась дочь. — Непотребство супротив природы.

— Верно.

Некоторое время миссис Муривей пристально глядела на чугунную печку, держа метлу навесу. Потом сказала:

— И все равно, наверное, стоит попробовать.

Глава 7

Флора всегда отличалась веселым нравом, но на следующий день грязь и запустение вокруг, непрекращающийся дождь, а также вид и поведение родственников вогнали ее в непривычную и крайне неприятную тоску.

«Так не годится, — подумала она, глядя на размокшую местность из окна спальни, куда поднялась, чтобы поставить в вазы несколько веточек, сорванных на утренней прогулке. — Наверное, я проголодалась. Поем, и все снова будет хорошо».

Однако следом пришла мысль, что от ленча, приготовленного на ферме, и от одиночества за столом тоска только усилится.

Вчера с едой все было более или менее сносно. В час Юдифь подала ей отбивную на косточке и сладкий творог. Стол был накрыт в маленькой гостиной с выцветшими зелеными обоями, у чадящего камина. Там же Флора пила чай и ужинала. Оба раза еду принесла миссис Муривей — приятная неожиданность. Судя по всему, миссис Муривей заменяла дочь, когда той случалось

родить, что, как мы знаем, происходило довольно часто, и визит Флоры совпал с одним из этих периодов. Кроме того, миссис Муривей готовила для тети Ады.

Ни с Рувимом, ни с Сифом, да и вообще ни с кем из Скоткраддеров-мужчин Флора до сих пор не общалась. Из слуг и обитателей фермы она видела только Юдифь, Адама, миссис Муривей и мельком Эльфину.

Ее это не устраивало. Она хотела познакомиться с молодыми кузенами, Амосом и тетей Адой. Как наладить жизнь в «Кручине», если не узнать их всех поближе? И все же ей было страшно войти на кухню, когда все сидят за столом, и представиться. Это значило бы умалить свое достоинство, а значит — и будущую власть. Быть может, Юдифь и не нарочно ограждала Флору от встреч с остальным семейством, однако результат был такой же.

Тем не менее сегодня Флора намеревалась, так или иначе, познакомиться с Рувимом и Сифом. Она рассудила, что чай — самое подходящее время. Если Скоткраддеры не пьют чай (а Флора подозревала, что не пьют), она сама все приготовит и скажет хозяевам, что с их позволения будет делать так каждый день до конца визита.

Впрочем, мысль о чае пока можно было отложить. Сейчас Флора собиралась в Воплинг узнать, есть ли там паб, где подают ленчи. Для многих хозяев такой поступок стал бы смертельным оскорблением, но Скоткраддеры, вероятно, даже не заметят ее отсутствия.

Итак, в час Флора стояла в зале «Висельника», единственного воплингского паба, и спрашивала хозяйку, миссис Каин, подает ли та ленчи.

Хозяйка на миг переменилась в лице, как будто заглянула в пропасть, куда упали другие, а ей чудом удалось задержаться на краю. Она ответила, что не подает, и с торжествующей улыбкой присовокупила:

— Кроме двух дней в августе, да и то не всякий год.

— А не могли бы вы считать, что сейчас август? — спросила Флора, которая уже умирала с голоду.

— Нет, — просто ответила миссис Каин.

— А если я куплю у мясника бифштекс, вы его поджарите?

Миссис Каин неожиданно ответила согласием и, к еще большему удивлению Флоры, добавила, что может предложить той «чего мы сами едим».

«Чего мы сами едим» оказалось яблочным пиро-

гом и вареными овощами, так что Флора утолила первый голод и отправилась в мясную лавку. Мясник поначалу решил, что она сошла с ума, но Флора после долгих объяснений получила-таки свой бифштекс, и скоро он уже лежал перед нею, сочный и золотистый, на столе в «Висельнике».

Даже мрачное присутствие хозяйки не могло испортить Флоре аппетит. Во взгляде миссис Каин сквозило даже не отчаяние, а скорее обреченное покорство судьбе, которое лондонцы выражают фразой: «Ну, не стоит ныть», хотя Флора и не надеялась услышать эти милые и привычные слова в Воплинге, где все считали, что ныть нужно постоянно.

— А теперь я пойду готовить обед другому моему джентльмену, — сказала миссис Каин, убедившись, что у Флоры есть соль, перец, хлеб, вилка и все остальное, что может понадобиться.

— У вас есть другой джентльмен? — спросила Флора.

— Да. Остановился здесь. Книжки пишет, — ответствовала Мэри Каин.

— Разумеется, — пробормотала Флора. — А как его зовут?

(Она подумала, что может знать этого писателя.)

— Мистер Клоп, — был неожиданный ответ.

Флора просто не поверила своим ушам, но она как раз принялась за бифштекс, так что не стала пускаться в утомительный разговор, а решила про себя, что мистер Клоп наверняка гений. Просто талантливый автор струсил бы и официально сменил фамилию.

У Флоры упало сердце. Мало ей «Кручины», так нет — в миле оттуда живет гений по фамилии Клоп, который наверняка в нее влюбится! По опыту она знала, что гении-интеллектуалы редко влюбляются в женщин своего склада, которые носят чудны2е платья и прически. Почему-то им по душе нормальные, хорошо одетые девушки вроде нее, которым назойливость упомянутых гениев-интеллектуалов неприятна и утомительна.

— И какие же книги он пишет? — спросила она.

— Да про одного молодчика, который тоже писал книги, а его сестры выдавали их за свои, и потом все они умерли от чахотки, бедные нюнечки.

«А! Жизнь Брануэлла Бронте, — подумала Флора. — Надо было сразу догадаться. Мужчин-интеллектуалов последнее время возмущает мысль, что «Грозовой перевал» написала женщи-

на. Кто-нибудь из них рано или поздно должен был сочинить опровержение. Теперь мне главное с ним не встретиться».

И она принялась доедать яблочный пирог, немного давясь от спешки, чтобы уйти, пока мистер Клоп не вошел и не влюбился в нее.

— Не торопитесь, он никогда не приходит раньше половины третьего, — успокоила миссис Каин, с пугающей легкостью читая ее мысли. — Он бродит по холмам в любую погоду, а потом приносит сюда грязь на башмаках. Вам все понравилось? Шиллинг и шесть пенсов, пожалуйста.

На обратном пути Флора чувствовала себя гораздо бодрее. Она решила, что сегодня будет разбирать свои книги.

На скотном дворе, судя по звукам, шла своим чередом какая-то жизнь. В одном хлеву брякали подойники, из другого доносился хриплый рев. («Неужели бедного быка никогда не выпускают на луг?» — подумала Флора и мысленно включила его в список тех, о ком ей предстоит позаботиться.) Из курятника доносились звуки борьбы, однако никого видно не было.

В четыре она спустилась поинтересоваться насчет чая и даже не заглянула в маленькую гостиную проверить, накрыто ли там для нее, а

отправилась прямиком на кухню.

Разумеется, никакой подготовки к чаепитию там не обнаружилось: огонь в камине едва тлел, на столе после обеда валялись крошки и морковные огрызки.

Однако Флора не пала духом. Она подбросила дров, налила чайник и поставила его на огонь, протерла стол кухонным полотенцем Адама (которое держала каминными щипцами) и расставила чашки с блюдцами вокруг помятого оловянного чайника для заварки. Хлеб и масло ей найти удалось, но джема, разумеется, не было, как и других подобных излишеств.

Чайник на огне как раз закипел, и Флора бросилась его снимать, когда свет из открытой двери заслонила высокая темная фигура. Рувим стоял на пороге и наблюдал за хлопочущей Флорой со смесью недоумения и гнева.

Та решила первой нанести удар.

— Здравствуй, — сказала она. — Ты, наверное, Рувим. А я — Флора Пост, твоя кузина. Очень приятно. Я так рада, что хоть кто-то заглянул на чай. Садись. Тебе с молоком? Без сахара, конечно?.. Или все-таки с сахаром? Я пью сладкий, а почти все мои друзья — несладкий.

***Крупная фигура Рувима, угрожающе застыв-

шая на фоне блеклого света из низких окон, не шелохнулась. Мысли неслись по серым бороздам его лица, словно ручей в половодье. Женщина… Проклятие! Проклятие! Приехала отнять у него землю, чьи соки, как брага, бродят в его крови. Девка. Молодая, светленькая, наглая. На миг во взгляде зажглась животная чувственность. Сломать ее. Сломать, придавить. Удержать землю: чугунные борозды промерзшей земли под оплодотворяющим дождем, медленное набухание семени, запах и мычание коров, грозный топот быка в пору брачной охоты… Все это его, его…

— Хлеба с маслом хочешь? — спросила Флора, протягивая чашку. — И не смотри на свои ботинки. Адам потом выметет грязь. Давай, заходи же.

Побежденный Рувим вошел.

Он стоял, глядя на Флору через стол и ожесточенно дуя на чай. Флора не обижалась. Это было даже занятно: все равно как пить чай в обществе носорога. К тому же ей было его жаль. Из всех Скоткраддеров он выглядел самым несчастным. Почти у всех остальных есть хоть что-нибудь. У Амоса — религия. У кузины Юдифь — ее любовь к Сифу. Адам тетешкает бессловесную скотину, Сиф кохопутит, Эльфина танцует в тумане на холмах. А вот у Рувима нет даже и такого.

— Не слишком горячо? — спросила она, с улыбкой протягивая ему молочник.

Белая струя медленной дугой излилась в алокоричневую глубину чашки. Рувим продолжал дуть на нее и смотреть на Флору. Той хотелось его успокоить (да бывает ли он спокоен хоть когда-нибудь?), поэтому она принялась за свой чай, жалея, что нет бутерброда с огурцом.

Молчание длилось целых семь минут (Флора проверяла, украдкой поглядывая на часы), и наконец по лицу Рувима одна за другой прошли медленные судороги, а из глотки вырвалась череда подготовительных звуков, означающих, что он скоро заговорит. Флора замерла, словно фотограф, снимающий семейный портрет четырнадцати львов.

Ее выдержка оказалась вознаграждена. Еще через минуту Рувим изрек следующее:

— Я седни взгридлил две сотни борозд от холма до пяти часов.

Флора не знала, как ответить. Это жалоба? Тогда уместно сказать: «Ах какой ужас! Ты, наверное, устал?» А если похвальба, то тут нужно другое: «Молодчага!» или даже «Ну ты даешь!» Она выбрала самый безопасный вариант — непринужденно-заинтересованное: «Да неужели?» И

тут же поняла, что ошиблась.

Рувим вскинул брови и выпятил нижнюю челюсть. О ужас! Он решил, что Флора усомнилась в его словах.

— Да. Две сотни. Две сотни от Полевичного залома до Крапивной закраины. Один, никто мне не собил. Ты бы так смогла?

— Нет, конечно, — от всей души отвечала Флора и, повинуясь голосу ангела-хранителя, шепчущего ей на ушко, добавила: — Но я бы и не взялась.

Эта невинная фраза произвела на Рувима удивительное действие. Он грохнул чашку на стол и подался вперед, глядя Флоре прямо в глаза.

— Не взялась бы? Уж конечно, заплатила бы работнику, чтоб тот гридлил за тебя, отдала бы денежки чужому.

Наконец-то стало ясно, откуда ветер дует. Рувим уверен, будто Флора покушается на ферму!

— Нет, — быстро ответила она. — Мне вообще все равно, взгридлен Полевичный залом или нет. И я не хочу иметь ничего общего с Крапивной закраиной. Я бы… — тут она улыбнулась Рувиму, — оставила все это тебе.

Увы, вновь ее слова лишь подлили масла в огонь.

— Оставила бы! — Рувим грохнул кулаком по

столу. — Мне! Мне, который тетешкал ферму на груди, как больную нюнечку, который знает каждую пядь земли, каждый кустик живохлебки… Да уж, хорошенькое дело!

— Думаю, нам стоит объясниться начистоту, — перебила Флора. — Так будет гораздо проще. Мне не нужна ферма. Совсем не нужна. И даже… — она чуть было не сказала, что не может вообразить человека, которому это ферма нужна, но побоялась задеть чувства Рувима, — такая мысль мне и в голову не приходила. Я ничего не понимаю в сельском хозяйстве и понимать не хочу. На мой взгляд, им должны заниматься люди, которые в нем разбираются, например, ты. Только представь, сколько глупостей бы я понаделала, если бы взялась за уборку живохлебки и за все остальное. Никто в мире не гридлил бы хуже меня, уж в это-то ты поверишь?

Вторая серия судорог, чуть более сложных, чем в первый раз, прошла по лицу Рувима. Он уже почти открыл рот, но так и не заговорил — только резко поставил чашку, в упор взглянул на Флору и, тяжело ступая, вышел из кухни.

Встреча, начавшаяся так хорошо, закончилась неудачно, однако Флора не унывала. Очевидно, кузен хотел ей поверить, даже если не поверил

сразу, а значит, половина битвы выиграна. Он почти поверил уже тогда, когда она удачно заметила, что не взялась бы гридлить. Помешала лишь его всегдашняя подозрительность. В следующий раз она повторит, что не претендует на «Кручину», и Рувим оставит последние сомнения.

Огонь теперь горел весело и ярко. Флора зажгла свечу, которую принесла из спальни, и взялась за шитье, чтобы скоротать время до ужина. Она шила себе нижнюю юбку и украшала ее мережкой.

Чуть позже, пока она мирно шила, со двора вошел Адам. Для защиты от дождя на нем была шляпа, утратившая — бог весть в каких доисторических закоулках времен — все обычные атрибуты формы, цвета, размера и даже те смутные врожденные ассоциации, которые позволяют опознать шляпу как шляпу, так что теперь она больше напоминала некое загадочное природное образование-паразит — мох, губку или древесный гриб.

Адам двумя пальцами держал пучок терновых веточек, видимо, только что сорванных во дворе. Он нес их перед собой, как фонарь.

Входя в кухню, старик пристально глянул на Флору из-под полей шляпы, однако ничего не

сказал, только принялся укладывать веточки на полке над раковиной. Закончив с этим, он снова посмотрел на Флору, но та продолжала шить. Старик еще раза два переложил веточки, откашлялся и забормотал:

— Теперь хватит до Михайлова дня. Ничего нету супротив терновой веточки. Наломал хоть воз и живи без забот. Старый ворон мимо не каркнет, а из пуста дупла либо сыч, либо сова.

Очевидно, Адам не забыл совета касательно посудной щеточки. Когда он, шаркая, вышел из кухни, Флора напомнила себе, что непременно надо купить ему такую щеточку, когда следующий раз окажется в Воплинге.

Она еще додумывала эту мысль, когда послышались шаги и вошел молодой человек. Очевидно, это был Сиф.

Флора подняла голову и спокойно улыбнулась:

— Здравствуй. Ты Сиф? Я твоя кузина Флора Пост. Боюсь, к чаю ты опоздал, разве что сам заваришь себе свежего.

Он подошел к ней с тягучей грацией леопарда и облокотился о каминную полку. Флора сразу поняла, что такого приглашением к чаю не смутишь.

— Что ты шьешь? — спросил Сиф.

Он явно надеялся, что это окажутся панталоны. Флора спокойно расправила складки нижней юбки и ответила, что это скатерть на журнальный столик.

— А… женские штучки, — бархатисто пророкотал Сиф (Флора не поняла, для чего ему понадобилось понизить голос на пол-октавы). — Все женщины одинаковые. Цацкаются со своими финтифлюшками да стреляют глазами в мужчин, а на самом деле им нужна наша кровь, сердце из нашей груди, наша душа и гордость.

— Вот как? — спросила Флора, вынимая из рабочей шкатулки ножницы.

— Да. — В его низком голосе слышались резкие обертоны, странным образом гармонирующие с легкой хрипотцой, словно в природном крике ласки или горностая. — Вот что женщины хотят от мужчины — его жизнь. Им только и надо, что окрутить его своими цацками да взглядами, а когда он уже не в силах шевельнуться от страстной тяги, бурлящей в его крови, знаешь, что они делают?

— Боюсь, что нет, — ответила Флора. — Тебя не затруднит передать мне вон ту катушку с каминной полки, рядом с твоим ухом? Спасибо.

Сиф машинально передал катушку и продол-

жал:

— Они съедают его, как паучихи. Вот что делают женщины — если мужчина им позволяет.

— Надо же, — заметила Флора.

— Да, но я сказал: «Если мужчина им позволяет». А я… я не позволяю. Я съедаю их сам.

Флора сочла, что сейчас уместнее всего будет уважительно промолчать. Да ей и нечего было ответить. Она участвовала в подобных разговорах (на вечеринках в Блумсбери и в Челтнемских гостиных[16]) и знала, что они, по сути, расстановка фигур на шахматной доске, до того как начнется настоящая игра. А если (как в ее случае) один из участников играть не настроен, а думает только, не выпить ли на ночь теплого молока, то и сам разговор не имеет смысла.

Правда, в Блумсбери и в Челтнеме джентльмены не говорили прямым текстом, что едят женщин в порядке самозащиты, но, очевидно, они подразумевали то же самое.

— Ты шокирована, да? — спросил Сиф, неверно истолковав ее молчание.

---

[16] Примечания: 16

Блумсбери — район Лондона, где расположены многие образовательные учреждения и Британский музей. В начале XX в. здесь жили представители богемы; здесь собирался так называемый Блумсберийский кружок, в который входила, в частности, Вирджиния Вулф. Челтнем — курорт с минеральными водами в графстве Глостер.

— Да, по-моему, это ужасно, — добродушно согласилась Флора.

Он зло рассмеялся: так шипит ласка, впиваясь зубами в кроличью шею.

— Ужасно… да! Все вы одинаковые. Ты такая же, как другие, при всех твоих городских вытребеньках. Этакая паинька, словечка криво не скажет. Ты ведь не поняла половины того, что я говорю?

— Боюсь, что я вообще не слушала, но наверняка это было очень интересно. Обязательно расскажи мне как-нибудь подробнее про твою работу… Чем ты занимаешься по вечерам, когда не… э… когда не ешь людей?

— Я хожу в Пивтаун, — нехотя отвечал Сиф. Темное пламя его мужского самодовольства немного приугасло.

— Играть в дартс? — спросила Флора. Она читала А.П. Герберта[17].

— Вот еще… стану я играть в детские игры со старичьем! Нет. Я хожу в синематограф.

Что-то в интонации последних слов, в той протяжной, почти любовной ноте, которая про-

---

[17] Примечания: 17

Алан Патрик Герберт (1890–1971) — английский реформист, драматург, член парламента. Защищал пабы от законов, ограничивающих продажи спиртного и запрещающих игры (в частности, дартс), и сам был большим любителем этих игр (правда, предпочитал не дартс, а кегли).

резалась в хрипловатом голосе Сифа, заставило Флору положить шитье на колени и поднять голову. Она задумчиво вгляделась в его неправильные, но красивые черты.

— В синематограф? И тебе нравится?

— Больше всего на свете! — с жаром произнес Сиф. — Больше матери, и больше фермы, и больше Викки из викариата!

— Вот как, — протянула Флора, продолжая изучать его лицо. — Интересно. Очень интересно.

— У меня семьдесят четыре фотографии Лотты Функл, — признался Сиф. Сейчас, увлекшись, он стал похож на одну из тех обезьян, про которых говорят «почти как человек». — Да, и сорок Дженни Кэррол, и пятьдесят пять Лоры Вэлли, и двадцать Кэролайн Хивитри, и пятнадцать Сигрид Мальстрем. И еще десять Памеллы Бакстер[18]. Все подписанные.

Флора кивала, изображая вежливый интерес, однако не показывая, что ей в голову пришел неожиданный план. Сиф внезапно сообразил, что говорит с женщиной о чем-то, кроме любви, и разозлился на себя.

Бормоча, что идет в Пивтаун смотреть «Сладких

---

[18] Примечания: 18

Все перечисленные актрисы (как и фильмы) вымышленные.

грешниц» (видимо, обсуждение своей страсти до чрезвычайности его распалило), он вышел из кухни.

Остаток вечера прошел тихо. Флора поужинала омлетом и кофе, который приготовила себе в маленькой гостиной, потом закончила вышивку на передней стороне нижней юбки, прочла главу из книги «Макария, или Жертвенный алтарь» и в десять часов улеглась в постель.

Все это было вполне приятно, и, раздеваясь, Флора думала, что кампания по наведению порядка в «Кручине» идет успешно, хотя минуло всего-то два дня. Она поговорила с Рувимом. Ознакомила наемную прислугу Мириам с искусством контрацепции и добилась, что шторы выстирали (они уже висели, отливая темным багрянцем в свете свечи). И еще Флора выяснила, что главная страсть Сифа — не женщины, а кино, и даже составила касательно него план, который теперь предстояло продумать в деталях. Она задула свечу.

И все же (думала Флора, укладываясь холодным лбом на холодную подушку) привычкой коротать вечера в приятном одиночестве придется отчасти поступиться. Надо хотя бы иногда ужинать со Скоткраддерами, чтобы узнать их поближе.

Она вздохнула… и погрузилась в сон.

Глава 8

В следующую неделю ей еле-еле удалось познакомиться с кузеном Амосом, а о том, чтобы представить гостью тете Аде Мрак, никто даже не заикался. Каждое утро в девять часов миссис Муривей поднималась на второй этаж, таща тяжелый поднос с мармеладом, овсянкой, сосисками, копченой селедкой, хлебом (не меньше полбатона по прикидкам Флоры) и черным пузатым чайником крепкого чая, но едва она входила в спальню тети Ады, дверь плотно затворялась. Выходя оттуда, миссис Муривей явно была не в настроении разговаривать и лишь раз, заметив взгляд Флоры, устремленный на поднос с остатками трапезы, заметила:

— Да… сегодня у нас аппетит что-то не ахти. Мы съели только две порции овсянки да два крутых яйца, половину селедочки и полгоршочка джема, что Адам прошлым летом украл на благотворительном базаре в викариате. Ну да ничего, желудок у нас большой, да и здоровьем Бог не обидел.

— Я еще не познакомилась с тетушкой, — ска-

зала Флора.

Миссис Муривей мрачно заметила, что она «не много потеряла», и на этом разговор окончился, ибо Флора была не из тех, кто вытягивает сплетни у слуг.

А даже и будь у нее такая склонность, ясно было, что миссис Муривей сплетничать не станет. Маленькая женщина явно относилась к старой миссис Скоткраддер с определенной долей уважения; Флора даже слышала раз, как она сказала, что хоть у кого-то в «Кручине» своя голова на плечах, пусть даже этот кто-то в два года увидел в сарае нечто мерзкое. Последних слов Флора не поняла и решила, что это местная идиома, означающая «сойти с ума».

Так или иначе, она не могла пробиться к тетке, пока та сама не пожелает ее видеть, и, очевидно, если бы та пожелала, Флору бы уже давно к ней отвели. Быть может, старая миссис Скоткраддер догадалась, что гостья хочет навести на ферме порядок, и прибегла к тактике ненасильственного сопротивления[19].

Тем временем оставался Амос.

---

[19] Примечания: 19

Тактика, предложенная Махатмой Ганди для борьбы с английским колониализмом. В тридцатые, когда Гиббонс писала эту книгу, в связи с событиями в Индии этот термин был у всех на устах.

От Адама она знала, что он дважды в неделю проповедует в церкви «Дрожащих братьев» и что штаб-квартира этой секты расположена в Пивтауне. Флора подумала, что могла бы напроситься на проповедь и начать обрабатывать Амоса во время долгой поездки в город.

Соответственно на второй неделе своего пребывания на ферме, вечером в четверг, она подошла к своему кузену, когда тот заглянул на кухню после чая (сам он в чаепитиях ни разу участия не принимал, считая их городским капризом), и спросила решительно:

— Ты сегодня едешь в Пивтаун проповедовать перед братьями?

Амос взглянул так, будто видит ее в первый раз или, может быть, во второй. ***Его мощное тело, узловатое, как скрюченный ветрами терновник, четким силуэтом вырисовывалось на фоне зимнего солнца, которое выжатым лимоном чахоточно пульсировало над закатным склоном холма, посылая бледные, острые лучи в раскрытую дверь кухни. Черные опахала деревьев застыли древними скелетами, и казалось, что в хрупком воздухе роятся незримые призраки мертворожденных весен. Холод стеклянными волнами накатывал на веки всякому, кому не посчастливилось

оказаться сейчас на улице. Тусклое небо опрокинутым ночным горшком лежало на темном ободе холмов, и в нем неуверенно подрагивали робкие перышки облаков. Внизу усталым стадом сгрудились замершие крыши Воплинга; лиловые и хрупкие, как листья брокколи, они походили на стаю зверей, изготовившихся к прыжку.

— Да, — процедил наконец Амос.

Он был в черном котелке и черном костюме, в котором его руки и ноги напоминали водопроводные трубы. Кое-кто сказал бы, что он живет в дымном, жарком аду собственных религиозных терзаний.

— Они все будут гореть в геенне, — с удовольствием добавил Амос, — и я непременно им об этом скажу.

— А можно мне поехать с тобой?

По виду он ничуть не удивился; более того, Флора поймала в его глазах пламя торжества, как будто Амос давно ждал ее покаяния.

— Да… можно… Поезжай, жалкая маленькая грешница. Быть может, ты думаешь, что избегнешь адского огня, если поедешь со мной, повергнешься ниц и воздрожишь. Но я говорю тебе: нет. Поздно. Ты будешь гореть вместе со всеми. Ты успеешь перечислить свои грехи и

более ничего.

— А мне надо будет перечислять их вслух? — не без трепета спросила Флора. Ей подумалось, что она вроде бы слышала о чем-то подобном от друзей, обучавшихся в великом центре религиозной жизни, Оксфорде.

— Да, но не сегодня. Сегодня слишком многие будут перечислять вслух свои грехи, у Господа не останется времени слушать одну заблудшую овцу. А может, дух и не отверзет твои уста.

Флора была уверена, что не отверзет, поэтому отправилась наверх надеть пальто и шляпку.

Она любопытствовала, как будут выглядеть «Дрожащие братья». В романах люди, ищущие в религии избавления от бесцветности и монотонности будней, обычно бывают серыми и угрюмыми. Наверное, и «Дрожащие братья» такие. А впрочем, почти все, что Флора до сих пор наблюдала в жизни, решительно не походило на описания в романах.

Двор был расчерчен резкими полосами золотистого света и монументальных теней от только что зажженного фонаря «Летучая кошь» (с ним обычно обходили курятники, проверяя, не слишком ли много бродячих кошек охотится там на кур, а замеченных охотниц пинком отправляли

в полет — отсюда и название).

Аспид был уже запряжен в тарантас и нетерпеливо мотал головой, от чего Адам, державший поводья, всякий раз подлетал в воздух.

Сейчас могучий — четыре локтя в холке — мерин тряхнул головой сильнее, так что щуплый старик взвился во тьму над желтым кругом света от фонаря.

Затем Аспид опустил морду, нюхая гнилую солому у своих ног, и Адам мятым серым мотыльком снова возник в круге света.

— Садись, — сказал Амос Флоре.

— А пледа тут нет? — спросила она, вешая «Летучую кошь» на тарантас.

— Нет. Тебя согреет грех, пылающий в твоих костях.

Однако Флора так не думала. Она забежала в кухню и вернулась с кожаным жакетом, который зашивала, когда вошел Амос.

Она уже влезала в тарантас, когда мимо нее стремительно пролетел Адам, пища от ужаса, словно престарелый чибис. Глаза у него были закрыты, лицо застыло в мученическом экстазе.

— Отпустите поводья, Адам! — воскликнула Флора. — Он же вас изувечит!

— Ничего, ничего… нашему Аспиду полезно

размяться, — слабо проговорил Адам. Тут Амос стегнул хлыстом, и конь тряхнул головой, как подстреленный. Старик взмыл в ночную тьму и пропал с глаз.

— Ну вот видите! — укоризненно проговорила Флора.

Амос, пробормотав: «Вот и поделом старому пню», снова стегнул лошадь, и тарантас покатил вперед.

Поездка пришлась Флоре по душе. Пальто согревало, а свежий ветер в лицо приятно бодрил. Она не видела ничего, кроме грязной дороги под фонарем и темного контура холмов на фоне беззвездного неба, однако живые изгороди струили нежный аромат, и чувствовалось, что в воздухе уже пахнет весной.

Амос молчал. Флора подметила, что Скоткраддеры вообще неразговорчивы; особенно это тяготило во время совместных трапез. Если за те двадцать минут, что уходили на обед и на ужин, кто-нибудь что-нибудь произносил, это, как правило, был неприятный вопрос, быстро перераставший в скандал, например: «Почему (называлось имя отсутствующего) не за столом?» или «Почему межину не промоторыжили по второму разу?» Даже молчание было лучше, хотя

у Флоры и возникало чувство, будто она играет в интеллектуальном немецком фильме.

Однако нынешнюю возможность разговорить Амоса грех было бы упустить, так что она начала:

— Интересно, наверное, проповедовать перед «Дрожащими братьями», кузен Амос. Я даже завидую. Готовишь ли ты свои проповеди заранее или просто сочиняешь на ходу?

Судя по тому как вырос и без того громадный силуэт Амоса, ясно было, что он кипит гневом. Зловещая пауза грозно затягивалась, и Флора украдкой глянула за борт тарантаса, гадая, сможет ли выпрыгнуть, если кузен вздумает ее прибить. Земля выглядела очень мокрой и пугающе далекой. У Флоры отлегло от сердца, когда Амос произнес довольно спокойно:

— Не говори о слове Господнем там, будто это безбожные газетные враки. Слово не готовят заранее; оно падает мне в ум, словно манна с небес в животы голодных израильтян.

— Вот как? Очень интересно. Так ты не знаешь заранее, о чем будешь говорить?

— Знаю, что будет про адское пламя… про вечные муки… про грешников на суде… но не знаю слов, пока не сяду на свое место и не взгляну на

их грешные рожи, с нетерпением ждущие, что я скажу. Тогда я понимаю, что надо говорить, и говорю.

— А кто-нибудь еще проповедует или только ты?

— Только я. Дебора Чекботтом раз попробовала встать и начать проповедь, да у нее ничего не вышло.

— Дух не отверз ее уста?

— Отверз, да я быстро заткнул их обратно. Пути Господни неисповедимы, и я понял, что дух по ошибке отверз ее уста вместо моих. Поэтому я просто стукнул Дебору по голове Библией, чтобы вышибить из нее беса.

— И тот вышел? — спросила Флора, изо всех сил стараясь сохранять дух спокойного научного исследования.

— Вышел. Больше Дебора рта не открывала. Теперь я проповедую один. Никто не может, как я.

Флора уловила в его голосе нотку самодовольства и поспешила этим воспользоваться:

— Мне очень хочется тебя послушать, кузен Амос. Тебе, наверное, очень нравится проповедовать?

— Нет. Это страшные муки, пронзающие меня до мозга души, — отвечал Амос. (Как все настоя-

щие люди искусства, он не желал признавать, что получает от своего дела массу удовольствия.) — Однако я должен исполнять свою миссию. Да, я должен подготовить собратьев к тому, что они испытают, когда алые языки будут лизать их ноги, как собаки лизали кровь Иезавели. Я должен рассказать всем, — тут Амос шевельнулся, и Флора догадалась, что он пригвоздил ее взглядом, хотя видеть его в темноте не могла, — об адском огне. Да, слово горит у меня во рту, и я должен изрыгнуть его в мир, как пламя.

И тут на Флору внезапно снизошло вдохновение.

— Тебе надо обратиться к более широкой аудитории, — сказала она. — Стоит ли растрачивать свой дар на кучку жалких пивтаунских грешников? Почему бы тебе не ездить в автофургоне «форд» и не проповедовать на ярмарках?

Она подозревала, что религиозные воззрения Амоса станут помехой намеченным преобразованиям на ферме, а значит, провести их будет куда легче, если отправить его в долгий проповеднический тур.

— Надо возделывать поле, ближайшее к дому, прежде чем отправлять на закраины и в межины, — сурово ответствовал Амос. — К тому же

раскатывать в автофургоне «форд» по всей стране — значит тешить свою гордыню, величаться о себе, а не о Господе.

Флора удивилась такой строгости, но подумала, что религиозные маньяки крайне любят копаться в своих мотивах и отыскивать в себе милые их сердцу грехи, как свинья ищет лужу поглубже и погрязнее, чтобы с удовольствием в нее залечь. К тому же в словах «раскатывать в автофургоне “форд”» ей послышался мечтательный оттенок: очевидно, искушение было чрезвычайно сильно. Оставалось лишь немного его подогреть.

— А не получается ли так, кузен Амос, что ты ценишь собственную жалкую душу больше славы Господней? Так ли страшно немного потешить свою гордыню и утратить смирение, если в итоге твои проповеди обратят множество заблудших? Если для спасения других надо согрешить, ты не должен перед этим отступать — по крайней мере я бы не отступила, если бы мне предложили ездить по стране на «форде» и проповедовать. А вот когда ты изображаешь смирение и отказываешься ехать, ты печешься о своей душе больше, чем о распространении слова Божьего.

Флора гордилась собой; ей замечательно далась торжествующая интонация обличения чудовищ-

ного греха, о котором сам грешник до сей минуты и не подозревал.

Так или иначе, на Амоса ее речь произвела желаемое действие. После долгой паузы, за время которой повозка успела въехать на городскую улицу, он хрипло, сдавленно проговорил:

— Да, в твоих словах есть правда. Может, мой долг — и впрямь выйти на более широкое поприще. Я должен все обмозговать. Да, ужасно. Грешник не ведает, в каком обличье подстережет его нечистый. Новый грех, грех попечения о том, тешу я свою гордыню или нет. И как понять, грешу ли я гордыней или спасаю ближних, а значит, не важно, что я при этом чувствую? И вправе ли я гордиться, если на самом деле их спасаю? Поди разберись.

Он бормотал себе под нос, так что Флора слышала далеко не все, но услышанного ей хватило, чтобы ответить твердо:

— Да, кузен Амос, разобраться трудно. И все-таки, несмотря на все трудности, тебе стоит подумать о том, как донести свои проповеди до большего числа людей. У тебя призвание, а призвание нельзя отвергать. Хотелось бы тебе проповедовать перед тысячными толпами?

— Да, очень. Но думать о таком — тщеславие.

— Ну вот снова, — укоризненно промолвила его спутница. — Пусть даже и тщеславие. Но что такое твоя душа в сравнении с душами тысяч грешников, которые спасутся от твоих проповедей?

Тут повозка остановилась перед пабом в проулке, выходящем на главную улицу городка. Флора обрадовалась, поскольку разговор явно пошел по кругу, разорвать который может лишь смерть или полное истощение сил одного из участников.

Амос и не подумал помочь Флоре, так что ей пришлось выбираться из тарантаса самостоятельно.

— Живее, — крикнул он. — Нам не следует мешкать подле дома сатаны!

При этих словах Амос осуждающе покосился на освещенные окна паба, которые на взгляд Флоры выглядели очень уютно.

— А молельня далеко отсюда? — спросила она, поспешая за ним на Хай-стрит, погруженную в зимний мрак, лишь кое-где прорезанный грубым желтым светом магазинных витрин.

— Нет. Вот она.

Они стояли перед зданием, которое Флора поначалу приняла за необычно большую собачью

конуру. В открытую дверь можно было видеть скамьи и стены из струганых сосновых досок. Некоторые братья уже сидели, другие торопливо занимали места.

— Нам надо подождать, пока молельня заполнится, — шепнул Амос.

— Зачем?

— Им страшно, когда проповедник рядом, словно обычный человек, — прошептал Амос, прячась в тень. — Когда я на помосте, им тоже страшно, но не так, как если бы я перед проповедью был между ними, смотрел в сборник гимнов или прямо в душу каждого, читая сокровенные мысли.

— Мне казалось, ты хочешь их напугать?

— Да, но то должен быть возвышающий страх. И я не хочу напугать их настолько, что они не придут на следующую проповедь.

Флора разглядывала братьев, заполняющих собачью конуру, и думала, что Амос, вероятно, недооценивает крепость их нервов. Редко ей доводилось наблюдать такую здоровую и основательную публику.

Публика эта была куда приятнее лондонской и особенно той, которую Флора видела однажды — но лишь однажды! — на воскресной встрече Синематографического общества, куда ее затащила

подруга, интересующаяся кино как искусством.

Те зрители были в бородах, малиновых рубашках и оригинально завязанных галстуках; им мало было губить свою слабую нервную систему неустанной работой критической мысли, они еще и смотрели фильм из японской жизни под названием «Да», снятый в 1915 году норвежской студией с актерами-японцами. Фильм длился час сорок пять минут. В нем было двенадцать крупных планов грязного прудика с абсолютно неподвижными цветами лотоса и четыре самоубийства, а все актеры двигались медленно-медленно.

Сейчас Флора задумчиво вспоминала тот вечер. Все вокруг нее шепотом восхищались красотой ритмического узора и пластикой абстрактного воплощения.

И только маленький человечек рядом с нею ничего не говорил, просто вертел в руках шляпу и ел леденцы из бумажного фунтика. Видимо, между ними возникла некая телепатическая связь, потому что, когда им в седьмой раз показали на весь экран японское лицо с катящимися по щекам слезами, человечек протянул Флоре кулек с конфетами и шепнул:

— Мятные.

И Флора, которая к тому времени ужасно проголодалась, с благодарностью взяла леденец.

Когда свет наконец зажегся, Флора с удовольствием отметила, что сосед ее одет прилично и обыкновенно; тот, в свою очередь, задержал взгляд на ее аккуратной прическе и с радостным изумлением поднял брови, как будто сейчас воскликнет: «Доктор Ливингстон, я полагаю?»[20].

Затем под заинтригованным взором Флориной подруги-интеллектуалки сосед представился Эрлом П. Боссом из Голливуда, церемонно вручил им свою карточку и осведомился, не выпьют ли они с ним чаю? Флора решила, что он душка, и, не обращая внимания на недовольную гримаску подруги (которая, как все, кто исповедует свободу нравов, свято чтила светские условности), ответила, что выпьют с большим удовольствием.

За чаем мистер Босс и Флора обменялись впечатлениями о разных легкомысленных фильмах, которые им обоим понравились (обсуждать «Да» они не решились), потом мистер Босс рассказал, что выступает сопродюсером в новой британской студии. Он спросил, не хотят ли Флора с подру-

---

[20] Примечания: 20

Эту фразу произнес журналист Генри Мортон Стэнли в октябре 1871 г., когда после долгих поисков отыскал миссионера и ученого Давида Ливингстона в африканской деревушке.

гой посетить эту студию? Только в ближайшее время, а то он скоро возвращается в Голливуд с ежегодным урожаем лучших английских актеров и актрис.

На студию Флора так и не попала, но еще дважды обедала с мистером Боссом. Между ними возникла крепкая дружеская симпатия. Мистер Босс рассказал Флоре о своей изящной и дорогостоящей любовнице Лили, о том, как та закатывает сцены и отнимает у него время, которое он куда охотнее потратил бы на жену. Однако в Голливуде, если у человека нет любовницы, на него подозрительно косятся, а если ты упорно проводишь все время с женой и говоришь, что искренне ее любишь (в конце концов, почему бы и нет), то газеты печатают омерзительные статьи в духе «Домашняя идиллия киномагната», а ты должен снабжать их снимками, на которых твоя жена наливает тебе горячий шоколад и ухаживает за папоротниками в саду.

Так что никуда не деться, объяснил мистер Босс.

Жена его вполне понимает ситуацию, и они вместе играют в игру «Ускользни от Лили», что еще больше их сплачивает.

Сейчас мистер Босс был в Америке, но в по-

следнем письме известил Флору, что весной прилетает в Англию.

Флора решила, что пригласит его на день в эти края: ей кое-кого надо ему показать.

О мистере Боссе ей напомнил вид кинотеатра «Мажестик» прямо напротив молитвенного дома, куда сейчас заходили «Дрожащие братья». Афиши на кинотеатре обещали умопомрачительную драму страстей под названием «Грехи чужих жен». Флора подумала, что Сиф, наверное, сейчас там и ему хорошо.

Собачья конура уже почти заполнилась.

Кто-то наяривал ужасающую мелодию на хрипучем органчике у входа. Флора, выглядывая у Амоса из-за плеча, рассматривала молельный дом; если не считать органчика, он выглядел обычным лекционным залом с круглым помостом в дальнем конце. На помосте стоял стул.

— Ты там проповедуешь, кузен Амос?

— Да.

— А Юдифь или мальчики ходят тебя слушать?

Флора завела разговор, чтобы разогнать тоску, накатывающую на нее при мысли о том, что предстоит вытерпеть.

Амос нахмурился.

— Нет. Их глаза заплыли жиром, и они ступают

надменно, как Ахав, не видя рва, что ископал пред ними Господь. Да, моя семья — мое проклятие, и десница Господня тяжело лежит на «Кручине», давит горькое вино из наших душ.

— Тогда почему бы не продать ее и не купить другую в более уютном месте?

— Нет. Скоткраддеры живут в «Кручине», сколько она стоит, — угрюмо проговорил Амос. — А все старая миссис Скоткраддер. Ее звали Адой Мрак до того, как она вышла за Нишиша Скоткраддера. Она никого с фермы не отпустит. А Рувим только и ждет моей смерти, чтобы завладеть «Кручиной». Не бывать этому! Уж скорее я завещаю ее Адаму.

Прежде чем Флора успела сказать, как огорчительно ей такое слышать, Амос двинулся вперед со словами: «Пора. Все собрались».

Флора села на край последней скамьи — поближе к выходу, на случай если проповедь и духота окажутся уж совершенно невыносимы.

Амос прошел почти к самому помосту и уселся на первую скамью, предварительно наградив соседей двумя медленными мрачными взглядами, обещавшими грозное красноречие.

Собачья конура была уже набита до отказа. Органчик заиграл что-то похожее на музыку.

Женщина слева вложила Флоре в руку сборник гимнов.

— Номер двести, «Что же будет, Господь, когда время придет?», — громко сообщила женщина.

Из своего обширного чтения Флора знала, что в местах, отведенных для молитвы, принято говорить исключительно шепотом, однако она быстро училась, поэтому взяла книгу и с любезной улыбкой ответила: «Спасибо».

Гимн начинался так:

> *Что же будет, Господь, когда время придет?*
>
> *Когда ангелы в трубы свои вострубят?*
>
> *И земля запылает, и небо падет,*
>
> *Мы же будем дрожать от макушек до пят.*

Флоре он понравился своей решимостью твердо держаться избранного пути перед лицом неприятных обстоятельств, вполне отвечавшей ее собственному характеру. У нее было приятное сопрано, и пела она старательно. Дирижировал мрачный, живописно грязный старик с длинными седыми волосами. Он стоял на помосте и размахивал предметом, в котором Флора, с трудом веря своим глазам, узнала кочергу.

— Кто это? — спросила она соседку.

— Брат Амблфорт. Он возглавит дрожание, когда мы начнем дрожать.

— А почему он дирижирует кочергой?

— Чтобы напомнить нам про адское пламя, — последовал простой ответ. Флора не захотела огорчать соседку, поэтому не сказала, что у нее таких ассоциаций не возникло.

После гимна (который пели сидя) все закинули ногу на ногу и устроились поудобнее, в то время как Амос поднялся на помост и с выражением устрашающей решимости опустился на стул.

Минуты три он молча взирал на «Дрожащих братьев». Глубочайшее презрение на его лице мешалось с возвышенной печалью. Флора видела нечто подобное лишь однажды: на лице сэра Генри Вуда[21], когда тот, уже подняв палочку перед вступительным аккордом «Героической симфонии», замер, глядя на опоздавших в партере Куинс-Холла. Флора поняла, что Амос ей положительно нравится: все-таки этот человек

---

[21] Примечания: 21

Генри Вуд (1869–1944) — английский дирижер, чье имя стало синонимом «Променадных концертов» в Куинс-Холле, концертном зале на две с половиной тысячи мест в центральном Лондоне. Название пошло от концертов в парках, где люди могли одновременно слушать музыку и совершать променад. На протяжении пятидесяти лет Генри Вуд дирижировал почти всеми этими концертами.

— настоящий артист.

Наконец он открыл рот. Его голос надтреснутым колоколом прогремел в полной тишине.

— Вы снова здесь, несчастные извивающиеся червяки? Выскользнули тайком из своих обреченных домов, как Намессия, сын Ровоамов[22], дабы узнать, что вас ждет? Пришли, старые и молодые, больные и здоровые, матери семейств и девственницы (хотя мир так порочен, что едва ли среди вас есть хоть одна девственница), юноши и старики, дабы услышать, как я поведаю об алых лижущих языках адского пламени?

Долгая эффектная пауза с мимикой сэра Генри. Слышался единственный звук (впрочем, и его вместе с сопровождающим запахом было более чем достаточно) — надсадное шипение газовых светильников по стенам.

Амос продолжал:

— Да, вы пришли. — Он коротко, презрительно рассмеялся. — Десятки. Сотни. Как крысы в амбар. Как полевые мыши в пору жатвы. А какой вам от этого прок?

Еще одна пауза вновь в духе сэра Генри.

— Никакого. А теперь — маленькая хорошая

---

[22] Примечания: 22

Ровоам — в Библии, один из сыновей Соломона; Намессия — отец (или дед) Ииуя (но никак не сын Ровоама).

новость.

Он замер, набрал в грудь воздуха, потом внезапно вскочил со стула и прогремел во всю мочь:

– *Мы все прокляты!*

Выражение самого живого интереса прокатилось по лицам «Дрожащих братьев», все заерзали, стараясь устроиться поудобнее и с удовольствием выслушать дурные новости.

— Прокляты, — свистящим шепотом повторил Амос. — Задумывались ли вы, что означает это слово, которое вы так небрежно произносите каждый день своей жалкой жизни? Нет. Вы не задумывались. Вы вообще не задумываетесь, верно? Так вот, я вам скажу. Это означает нескончаемые чудовищные муки, когда ваши грешные тела бросят на жаровни в глубочайших недрах ада, а черти, насмехаясь, будут пить прохладительные напитки у вас под носом. Да, воздух будет полон смрадом паленого мяса и криками тех, кто вам дорог больше всего на свете…

Он глотнул из стакана — вполне заслуженно, как подумала Флора. Она и сама не отказалась бы сейчас от воды.

Теперь голос Амоса зазвучал обманчиво буднично и обыденно. Он медленно оглядел слушателей темными глазами навыкате.

— Вы знаете, каково обжечь пальцы об духовку, вытаскивая пирог, или спичкой, когда вы зажигаете свои безбожные сигареты? Да. Зверская боль, не так ли? И вы бежите приложить к ожогу масло. Так вот (выразительная пауза), *в аду масла нет*! Все ваше тело будет жечь зверская боль, ваши почерневшие языки вывалятся изо рта, ваши иссохшие губы будут молить о капле воды, но ни звука не вырвется из ваших глоток, ибо они пересохнут, как песчаная пустыня, а ваши глаза будут раскаленными шарами вращаться в обугленных глазницах…

Тут Флора тихонько встала и, извинившись перед соседкой, быстро прошла к двери. Духота, запах и шипение газа придавали молельному дому достаточное сходство с адом и без тех подробностей, которые излагал Амос. Флора чувствовала, что сможет плодотворнее провести вечер где-нибудь в другом месте.

Но где? Свежий воздух приятно щекотал ноздри. Натягивая перчатки, Флора подумала, не пойти ли на «Грехи чужих жен», но решила, что услышала сегодня про грех более чем достаточно.

Так куда пойти? Вернуться без Амоса она не могла, поскольку в зимние месяцы последний

автобус до Воплинга уходил в половине седьмого, а сейчас было почти восемь. Кроме того, Флора проголодалась. Она с досадой оглядела улицу. Почти все магазины уже закрылись, кроме одного, через несколько домов от кинотеатра.

Это оказалась чайная. Вид ее не вдохновлял: в витрине стояли кексики, гнетущего вида деревянные коробочки, плетеные корзиночки и льняные мешочки, вышитые мальвами. Однако там, где есть кексики, должен быть и кофе. Флора пересекла улицу и вошла в чайную.

Шагнув через порог, она поняла, что попала из адского пламени в болото занудства. Ибо за одним из столиков сидел человек, лицо которого Флора помнила: они вроде бы встречались на приеме у миссис Полсветт в Лондоне. Это мог быть только мистер Клоп, да и внешность подтверждала догадку. В пустой чайной он обладал полной свободой маневра, и Флоре некуда было скрыться.

Глава 9

Когда она вошла, предполагаемый мистер Клоп поднял голову и радостно оживился. На столе перед ним лежали книги и листы бумаги, на которых он деловито строчил.

Вот тут Флора рассердилась по-настоящему. Как будто ей мало пришлось вытерпеть за сегодняшний вечер — не хватало теперь только слушать умные разговоры! Она сочла, что сейчас может позволить себе сознательную грубость, на которую имеет право лишь человек, чьи манеры в остальное время безупречны, поэтому села спиной к мистеру Клопу, взяла разрисованное гномиками меню и постаралась ни о чем дурном не думать…

Официантка в длинном ситцевом платье с неглаженными оборками принесла кофе, галеты и апельсин, который Флора посыпала сахаром и теперь медленно ела ложечкой. Официантка предупредила, что они закрыты, но, поскольку это не мешало Флоре сидеть за столиком, пить кофе и есть апельсин, та просто кивнула: мол, закрыты, и хорошо.

Она уже принялась за четвертую галету, когда ощутила, что сзади кто-то приближается, и не успела опомниться, как услышала голос над самым ухом:

— Здравствуйте, Флора Пост. Верите ли вы, что у женщин есть душа?

Мистер Клоп стоял за ее стулом и смотрел сверху вниз с выражением дерзкой загадочности.

Флора не удивилась вопросу. Она знала, что интеллектуалы, как Двуцветный Питон, Скалистый Змей у мистера Киплинга, всегда говорят вот так. Поэтому она ответила приятным голосом, но чистосердечно:

— Я этим совершенно не интересуюсь.

Мистер Клоп коротко и довольно хохотнул. Флора зачерпнула ложкой еще немного апельсинового сока, гадая, что в ее словах так понравилось мистеру Клопу.

— Не интересуетесь? Славная девочка… Главное, оставайтесь со мной откровенны и все у нас будет хорошо. Кстати, меня тоже не интересует, есть ли у них душа. Тело куда важнее. Можно я сяду? Вы же меня помните? Мы встречались у Полсветтов в октябре. Вы же не считаете, что я назойлив? Полсветты сказали, что вы здесь, и я все гадал, не столкнемся ли мы случайно. Вы

близко знаете Билли Полсветт? Очаровательная женщина… такая простая и веселая, с настоящим талантом к дружбе. Он тоже славный малый… педераст, конечно, но все равно славный. Какой аппетитный у вас апельсин! Я, наверное, тоже себе закажу. Обожаю есть их ложкой! Можно я сюда сяду?

— Да, — ответила Флора, понимая, что спасения нет.

Мистер Клоп сел и, обернувшись, подозвал официантку. Та уведомила его, что они закрыты.

— Слегка беспардонно, а? — рассмеялся мистер Клоп, косясь на Флору. — Послушай, милочка, да какая разница? Просто принеси мне апельсин и сахар.

Официантка ушла, и мистер Клоп смог вновь сосредоточиться на Флоре. Он поставил локти на стол, уперся подбородком в ладони и устремил на нее немигающий взгляд. Поскольку она продолжала спокойно есть, ему пришлось сделать первый ход, а именно произнести: «Итак?» (У Флоры упало сердце: она узнала гамбит, к которому прибегают интеллектуалы, решившие в тебя влюбиться.)

— Вы ведь пишете книгу? — торопливо спросила она. — Помню, миссис Полсветт мне говорила.

О жизни Брануэлла Бронте, да?

(Флора сочла за лучшее использовать сведения, полученные от миссис Каин, хозяйки «Висельника», и скрыть тот факт, что с миссис Полсветт, протеже миссис Смайли, она встречалась лишь раз и нашла ту чрезвычайно занудной.)

— О да, отличная будет книга, — объявил мистер Клоп. — Психологическое исследование, разумеется. Я добыл кучу нового материала, включая три письма, которые он написал в Ирландию старухе-тетке, миссис Пранти, в период своей работы над «Грозовым перевалом».

Он ждал, что Флора рассмеется или уставится на него ошарашенно, однако ее вежливо-заинтересованное выражение не изменилось, так что пришлось объяснять дальше.

— Понимаете, очевидно, что книгу написала не Эмили. Женщина так не могла… там ясно видна мужская рука… Я разработал теорию касательно его пристрастия к спиртному и выяснил, что он не был алкоголиком. Он был величайший гений, второй Чаттертон[23], и сестры его за это ненавидели.

---

[23] Примечания: 23

Имеется в виду Томас Чаттертон (1752–1770) — английский поэт, покончивший с собой в восемнадцать лет (как считалось, потому что его затравили критики).

— Мне казалось, все современники пишут, что сестры его очень любили, — сказала Флора. Такой разговор ее вполне устраивал — лишь бы мистер Клоп не свернул на что-нибудь более личное.

— Знаю, знаю. Но они притворялись. Сестры сгорали от черной зависти к гениальному брату, однако не выказывали ее, чтобы тот не уехал в Лондон вместе с рукописями. Это испортило бы их маленькую игру.

— Какую игру? — спросила Флора, силясь вообразить Шарлотту, Эмили и Энн за какой-нибудь игрой.

— Выдать его рукописи за свои, разумеется. Сестрам нужно было держать Брануэлла при себе, чтобы красть его романы, продавать их издателю как свои, а на вырученные деньги покупать джин.

— Для кого? Для Брануэлла?

— Нет, для себя. Они все были горькие пьяницы, причем Энн — особенно. Брануэлл, обожавший ее, делал вид, будто напивается в «Черном быке», и таким образом добывал джин для младшей сестры. Ему пришлось — один бог ведает, какими трудами — создать себе репутацию талантливого и беспутного гуляки. Трактирщик гордился, что молодой мистер Бронте просиживает все

вечера в его заведении (это привлекало посетителей), и отпускал тому джин в кредит — столько, сколько хотела Энн. Брануэлл, работая тайно по двенадцать часов в сутки, тем временем писал «Шерли», «Городок» и, разумеется, «Грозовой перевал». Все это я смог доказать на основании трех его писем к миссис Пранти.

— А что, в этих письмах он говорит, что пишет «Грозовой перевал»? — спросила Флора, зачарованная рассказом.

— Нет, конечно, — отвечал мистер Клоп. — Взгляните на вопрос, как взглянул бы на него психолог. Человек по пятнадцать часов в сутки пишет грандиозный шедевр, поглощающий всю его энергию. У него почти не остается времени на сон и еду. Он как мотор, приводимый в движение собственной демонической живой силой. Все его существо сосредоточено на том, чтобы завершить книгу. Из последних сил он пишет старой тетушке в Ирландию. А теперь вопрос: как по-вашему, станет ли он упоминать в письме работу над книгой?

— По-моему, да, — сказала Флора.

Мистер Клоп затряс головой:

— Нет, нет, нет! Конечно, не станет! Он хочет на время отключиться от работы, от маниакальной

одержимости, которая пожирает все его жизненные силы. Конечно, он не будет говорить о ней никому — и даже тетушке.

— А почему «даже»? Он был настолько привязан к своей тете?

— Она была страстью его жизни, — просто и торжественно проговорил мистер Клоп. — Судите сами. Он никогда ее не видел. Она совсем не походила на тех угловатых некрасивых женщин, которые его окружали. Она олицетворяла загадку… женское начало… вечный непостижимый и недосягаемый икс. Разумеется, его тяга к ней была извращенной, но потому и более сильной. И от этого хрупкого, невероятно тонкого чувства юноши к старухе нам остались лишь три коротких письма. Ничего более.

— Так она на них не ответила?

— Если и ответила, письма утрачены. Однако и его писем к ней довольно. Это миниатюрные шедевры подавленной страсти. Почти каждая фраза в них — ласковый вопрос. Брануэлл спрашивает тетушку, как ее ревматизм… оправился ли ее кот, Тоби, «от лихорадки»… и какая сейчас погода в Дерри-даун-дерри… вот в Хауорте не очень… и как поживает кузина Марта. Всего три слова — но какое литературное мастерство! Мы

так и видим эту Марту, ее высокие ирландские скулы, мягкие черные волосы, чувственные алые губки… Брануэллу нет дела, что сейчас в Лондоне герцог и Пальмерстон сражаются из-за хлебных законов[24]… ему куда важнее здоровье и благополучие тети Пранти.

Мистер Клоп сделал паузу и подкрепил силы ложечкой апельсинового сока. Флора сидела и размышляла над услышанным. По ее наблюдениям гении не пишут старым тетушкам в качестве отдыха от трудов; обычно эта обязанность ложится на сестер или на жен гениев. Ей подумалось, что скорее всего тетушкам писали Шарлотта, Эмили и Энн, но однажды утром они решили, что сейчас очередь Брануэлла отвечать тете Пранти, и не отставали от него, пока он не составил три письма, которые потом были отправлены через аккуратно рассчитанные промежутки времени.

Она взглянула на часы.

Было половина девятого. Флора гадала, когда «Дрожащие братья» выйдут из собачьей конуры.

---

[24] Примечания: 24

Хлебные законы — законы о налоге на ввозимое зерно, действовавшие в Англии с 1815 по 1846 г., источник нескончаемых политических баталий, отставок в правительстве и внутрипартийных расколов. «Герцог» — герцог Веллингтон (1769–1852), великий полководец и премьер-министр Великобритании с 1828 по 1830 г., затем влиятельный член палаты лордов. Лорд Пальмерстон (1784–1865) — премьер-министр с 1855 по 1865 г., а до того — министр иностранных дел.

Пока они не подавали виду, что намерены расходиться. Из конуры доносилось громкое пение; по временам оно умолкало — видимо, братья дрожали. Флора подавила зевок. Ее клонило в сон.

— Как вы назовете книгу?

Она знала, что интеллектуалы подолгу обсуждают названия своих книг. Особенно важно правильно назвать биографию. Язвительное жизнеописание Томаса Карлейля, озаглавленное «Викторианские заметки», в прошлом году легло в магазинах мертвым грузом, поскольку все решили, что это скучные мемуары, а вот «Аромат чистоты» — нудную историю канализации с 1840 по 1873 год — расхватали как горячие пирожки, думая, что это разоблачение викторианской морали.

— Я не могу выбрать между двумя вариантами: «Козел отпущения. О жизни и творчестве Брануэлла Бронте» и «Барс некий дивный. О жизни и творчестве Брануэлла Бронте». Помните: «как барс в роскошном царственном движенье, дух некий дивный»?

Флора и впрямь помнила. Цитата была из «Адонаиса» Шелли. У почти всеобщего образования есть большой недостаток: кто попало знает твоих любимых авторов. Крайне неприятное чувство:

как будто видишь свой домашний халат на пьяном незнакомце.

— Вам как больше нравится? — спросил мистер Клоп.

— «Барс некий дивный», — без колебаний отвечала Флора — не потому, что это название ей нравилось больше, а потому что, замнись она хоть на мгновение, последовало бы долгое и скучное обсуждение.

— Вот как… Занятно. Мне тоже. Тут есть что-то дикое, не правда ли? Я хочу сказать, наводит на мысль о диком звере, посаженном на цепь. А то, что у Брануэлла были рыжие волосы, развивает аналогию — вполне подходящий окрас. В книге я постоянно называю его огненным барсом. Разумеется, тут есть символический подтекст…

«Обо всем-то он позаботился», — подумала Флора.

— Барса, как и льва, узнают по когтям, и так же мы в конце концов узнали Брануэлла. Пусть он взял на себя алкоголизм сестер, пусть из какой-то извращенной жертвенности позволил им присвоить свои творения, острые когти своего гения он спрятать не сумел — они рвут и цепляют нам душу. Сегодня ни один думающий человек в Европе не верит, что «Перевал» написала Эмили.

Флора доела последнюю галету, которую долго приберегала, и теперь с надеждой поглядывала на собачью конуру. Гимн, который пели сейчас, мелодией походил на те гимны, которые звучат перед окончанием службы.

Рассказывая о своей книге, мистер Клоп смотрел на нее очень пристально, поэтому Флора не удивилась, когда он спросил резко:

— Как вы насчет прогулок?

Теперь Флора еще сильнее хотела, чтобы дверь собачьей конуры отворилась и Амос, как грозный ангел, пришел ей на выручку. Если сказать, что она обожает прогулки, мистер Клоп заставит ее отмахать десять миль под дождем, а сам будет все это время безостановочно вещать про секс, а если вяло проговорить, что любит, но недолгие, он усадит ее на мокрый перелаз через изгородь и попытается поцеловать. Однако и ответ «терпеть их не могу» не годится: либо мистер Клоп заподозрит, что она подозревает его в желании ее поцеловать, либо затащит в какую-нибудь гнусную чайную, где будет вещать про секс и поминутно спрашивать, как ей это нравится.

Спасения не было, разве что вскочить и выбежать на улицу.

Однако этого не потребовалось, поскольку

мистер Клоп, не дождавшись ответа, перешел к следующему пункту программы:

— Я подумал, мы могли бы погулять вместе, если вы не против. Должен признаться, я довольно слаб… вот здесь.

И он с коротким смешком указал на левую сторону своей груди.

— Тогда лучше отложить прогулку до хорошей погоды, — с милой улыбкой отвечала Флора. — Если вы простудитесь, то не сможете работать, а раз у вас слабые легкие, лучше поберечься.

Судя по выражению лица, мистер Клоп много бы отдал, чтобы не услышать этих слов. У него уже была заготовлена фраза: «Понимаете, Флора, я всей душой ненавижу ханжеские условности и предпочитаю все говорить прямо…»

Однако мистер Клоп не привык беседовать с такими чистенькими и аккуратными девушками, как Флора, и это выбивало его из колеи, поэтому он пробормотал только: «Да… да, конечно» — и метнул в нее быстрый взгляд.

Флора задумчиво натягивала перчатки, глядя на «Дрожащих братьев», которые потянулись наконец из дверей молельного дома. Она боялась пропустить Амоса.

Мистер Клоп резко встал, сунул руки в карманы

и уставился на нее сверху вниз.

— Вы тут с кем-нибудь? — спросил он.

— Мой кузен проповедует в церкви «Дрожащих братьев» через улицу. Он отвезет меня домой.

Мистер Клоп пробормотал: «Надо же, как занятно» — и добавил:

— Я думал, мы могли бы пройтись.

— До фермы семь миль, а мои туфли не годятся для долгих прогулок, — твердо ответила Флора.

Мистер Клоп иронически улыбнулся и пробормотал: «Шах королю!», однако Флора уже видела Амоса и знала, что спасение близко, поэтому ее не тревожило, кому шах.

— Мне пора, — вежливо промолвила она. — Кузен меня ищет. До свидания, и спасибо большое, что рассказали про свою книгу. Это было очень интересно. Может, когда-нибудь еще увидимся…

Последние слова неосторожно вырвались у нее по привычке, и мистер Клоп поспешил за них ухватиться. Он с жаром сказал, что увидеться будет замечательно.

— Я дам вам мою карточку. — И он вытащил большую засаленную визитную карточку, которую Флора без всякого желания спрятала в сумку.

— Должен предостеречь, — добавил мистер

Клоп. — Я мрачный нелюдим. Никто меня не любит. Я как ребенок, которого так часто били по рукам, что он избегает рукопожатий. Однако если вы копнете чуть глубже…

Флоре совершенно не хотелось копать глубже, однако она улыбкой поблагодарила его за карточку и торопливо зашагала к Амосу, стоящему посреди улицы.

При виде Флоры тот попятился и, указав на нее пальцем, провозгласил:

— Любодейка!

— Нет, нет, кузен Амос! — Обвинение было тем обиднее, что мистер Клоп не вызывал у нее ничего, кроме гадливости. — Мы просто встречались в Лондоне у общих знакомых.

— Все одно… и даже хуже, раз он из Лондона, города сатаны, — мрачно произнес Амос.

Впрочем, чувствовалось, что это скорее формальность, чем подлинные его чувства. На обратном пути Амос не развивал темы и вообще по большей части молчал, только заметил, что его проповедь произвела на братьев большое действие и Флора много пропустила, не оставшись на дрожание.

Флора ответила, что понимает, но его красноречие оказалось чересчур сильным для ее слабого

и грешного духа. Затем она твердо добавила, что ему непременно надо подумать о фордовском автофургоне, на что Амос тяжело вздохнул и сказал, что она — дьявол, посланный его искушать.

Однако семя было брошено. Ее кампания продвигалась успешно.

Уже у себя в спальне, глядя на карточку мистера Клопа при свече, Флора обнаружила, что он не мистер Клоп, а Мейстерклопф и живет на Шарлотт-стрит. Оба открытия ее не обрадовали, однако позади был долгий, богатый событиями день, так что в ту ночь она спала крепко и без сновидений.

Глава 10

Шла третья неделя марта. В сеголетках пробуждали и бродили жизненные соки. На живохлебке набрякли почки. Брюквенная страда закончилась, свекольная еще не началась, а значит, у Иеремии, Урка, Амоса, Сельдерея, Кипрея, Ездры, Анании, Азарии и четверых работников, не связанных со Скоткраддерами родством, появилось довольно много свободного времени. Для Сифа, напротив, наступила самая жаркая пора. Адам в овине тетешкал новорожденных ягнят. Рувим готовил поля к следующей страде; он всегда трудился без отдыха и срока. Однако остальные Скоткраддеры были близки к точке кипения.

Флора плела сразу несколько интриг. Только человек вполне искренний и чистый, которому всякие козни обычно скучны, способен оценить всю прелесть интриги, когда берется за нее в первый раз. Когда их много и есть опасность запутаться, удовольствия еще больше.

Разумеется, не все интриги развивались одинаково удачно. Идея научить Адама мыть посуду щеточкой, а не скоблить терновым сучком, пол-

ностью провалилась.

Однажды, когда Адам после завтрака вошел на кухню, Флора сказала ему:

— Вот вам щеточка, я купила ее в Воплинге. Правда удобная? Попробуйте и убедитесь.

В первую минуту казалось, что сейчас Адам вырвет щеточку из ее рук, однако выражение ярости на его лице постепенно сменилось каким-то другим, более загадочным.

Щеточка и впрямь была премилая: деревянная ручка с небольшим сужением ближе к концу, чтобы удобнее держать, и головка из мягких белых волокон, не спутанных, как у почти всех кухонных мочалок, а висящих свободно. Трогательнее же всего выглядела алая веревочка с петелькой для подвески, привязанная на сужении рукоятки.

Адам осторожно тронул щеточку пальцем.

— Она теперь моя?

— Да, конечно. Ваша собственная. Берите.

Адам бережно взял щеточку и замер. Его глаза подернулись дымкой, как незрячие атлантические озерца перед бурей. Узловатые пальцы сомкнулись на рукоятке.

— Моя… она моя, — бормотал он. — Ни кола ни двора, а щеточка моя!.. Моя щеточка!

Он вытащил терновую веточку, заменявшую ему пуговицу на рубахе, и вставил на ее место щеточку, затем подумал и вернул все обратно.

— Моя щеточка! — Старик смотрел на нее, как во сне.

— Да. Это чтобы щигрить миски, — твердо сказала Флора, предчувствуя новую опасность.

— Ну уж нет! — возмутился Адам. — Разве можно щигрить старые миски такой красотой! Я уж терновыми веточками обойдусь. А мою щеточку буду держать в коровне, рядом с нашей Неумехой и нашей Нескладехой.

— Они могут ее съесть, — заметила Флора.

— Верно ты говоришь, дочь Роберта Поста. Ладно, повешу ее на красной веревочке над раковиной. Не стану я кунать мою милую щеточку в грязную посудную воду. Щеточка моя ненаглядная, краше, чем майский день.

И, прошаркав через кухню, он аккуратно подвесил щеточку над раковиной и замер, любуясь. Флора, кипя праведной досадой, отправилась на прогулку.

Ее часто подбадривали письма от лондонских друзей. Миссис Смайли была сейчас в Египте, но писала регулярно. За границей, в жарком климате, она носила белые платья, разговаривала мало,

а все мужчины в гостинице в нее влюблялись. Чарлз тоже писал в ответ на короткие послания Флоры. В сжатых фразах на двух сторонах листа голубой почтовой бумаги она излагала обстоятельства своей жизни; Чарлз писал о погоде в Хартфордшире и передавал приветы от своей матери. Было в его письмах и кое-что еще, очень для Флоры приятное; она ждала их с нетерпением. Еще писала Джулия, коллекционировавшая книги про гангстеров, Клод Харт-Харрис и другие члены ее компании, так что даже здесь, в глуши, она не чувствовала себя одинокой.

Иногда, прогуливаясь в холмах, она видела Эльфину: легкую фигурку с контурами гуттаперчевого мальчика-хориста кисти Боттичелли на фоне бледного весеннего неба. Эльфина сторонилась Флоры, что той было очень не с руки: она хотела дать девушке несколько тактичных советов касательно Ричарда Кречетт-Лорнетта.

Адам поделился с Флорой своими страхами касательно Эльфины скорее всего бессознательно: он доил корову и бормотал себе под нос, а Флора стояла рядом и все слышала.

— Заглядывает в окна Откутюр-Холла, смотрит на этого молодого фуфыря, мастера Ричарда, — бормотал Адам (он произносил «Откутюр-Холл»

как «Окотень-Холл»).

Что-то земляное, темное, узловатое, словно побеги черевики, пробивающиеся сквозь влажную почву, прозвучало сейчас в голосе старика, отголоски чего-то давнего и позабытого.

— Это молодой сквайр? — спросила Флора как будто между делом. Ей хотелось докопаться до сути вопроса, но при этом не выдать свой интерес.

— Да, чтоб ему пусто было, блудливому молокососу!

В голосе старика клокотал гнев, но сквозь гнев проступали очертания другого, потаенного чувства: ясноглазое вникание в духовитую науку скотного двора, намек на простые вожделения курятника и утиного пруда, сочный, бесстыдный интерес к извечной драме, в которой мужчина слепо атакует, а женщина неизбежно покоряется.

Флоре стало немного гадко, однако, если она хотела навести в «Кручине» порядок, надо было расспрашивать дальше.

Заранее зная ответ, она спросила, когда молодые поженятся. Адам издал громкий непривычный звук, в котором Флора с трудом угадала горький смешок.

— Когда на живохлебке созреют яблоки, тогда

и похоть купит себе подвенечный наряд, — с нажимом отвечал старик.

Флора скорбно кивнула, хотя при этом подумала, что Адам наверняка сгущает краски. Вероятно, Ричард Кречетт-Лорнетт питает к Эльфине лишь умеренную симпатию, и мысль о том, чего страшится Адам, ему и в голову не приходила. А если и приходила, он немедленно ее оттуда выкинул.

Флора знала английскую сельскую знать. Помещики — люди простые и терпеть не могут любых сложностей. Поэзия (Флора не сомневалась, что Эльфина пишет стихи) вгоняет их в сон. Они предпочитают собеседниц, которые произносят по одной фразе в двадцать минут. Им по душе отлично выдрессированные собаки, хорошо одетые девушки и погода, благоприятная для охоты. Маловероятно, что Ричард Кречетт-Лорнетт планирует соблазнить и бросить Эльфину. Однако еще менее вероятно, что он хочет на ней жениться. Ее экстравагантные наряды, прическа и поведение начисто это исключают. Такая мысль просто не могла прийти ему в голову, куда мысли вообще заглядывают нечасто.

«И если я ничего не предприму, — подумала Флора, — то Эльфина останется у меня на шее. И уж точно никто не захочет на ней жениться,

пока она расхаживает в своих балахонах. Если, конечно, я не сведу ее с мистером Клопом».

Однако мистер Клоп был по крайней мере временно влюблен в саму Флору, что составляло еще одно препятствие. Да и стоит ли бросать Эльфину, совершенно неподготовленную, на съедение львам и львицам из Блумсбери и с Шарлотт-стрит, этим писателям и писательницам, которые меняют мужей и жен раз в две недели самым свободомыслящим образом? Они всегда напоминали Флоре пирующих селян, изображенных на вазах в рассказе Диккенса: «у каждого — видимо как знак их безудержного веселья и полной свободы — одна нога поднята вверх под самым необычным углом»[25]. Как им, наверное, обидно всякий раз обнаруживать, что новая любовь — точная копия предыдущей. Все равно как на скучной вечеринке брать один воздушный шарик за другим и видеть, что они все одинаково дырявые и не надуваются.

Нет, Эльфину нельзя отправлять на Шарлотт-стрит. Ее надо привести в приличный вид и выдать за Ричарда.

Итак, прогуливаясь по холмам, Флора продол-

---

[25] Примечания: 25

Ч. Диккенс. Очерки Бата. Глава «Лавка ростовщика».

жала выискивать глазами Эльфину.

Тетя Ада Мрак сидела у себя в комнате на втором этаже… одна.

В ее одиночестве чудилось что-то почти символическое. Она была сердцевиной, центром, фокальной точкой дома, а вы когда-нибудь слышали про два центра у одного предмета? Вот то-то же. И все же все волны страстей, желаний, ревности и вожделений, прокатывающие по дому, сходились здесь, в этой старухе. Она ощущала себя сердцевиной фермы… бесконечно, необратимо одинокой.

Слабеющие весенние ветра овевали старый дом. Мысли старухи теснились в жарко натопленной комнате… Ты не хочешь видеть племянницу… не хочешь подпускать ее к себе…

Придумать какой-нибудь предлог. Она здесь уже месяц и до сих пор тебя не видела. Она находит это странным, намекает, что желала бы с тобой встретиться. Нет, ни за что… Ты чувствуешь… при мысли о ней ты чувствуешь что-то странное. Ты не разрешишь ей сюда войти. Твои мысли медленно кружат по комнате, словно звери, трущиеся о дремотные стены. А на свободе ветры дремотными зверями трутся о стены. Мысли и ветры равно дремотны. Как утомителен

теплый ветер ранней весны…

Когда ты была совсем маленькой — такой маленькой, что самый легкий ветерок раздувал твою юбочку с кринолином и набрасывал ее тебе на голову, ты увидела в сарае нечто мерзкое.

Ты запомнила это на всю жизнь.

Ты ничего не сказала маменьке… ты и сейчас помнишь запах бетелевого ореха, которым каждый день натирали ее туфли… но увиденное навсегда осталось в твоей памяти.

И оно… изменило тебя. То, что ты увидела в дровяном сарае, превратило твой брак в нескончаемый кошмар.

Почему-то ты никогда не задумывалась, каково приходилось твоему мужу.

Вот почему ты рожала детей с отвращением. Вот почему и сейчас, в семьдесят девять, при виде велосипеда, проезжающего под окном, у тебя все внутри обрывается… ты видела это в велосипедном сарае, что-то ужасное, когда была совсем маленькой.

Вот почему ты сидишь у себя в комнате — вот уже двадцать лет, с тех пор как Юдифь вышла замуж и ее муж поселился на ферме. Ты сбежала от огромного пугающего мира в эти четыре стены, о которые твои мысли трутся, как сонные яки. Да,

именно так. Яки. В точности как яки.

Мир вокруг полон лодочных сараев, где может случиться ужасное. А здесь ничего произойти не может. Ты об этом позаботишься. Никто из твоих внуков не должен уходить с фермы. Юдифь не должна уходить. Амос не должен уходить. Сельдерей не должен уходить. Урк не должен уходить. Сиф не должен уходить. Иеремия не должен уходить. Ездра не должен уходить. Анания и Азария не должны уходить. Кипрей может уходить иногда, поскольку он каждое субботнее утро кладет выручку от фермы в Пивтаунский банк, но остальным уходить нельзя.

Никто из них не должен уходить в большой гнусный мир, полный сенных сараев, в которых творятся мерзости, пугающие маленьких девочек.

Они все у тебя вот здесь. Ты сжимаешь старую морщинистую руку в кулак и тихо смеешься. Ты держишь их в горсти, как Господь держал Израиль. Ни у кого из них нет собственных денег — только то, что даешь ты. Ты даешь Иеремии, Урку, Сельдерею, Анании, Азарии и Ездре по десять пенсов в неделю на карманные расходы. Кипрей получает шиллинг на автобус в Пивтаун и обратно. Они все у тебя под каблуком. Они —

твоя умывальная чаша, на них ты простираешь сапог свой.

Даже Сиф, твой любимец, последний и самый пригожий из твоих внуков, у тебя в старческой горсти. Он получает в неделю шиллинг и шесть пенсов на карманные расходы. Амос не получает ничего. Юдифь не получает ничего.

Как похожи на яков твои дремотные мысли! Они медленно кружат в полутемной комнате. Зимняя округа, раскрывающаяся под натиском весны, назойливо стучит в окна.

Ты живешь от одного вида еды до другого (понедельник — свинина, вторник — говядина, среда — жареные колбаски, четверг — баранина, пятница — телятина, суббота — курятина, воскресенье — отбивная на косточке). Однажды… ты такая старая… как все упомнить… ты пролила на себя суп… ты хныкала… другой раз Юдифь принесла тебе на завтрак почки, они были чересчур горячие, и ты обожгла язык… День идет за днем, месяц за месяцем, год за годом… Ты… ферма «Кручина»…

Иногда к тебе заходит Урк, твой внучатый пасынок, и говорит, что ферма гниет и рушится.

Не важно. Скотхраддеры живут в «Кручине», сколько она стоит.

Да, пусть гниет. Не бывает ферм без сараев, сарайчиков, сараюшек (лодочных, дровяных, сенных и велосипедных), а там, где есть сараи, все неизбежно гниет… К тому же ты два раза в неделю проверяешь все амбарные книги и знаешь, что дела на ферме идут совсем неплохо… Так или иначе, ты здесь, и они все рядом, при тебе.

Ты говоришь им, что безумна. Ты сошла с ума, когда увидела нечто мерзкое в сарае, годы и годы назад. Если кто-нибудь отсюда уедет, твое безумие обострится. При любом намеке, что кто-то хочет уйти с фермы, у тебя случается приступ. Это неприятно, но с другой стороны очень удобно… Увиденное в сарае семьдесят лет назад что-то сдвинуло в твоем детском мозгу.

А учитывая, что благодаря этому ты держишь всех в кулаке и тебе приносят еду пять раз в день строго по часам, надо признать, что это было очень удачно — увидеть в сарае что-то мерзкое.

Глава 11

Бык ревел. Мерный заунывный звук багровым столбом поднимался к небу. Сиф угрюмо облокотился на потылицу хлева и глядел на Рувима, который медленно, но умело ладил заплату к прохудившейся перемытне. Ни одна почка еще не лопнула на куржавом лице терновника, однако воздух уже гудел под натиском весны. Было одиннадцать утра. С кровли маслобойни несся идиотский птичий речитатив.

Флора, одетая для прогулки в холмах, вышла во двор и посмотрела на хлев, откуда слышался страдальческий рев Воротилы.

— Мне кажется, вам стоило бы его выпустить, — сказала она.

Сиф ухмыльнулся и ткнул в бок Рувима. Тот густо покраснел.

— Я не о том, чтобы покрыть коров. Просто ему полезно подышать воздухом и размяться, — продолжала Флора. — Разве будет у быка здоровое потомство, если он месяцами томится среди вони и темноты?

Сифу тема показалась скучной, и он пошел

прочь. Однако Рувим (как уже заметила Флора) всегда готов был принять совет, служащий во благо фермы.

— Да, верно, надо будет завтра выпустить его в луг, — сказал он без обычной своей грубости и вновь занялся перемытней, однако, когда Флора уже подходила к калитке, вскинул голову и спросил: — Ты ведь ездила со старым чертом, да?

Флора уже научилась переводить с языка Скоткраддеров на обычный. Она догадалась, что Рувим спрашивает о ее поездке с Амосом в церковь «Дрожащих братьев», поэтому ответила почти без удивления:

— Не совсем понимаю, о чем ты, но если ты спрашиваешь, ездила ли я с кузеном Амосом в Пивтаун, то да, ездила.

— Да, ездила, — эхом повторил Рувим. — И как старый черт: говорил что-нибудь обо мне?

Флора смутно помнила слова о том, что Рувим будто бы ждет отцовской смерти, но сочла за лучшее их не повторять и сказала лишь, что разговор вылетел у нее из головы после впечатляющей проповеди.

— Я посоветовала кузену Амосу обратиться к более широкой аудитории. Я считаю, ему надо ездить по стране в автофургоне, проповедовать…

— Уж скорее — ворон пугать, — угрюмо вставил Рувим.

— …на ярмарках в базарные дни. Понимаешь, если кузен Амос подолгу будет в отъезде, кому-то придется вместо него управлять фермой.

— Кому-то так и так придется ею управлять, когда старый черт откинет копыта, — заметил Рувим. Жгучая страсть вскипела в белках его глаз, дыхание вырывалось всхлипами.

— Да, конечно, — ответила Флора. — Он говорит, что оставит ее Адаму. На мой взгляд, это неразумно, а на твой? Начнем с того, что Адаму девяносто. Детей у него нет (по крайней мере насколько мне известно, а болтовню миссис Муривей я не слушаю). И я не думаю, что он женится, ведь ты же со мной согласишься? К тому же я не наблюдаю в нем юридической жилки. Например, вряд ли он составит завещание. А если и составит, бог весть кому он откажет ферму? С него станется отписать ее Нескладехе или даже Неумехе, а это повлечет за собой бесчисленные юридические затруднения, поскольку я не уверена, что коровы могут наследовать недвижимость. Опять-таки Невезуха и Неряха смогут заявить иск, и тогда начнется бесконечная тяжба, которая поглотит все доходы от земли. Нет, я уверена,

идея составить завещание в пользу Адама глубоко неправильная. Куда лучше будет, если мы уговорим Амоса отправиться в долгую поездку по Англии или даже поселиться где-нибудь в деревне и составить книгу проповедей. Тогда тот, кто будет в это время управлять фермой, сможет основательно взять дело в свои руки, а когда кузен Амос наконец вернется, то решит, что проще всего ничего не менять и оставить ферму тому, кто ею управляет. А значит, Рувим, кузен Амос завещает ферму не Адаму, а тому, кто так успешно ею руководит.

Под конец последней фразы она немного споткнулась, вспомнив, что Скоткраддеры редко поступают согласно логике. Однако Рувим воспринял услышанное совсем не так, как хотела Флора.

— То есть тебе? — проговорил он хриплым от гнева голосом.

— Нет, конечно. Я уже говорила тебе, Рувим, что не сумею управиться с фермой. Мне кажется, тут ты можешь мне поверить.

— А если ты говорила не о себе, то о ком же?

Флора отбросила дипломатию и сказала прямо:

— О тебе.

— Обо мне?

— Да, о тебе. — Флора уже усвоила манеру Скоткраддеров повторять все по многу раз.

Рувим вытаращил на нее глаза. Флора с некоторой брезгливостью заметила, что грудь у него очень волосатая.

— Не будет этого, — сказал он наконец. — Старуха его не отпустит.

— Почему? — удивилась Флора. — Зачем тете Аде Мрак держать вас здесь, будто вы маленькие дети?

— Она… она… она больна, — запинаясь, выговорил Рувим и украдкой глянул на закрытые пыльные окна второго этажа, над которыми уже вили свои гнезда ласточки-пестробрюшки. — Если кто-нибудь из нас говорит, что уйдет с фермы, у нее случается приступ. Скоткраддеры живут в «Кручине», сколько она стоит. Никому из нас нельзя уходить, кроме Кипрея — он по субботам возит деньги в Пивтаунский банк.

— Но вы все иногда бываете в Пивтауне.

— Да, но это большой риск. Если она узнает, у нее будет приступ.

— Приступ чего? — Флора постепенно теряла терпение. В отличие от Чарлза она не выносила мрачных загадок.

— Ее… ее недуга. Она не такая, как бабушки в других семьях. Когда она была не больше крулечки, она увидела…

— Ой, Рувим, будь другом, рассказывай быстрее, а то пока я дойду до холмов, солнце опять спрячется.

— Она… она безумна.

Грузное слово лежало между ними в равнодушном воздухе. Время, которое в последние дни вело себя вполне пристойно, внезапно завертелось вокруг яркой далекой точки в безграничном пространстве.

— Ох, — выдохнула Флора.

Вот, значит, в чем дело. Тетя Ада безумна. По всем законам вероятности, на ферме «Кручина» должна была обнаружиться сумасшедшая бабка, и в кои-то веки законы вероятности не подвели.

Флора, постукивая прогулочной тростью по туфельке, заметила, что это крайне неприятно.

— Да, — ответил Рувим, — это просто жуть. И ее сумасшествие проявляется в том, что она должна точно знать, что происходит. Два раза в неделю она проверяет все амбарные книги: молочную, куриную, свиную и зерновую. Если не дать их ей, у нее случается приступ. Это кошмар. Понимаешь, она глава семьи. Мы должны всячески ее

беречь. Она спускается на кухню только два раза в году: первого мая и в последний день праздника урожая. Если кто-нибудь слишком много ест, с ней случается приступ. Жуть.

— Да, — согласилась Флора, а про себя подумала, что у тети Ады очень удобная форма сумасшествия. Позволь каждому, кто сходит с ума, самому выбирать себе разновидность безумия, все были бы, как тетя Ада. — Поэтому она и не хочет меня видеть? Я здесь уже почти месяц, а она так меня к себе и не пригласила.

— Да, может быть, — равнодушно ответил Рувим. Долгая речь его утомила. Лицо заострилось, собралось колючими складками.

— И все равно, — бодро сказала Флора, — безумие тети Ады не помешает тебе убедить кузена Амоса, что ему нужно отправиться с проповедью по стране, а когда он уедет, взять ферму в свои руки.

— Ты думаешь, — медленно проговорил Рувим, — если я буду следить за фермой, пока старый черт колесит по стране и пугает ворон, и он, увидев, что я хорошо справляюсь, завещает ее мне?

— Да, именно так я и думаю, — твердо ответила Флора.

Череда выражений пробежала по лицу Рувима, и внезапно, прямо на глазах у Флоры он просиял. Она поняла, что одержала победу.

— Да, — хрипло проговорил Рувим. — Чтоб мне сдохнуть, если я не уговорю старого черта отвалить прямо на этой неделе!

И к изумлению Флоры, он протянул ей руку, которую она тут же пожала — тепло и даже растроганно. То был первый знак чего-то человеческого со стороны представителя Скоткраддеров. Флора чувствовала себя Кортесом на Дарьенском склоне или сэром Джеймсом Джинсом, разглядевшим в телескоп еще один белый карлик.

С веселым сердцем она зашагала по дороге к холмам. Если Рувим не переусердствует, убеждая отца, и Амос не догадается, что его хотят спровадить, то план сработает.

Утро выдалось погожее, и прогулка тем больше радовала Флору, что сегодня ее не сопровождал мистер Клоп (у нее никак не получилось думать о нем как о Мейстерклопфе). Предыдущие три дня они гуляли вместе, но вчера Флора твердо сказала, что ему нужно поработать. Она не видела большого смысла в работе мистера Клопа, однако предлог был вполне благовидный.

Нельзя сказать, что прогулки с мистером Кло-

пом доставляли Флоре удовольствие. Начать с того, что его занимала исключительно проблема противоположных полов. Это было печально, но хотя бы понятно: в конце концов, многие наши лучшие умы подвержены такой слабости. Беда в том, что самые обычные предметы, не вызывающие фривольных ассоциаций даже у наших лучших умов, наводили мистера Клопа на неожиданные мысли, которыми он делился с Флорой и спрашивал, как ей такое сравнение. Флоре трудно было отвечать, поскольку тема нисколько ее не занимала, а мистер Клоп относил молчание спутницы на счет ее неразвитости. Он говорил, как удивительно, что почти все англичанки (точнее, почти все молодые англичанки, то есть англичанки в возрасте от девятнадцати до двадцати четырех лет) чрезвычайно неразвиты.

Иногда они гуляли в рощице очаровательных молодых берез. Их стволы казались мистеру Клопу фаллическими символами, а почки наводили на мысль о соска2х и девственницах. Он напоминал Флоре, что они идут по семенам, зреющим во чреве матери-земли, и говорил, что чувствует, будто ступает по телу исполинской бурой женщины. От этого (утверждал мистер Клоп) ощущаешь себя соучастником в неком величественном ри-

туале вынашивания.

Иногда Флора любопытствовала, как называется то или иное дерево, но мистер Клоп ни одного из них не знал.

Впрочем, изредка далекие холмы не казались ему исполинскими женскими грудями. Тогда он глядел на горизонт, щурился, глубоко вдыхал через ноздри и говорил, что пейзаж напоминает ему очаровательную картину Пуссена, или замирал над лужей и сообщал, что она похожа на полотно Мане.

Впрочем, справедливости ради надо отметить, что мистера Клопа занимали и общественные проблемы современности. Вчера, когда они с Флорой гуляли по рододендроновой аллее в поместье, открытом для публики, он заговорил о недавнем аресте в Гайд-парке. Рододендроны напомнили ему про Гайд-парк. Мистер Клоп сказал, что невозможно после семи вечера просидеть в Гайд-парке пять минут: или к тебе пристанут, или тебя заберут в полицию.

В Гайд-парке столько гомосексуалистов! Да и проституток тоже. Только гляньте, какой у этих рододендроновых бутонов возбужденный, фаллический вид!

Рано или поздно нам придется решать про-

блему гомосексуалистов. А также лесбиянок и старых дев.

Только гляньте! Вот то озерцо — ведь правда словно чей-то пупок! Хочется скинуть одежду и прыгнуть туда. Вот еще одна проблема, ее нам тоже придется решать. Нигде нагота так не возбуждает, как в Англии. Если бы мы все ходили голые, всякое сексуальное влечение исчезло бы само собой. Флоре случалось бывать на вечеринках, где все раздеваются? Мистеру Клопу случалось. Как-то вся наша компания купалась нагишом, а потом крошка Гарриет Бельмонт сидела голая на траве и играла нам на флейте. А Билли Полсветт танцевала гавайский танец любви со всеми движениями, которые обычно опускают в эстрадной версии. Ее муж тоже танцевал. Это было очаровательно: так по-дружески, так естественно и мило.

После таких разговоров Флора с большой радостью гуляла в одиночестве.

За все время ей встретились лишь двое молодых людей с рюкзаками и девушка на пони. Флора спустилась в долину, заросшую лещиной и утесником, и зашагала к серому каменному дому под крышей, выкрашенной бирюзовой краской. То была пастушья сторожка; рядом Флора видела

овчарню, в которой чуть раньше ягнились овцы, и корыто, из которого они пили.

Будь здесь мистер Клоп, он бы изрек, что овцы отдают женский долг Великой жизненной силе. Он утверждал, что успех женщины целиком определяется ее успехом в сексуальной жизни, и Флора подозревала, что об овцах он бы сказал то же самое.

До чего же она радовалась, что его с нею нет!

Флора обогнула угол овчарни и увидела Эльфину, загоравшую на траве.

Обе девушки вздрогнули. Однако Флора была очень рада встрече. Она давно искала случай поговорить с кузиной.

Эльфина вскочила и замерла; в ней чувствовалась угловатая грация жеребенка-стригунка. Строгие губы тронула загадочная, как у дриады, улыбка, глаза смотрели сонно и недружелюбно. Флора подумала: «Какая ужасная прическа, непременно надо объяснить, чтобы она так не делала».

— Ты Флора, я Эльфина, — просто сказала девушка. В ее звонком, срывающемся голосе было что-то бесполое, наводящее на мысль о мальчиках из церковного хора (хотя мальчики из церковного хора редко бывают бесполыми, в чем

убедилась на собственном горьком опыте не одна жена викария).

— Какая догадливость! — грубо ответила Флора, но тут же добавила вежливо: — Да. Не правда ли, чудесное утро? Ты далеко гуляла?

— Да… Нет… Вон там. — Девушка неопределенным движением обвела бескрайние горизонты. Жесты ее матери отличались такой же безграничностью — на ферме не осталось ни одной целой вазы.

— В доме я задыхаюсь, — продолжала Эльфина робко. — Я ненавижу дома.

— Вот как? — спросила Флора.

Эльфина набрала в грудь воздуха, явно намереваясь пространно рассказать о себе и своих привычках, как делают все дриады, только дай им волю. Флора опустилась на соседнюю кочку и приготовилась слушать.

— Ты любишь стихи? — внезапно спросила Эльфина. Ее лицо вспыхнуло свежим румянцем. Руки, загорелые и по-мальчишески угловатые, сжались в кулаки.

— Некоторые да, — осторожно ответила Флора.

— Я их обожаю, — просто сказала Эльфина. — В них говорится все то, что я не могу выразить сама… В них есть… не знаю… в них есть всё… *всё*…

Ничего больше и не нужно. Ты когда-нибудь так чувствовала?

Флора ответила, что иногда испытывала нечто подобное, однако не стала распространяться подробнее, поскольку не совсем поняла, что Эльфина имела в виду.

— Я пишу стихи, — продолжала та («Я угадала!» — подумала Флора). — Я покажу тебе некоторые, если пообещаешь не смеяться. Мне нестерпимо, когда над моими детьми смеются… я называю стихи своими детьми…

Флора решила, что такое обещание может дать без опаски.

— И еще любовь… — проговорила Эльфина. Ее голос поминутно менялся, словно финский лед, тронутый первыми сладострастными лучами финского солнца. — Любовь и стихи… одно как-то вытекает из другого… здесь, в холмах, когда я наедине с моими мечтами… даже не могу описать тебе, что я чувствую. Сегодня я все утро гонялась за белкой.

Флора спросила строго:

— Эльфина, ты помолвлена?

Девушка застыла. Краска сошла с ее лица. Голова поникла.

— Есть один человек… — чуть слышно пробор-

мотала она. — Мы не хотим все портить, связывая себя формальными обязательствами. Ведь формальности — это ужасно.

— Чепуха, — ответила Флора. — Формальности — это прекрасно. Особенно для тебя. И что, потвоему, ты будешь делать, если не выйдешь за «одного человека»?

Эльфина просияла.

— О, я уже все придумала. Пойду работать в Хоршемский салон прикладного искусства, а в свободное время будут лепить декоративные панно. Я не пропаду… а когда-нибудь смогу поехать в Италию и постараюсь стать хоть немножко похожей на святого Франциска Ассизского…

— Девушке совершенно не нужно походить на святого Франциска Ассизского, — холодно заметила Флора, — а в твоем случае это и вовсе самоубийство. При твоем росте надо выбирать платья по фигуре, а главное, Эльфина, что бы ты ни надела, на тебе должны быть туфли-лодочки. Запомни: ло-доч-ки. Ты очень красивая, так что на тебе будет прекрасно смотреться любая, самая обычная одежда, только, ради всего святого, не носи оранжевых льняных свитеров и самодельных украшений. Да и шалей в качестве вечерней одежды.

Флора умолкла. По лицу Эльфины она видела, что поспешила с советами. Эльфина выглядела сконфуженной и очень несчастной. Флора раскаивалась в своей нечуткости. Нелепая девчонка ей нравилась. Она усадила ее рядом и заговорила дружеским тоном:

— Так в чем все-таки дело? Расскажи мне. Ты не любишь бывать дома?

— Да… но я там почти и не бываю, — прошептала Эльфина. — Из-за Урка…

Флора помнила Урка — маленького, с лисьей мордочкой. Он еще постоянно либо пялился на ее ноги, либо плевал в колодец.

— Что с ним такое? — спросила она.

— Он… он… кажется, он хочет на мне жениться, — запинаясь, выговорила Эльфина. — Бабушка пообещала выдать меня за него, когда мне исполнится восемнадцать. Он… он залезает на яблоню напротив моего окна и пытается подглядывать, как я… как я ложусь в постель. Я завешиваю окно полотенцами, а он сдергивает их удочкой, смеется и грозит мне кулаком. Я не знаю, что делать…

Флора справедливо возмутилась, но не выказала своих чувств. Именно сейчас она решила взять Эльфину под свое крыло и вырвать ее у Скоткраддеров с фермы «Кручина».

— А «один человек» про это знает? — спросила она.

— Да… я ему сказала.

— И что он ответил?

— Он сказал: «Не повезло тебе, старушка».

— Это ведь Дик Кречетт-Лорнетт?

— Ой, а откуда ты знаешь?.. Хотя… наверное, уже все знают. Это чудовищно.

— Ситуация и впрямь не совсем хороша, однако не думаю, что стоит утрировать и говорить, будто она чудовищна, — спокойно проговорила Флора. — А теперь прости, что задаю такой вопрос, но скажи, Эльфина, молодой Кречетт-Лорнетт предлагал тебе выйти за него замуж?

— Ну… он сказал, что иногда раздумывает, не сделать ли мне предложение.

— Плохо, очень плохо, — проговорила Флора, качая головой. — Прости, но он как-то выказывает тебе свою любовь?

— Когда мы вместе — да, только мне кажется, в остальное время он про меня и не вспоминает.

— И, насколько я понимаю, дорогая, ты бы хотела стать его женой?

Эльфина, немного помявшись, признала, что порой испытывает эгоистичное желание единолично завладеть Диком. Выяснилось, что у него

есть опасная кузина по имени Памела, которая часто приезжает из Лондона на субботу-воскресенье. Дик говорит, что с ней здо2рово.

Флора не подала виду, что при этих словах у нее упало сердце. Присутствие соперницы стократ усложняло и без того трудную задачу завоевать Дика для Эльфины.

Однако не в ее характере было пасовать перед трудностями — они лишь пробуждали азарт. Как полководец перед боем, она чувствовала спокойную уверенность в своих силах.

Эльфина продолжала:

— И еще предстоит бал. Конечно, я люблю танцевать лишь в лесу, среди цветов и птиц, и ненавижу балы, но на этот мне бы очень хотелось попасть. Понимаешь, его устраивают в честь дня рождения Дика, ему исполняется двадцать один год… и мне почему-то кажется, что там будет здо2рово.

— «Мило» или «занятно», а не «здо2рово», — мягко поправила Флора. — Тебя пригласили?

— Ой, нет, конечно. Понимаешь, бабушка не разрешает Скоткраддерам принимать приглашения, кроме как на похороны или на крестины. Так что нас никуда и не зовут. Дик говорит, что хотел бы видеть меня на своем дне рождения, но

мне кажется, это просто для утешения, поскольку он точно знает, что мне не позволят.

— Я так понимаю, что твою бабушку уговаривать бесполезно? В случае старых деспотичных особ лучше по возможности всегда поступать правильно, тогда тебя едва ли заподозрят, когда соберешься сделать что-нибудь неправильное.

— О, я точно знаю, что бабушка меня не отпустит. Она поссорилась с мистером Кречетт-Лорнеттом тридцать лет назад и ненавидит мать Дика. Если сказать, что мы с Диком знакомы, у нее будет приступ. К тому же она осуждает танцы.

— Забавный пережиток средневековых предрассудков, — заметила Флора. — Теперь слушай меня, Эльфина. Я считаю, что тебе стоит туда пойти, и постараюсь это устроить. Я составлю тебе компанию и буду тебе помогать. Наверное, приглашения добыть непросто, но я сделаю, что смогу. А как только мы их получим, я отвезу тебя в город, и мы купим тебе платье.

— Ой, Флора!

Флора с удовольствием отметила, что ядовитая атмосфера лесных цветов и птиц быстро редеет. Эльфина уже куда меньше походила на дриаду, куда больше — на обычную девушку. И если такое чудо совершила толика вежливого женского

интереса к ее сердечным делам, то платье и прическа должны произвести настоящий переворот. Флора готова была самодовольно потирать руки.

— Когда бал? — спросила она. — Много ли будет приглашенных?

— Двадцать первого апреля, ровно через месяц после завтрашнего дня. И да, народу будет очень много. Снимают ассамблею в Бодягшире и позовут всю округу, ведь у Дика совершеннолетие.

«Отлично, — подумала Флора. — Легче будет добыть приглашения». В Лондоне у нее множество друзей — уж наверняка кто-нибудь из них знаком с Кречетт-Лорнеттами. И можно позвать Клода Харт-Харриса — он так хорошо танцует вальс. Но кто будет сопровождать Эльфину?

— Сиф танцует? — спросила она.

— Не знаю. Я его ненавижу, — просто ответила Эльфина.

— Я тоже от него не в восторге, — призналась Флора, — но если он танцует, лучше бы взять его. Тебе нужен спутник. Или у тебя на примете есть кто-нибудь еще?

Однако у Эльфины, как у всякой порядочной дриады, никого на примете не было. Оставался еще мистер Клоп. Флора знала, что он по первому ее слову примчится сопровождать Эльфину на

бал. Ужасно выбирать между Сифом и мистером Клопом — но такова суссекская жизнь.

— Ладно, с частностями разберемся позже, — сказала она. — Пока мне надо выяснить, кто из моих друзей знаком с Кречетт-Лорнеттами. Я спрошу Клода — у него уйма друзей в провинции. Сегодня же ему и напишу.

Флора прониклась к Эльфине самыми теплыми чувствами, однако не собиралась тратить на нее все погожее утро, поэтому встала, с ласковой улыбкой пообещала держать кузину в курсе событий и зашагала прочь.

Глава 12

Ответ от Клода Харт-Харриса из его дома на Чизвик-молл пришел через несколько дней. Да, он знаком с Кречетт-Лорнеттами. Отец давно умер, маменька — милейшая старушенция, увлекается теософией. Есть сын, симпатичный малый, но звезд с неба не хватает, и дочка Джоан, девушка крупная. Добыть для Флоры четыре приглашения будет несложно, если только она не боится, что там будет скука смертная. Клод готов написать миссис Кречетт-Лорнетт, что его хорошая знакомая томится на ферме под Воплингом и хотела бы посетить бал вместе с кузиной и двумя молодыми людьми. Он, Клод, охотно будет ее сопровождать, но имя Сиф как-то дурно попахивает. Нельзя ли найти кого-нибудь другого?

— Как бы ни попахивало, — прозвучал звонкий голосок Флоры через пятьдесят миль (она так торопилась все устроить, что решила позвонить по телефону), — у нас, кроме него, есть только мистер Клоп, про которого я тебе рассказывала, а ты же знаешь, что бывает, когда приходишь на танцы с интеллектуалом.

Клод Харт-Харрис повернул диск и теперь любовался миловидным личиком Флоры. Она опустила глаза и сосредоточенно сжала губы, думая о том, как устроить будущность Эльфины. Клод подумал, что она, наверное, чертит туфелькой по полу. Флора его видеть не могла, так как телефонные будки не оборудованы телевизионными дисками.

— Да, умные разговоры нам ни к чему, так что мистера Клопа вычеркиваем, — решительно произнес он. — Ладно, тогда я сегодня же напишу миссис Кречетт-Лорнетт и дам тебе знать, как только она ответит. Или попросить, чтобы она сразу отправила приглашения тебе?

На том и сговорились.

Флора вышла с Пивтаунской почты, чувствуя легкие угрызения совести. Клод назвал миссис Кречетт-Лорнетт милейшей старушенцией. Флора намеревалась всучить Эльфину ее единственному сыночку. При всем желании невозможно было вообразить, что милейшая старушенция обрадуется такой невестке. При всех своих философских увлечениях к выбору жены для сына она наверняка подходит вполне практически, и едва ли непосредственность дриады придется ей по вкусу. Эльфину следует преобразить внешне

и внутренне, чтобы она заслужила одобрение миссис Кречетт-Лорнетт. И все равно останутся ее родственники. Трудно вообразить человека, которому понравится живописная суровость Скоткраддеров с фермы «Кручина».

А уж сами Скоткраддеры, узнав о помолвке, закатят такой скандал, что небу станет жарко.

Флора явственно видела грядущие трудности, но они лишь придавали ей решимости. Она не выносила скандалов, но любила спокойно и тихо преодолевать враждебное сопротивление. Потерпев неудачу, она отступала без потерь и теряла интерес к кампании. Бойцовский азарт был ей чужд, кровавые битвы не на жизнь, а на смерть — утомительны, но и видеть победу противника она не любила.

Впрочем, мало удовольствия вести войну против милейшей старушенции. Будь Флоре шестьдесят пять и зовись она миссис Кречетт-Лорнетт, она бы искренне невзлюбила особу, окрутившую малыша Дика с простоволосой дриадой.

Оставался лишь один способ успокоить совесть, а именно: превратить Эльфину в культурное существо. Пусть в ее аккуратной головке будут только аккуратные мысли, с порывистостью движений и безыскусностью речи надо простить-

ся навсегда. Никаких стихов, никаких долгих прогулок в одиночестве, разве что с собакой подходящей породы. Эльфина должна усвоить серьезное отношение к лошадям и научиться, когда при ней упоминают книгу или струнный квартет, с легким смехом отвечать, что она ничего в этом не смыслит. Два лучших качества английской девушки — стройность и миловидность — у нее уже есть, осталось воспитать третье — неразвитость.

И всему этому ее предстояло обучить за двадцать семь дней!

Флора шла по главной улице, размышляя, как возьмется за воспитание Эльфины. Часы на ратуше показывали полдень, и Флора сообразила, что ближайший автобус будет только через тридцать минут. Было субботнее утро, жители окрестных деревень съехались за покупками на выходные, и многие уже с полными сумками стояли на остановке. Флора шла через площадь, готовясь ждать вместе с ними.

Тут она заметила, что какой-то мужчина пытается привлечь ее внимание, и благовоспитанно изобразила, будто ничего не видит. Однако что-то в его облике показалось ей знакомым. Он походил на Скоткраддера (Флора не могла их всех упомнить и давно опасалась не узнать кого-нибудь

на улице). И впрямь это был Кипрей; он только что вышел из банка, куда положил недельную прибыль с фермы. Через секунду Флора его узнала, кивнула и с любезной улыбкой произнесла: «Доброе утро».

Кипрей в обычной манере Скоткраддеров ответил ей подозрительным взглядом. Ему явно очень хотелось спросить, что Флора делает в Пивтауне. Она решила, что в таком случае вытащит из сумки отрез светло-зеленого шелка и тряхнет им у Кипрея перед носом.

Он остановился, преградив ей дорогу к остановке, и заметил:

— Далековато ты от дома.

— Ты тоже, — сердито ответила Флора.

— Да, но у меня есть в Пивтауне дело каждую субботу. Каждую божью неделю я запрягаю Аспида и еду сюда.

Он мотнул головой в сторону угрюмого мерина, стоящего чуть дальше по улице.

— Вот как? А я приехала на автобусе.

Медленная хитрая улыбка расплылась по лицу Кипрея — волчья, медвежья, лисья. Он с тайным удовольствием побренчал в кармане монетами. Дело в том, что он всегда ездил в тарантасе, экономя шиллинг, который бабушка выдавала

на проезд.

— На автобусе, значит, — повторил он.

— Да, на автобусе. И следующий только в двенадцать тридцать.

— Ну так я мог бы тебя подвезти, — предложил он (чего Флора и добивалась). Нежелание ехать в душном автобусе схватилось в ее душе с нежеланием ехать в обществе Скоткраддера, и автобус проиграл. К тому же она радовалась случаю больше узнать о родственниках. Может быть, Кипрей что-нибудь расскажет про Урка, за которого обещали выдать Эльфину.

— Буду очень признательна, — ответила Флора, и они двинулись к тарантасу.

Покуда повозка быстро ехала между живыми изгородями, Флора задумчиво разглядывала Кипрея, силясь понять, в чем состоит его индивидуальная мерзость. Он, Урк, Сельдерей, Ездра, Анания и Азария были для нее на одно лицо, но она надеялась, что со временем научится их различать.

— Как продвигается колодец? — спросила Флора (вопрос нисколько ее не занимал, но надо было как-то начать разговор).

— Он обвалился.

— Какая жалость! Когда я прошлый раз его

видела, он был почти готов. Как это произошло?

— Да все Азария. Они с Иеремией поспорили, кто положит последний кирпич, а мы все стояли вокруг и гадали, кто первый даст другому в рожу. Потом Азария столкнул Иеремию в колодец, а следом отправил и кирпичи. Умора! Мы чуть животы не надорвали.

— И что Иеремия? Он сильно пострадал?

— Да нет. Азария нырнул следом и вытащил Иеремию. А вот кирпичи утонули.

— Да, очень жалко, — заметила Флора.

К большому ее удивлению, Кипрей произнес со страстью:

— Да, жалко! Кое-кому в «Кручине» хорошо бы сбросить на голову десяток кирпичей. Имен я не называю, но думать-то не заказано.

Он вновь побренчал монетами в кармане, и губы его тронула медвежья ухмылка.

— О ком ты? — спросила Флора.

— Да о ней, о старухе. Моей двоюродной бабке. Она нас всех держит в черном теле.

И он опять позвенел монетами.

— А, ты про мою тетушку, — задумчиво проговорила Флора.

Разговаривать с Кипреем было не так уж трудно, да и враждебности в нем не чувствовалось.

— Не понимаю, — продолжила она, — почему вы от нее не уйдете. Она ведь забирает себе все деньги, да?

— Да… и еще она сумасшедшая. Если кто-нибудь из нас уйдет, она обезумеет еще больше. Для нас это будет страшный позор. Она старшая в роду, мы ее должны всячески беречь. Скоткраддеры живут в «Кручине»…

— Знаю, знаю, — торопливо перебила Флора. — Вот счастье-то, да? А если серьезно, мне кажется, когда взрослым мужчинам не дают жениться — это уж чересчур.

Кипрей хмыкнул, и Флора испугалась, что сейчас он отпустит соленую деревенскую шуточку. Однако то, что он произнес, оказалось совершенно неожиданным:

— Нет, нет. Многие из нас женаты. Просто старуха не желает видеть ничьих жен, она от этого безумеет. Так что они все живут отдельно, в поселке, а на ферму приходят только на общий сбор, который старуха устраивает на кухне. У Иеремии есть его Сюзанна, у Анании — Феба, у Азарии — Пру, у Сельдерея — Летти, у Ездры — Джейн. Урк — холостяк, ну а у меня свои проблемы.

Флоре хотелось спросить, что за проблемы, но она побоялась вызвать поток тягостных са-

моразоблачений. Может, он влюблен в миссис Муривей? Вообще же она настолько опешила от услышанного, что некоторое время только молчала, глядя перед собой, и лишь потом проговорила:

— Ты хочешь сказать, они все живут в поселке? Пять женщин?

— Шесть, — тихо поправил Кипрей. — Есть еще одна. Бедная дурочка Ранетта.

— Вот как? А она кем им приходится?

— Она падчерица Иеремии, родная дочка Сюзанны от первого мужа, Азарии. А сам Азария — сводный брат Амоса, родного кузена Иеремии. Так что тут все сильно запутано. Да, бедная Ранетта…

— А что с ней?

Слова прозвучали немного резко. Флора не сразу оправилась от известия, что есть еще целая куча Скоткраддеров — шесть женщин в поселке. Задача, которую она взвалила себе на плечи, теперь казалась почти невыполнимой.

— Десять лет назад она чуть не вышла за Марка Скорби, да тот ее бросил. Она так и осталась в девках. С мозгами у нее не в порядке. Весной, когда на плетнях повисают тяжелые гроздья живохлебки, она прыгает в колодец. И еще раза два

пыталась задушить Мириам, наемную прислугу. Можно сказать, природа ударила ей в голову.

Флора искренне обрадовалась, когда тарантас остановился перед домом. Она не желала больше ничего слышать. Ей стало ясно, что она не будет спасать Сюзанну, Летти, Фебу, Пру, Джейн и Ранетту. Пусть выкарабкиваются сами. Она вытащит Эльфину, а потом сделает попытку объясниться с тетей Адой, но больше ничего не обещает.

В следующие три недели Флора была так занята Эльфиной, что и не вспоминала о неведомых женщинах в поселке.

Девушки были почти неразлучны. Поначалу Флора боялась, что кто-нибудь это заметит и запретит Эльфине гулять с нею утром в холмах, а после обеда сидеть в маленькой зеленой гостиной. Их общее времяпровождение было вполне невинным, но сама его невинность могла привести в движение мрачный механизм семейной тирании. Ибо удивительное дело: те, кто живет богатой эмоциональной жизнью, исполненной дикой поэзии, склонны находить неожиданный смысл в самых безобидных поступках людей, не живущих богатой эмоциональной жизнью, исполненной дикой поэзии. Вы обнаруживаете,

что они бурно рыдают в подушку, и узнаете, что причина — ваши «ужасные» слова за ленчем. Или вас спрашивают, зачем это вы собрались на концерт, — должна же быть какая-то скрытая подоплека.

Так что кузины уходили на прогулку тихонько, когда никого не было рядом.

Флора на собственном опыте убедилась, что должна предупреждать Скоткраддеров, когда собирается в Пивтаун или хочет купить к чаю банку джема (как сделала через неделю после приезда). Позже она увидела, что Юдифь лежит ничком на Крапивной закраине и рыдает, уткнувшись носом в борозду. На вопрос Флоры она ответила, что пусть все поступают как им вздумается и оставят ее наедине со своим горем. Флора сочла это вежливым разрешением покупать джем и впредь.

Впрочем, других расходов у нее почти не было, и теперь она могла потратить на Эльфину почти восемьдесят фунтов. Флора решила, что они накануне бала поедут в Лондон, купят Эльфине платье и сделают прическу.

Она с удовольствием собиралась потратить деньги на кузину. Если в итоге Дик Кречетт-Лорнетт сделает той предложение, это будет победой Высшего здравого смысла над тетей Адой Мрак,

торжеством жизненной философии Флоры над подсознательными умонастроениями Скоткраддеров — как если бы благородный олень величаво прошествовал по вспаханному полю.

Три недели она пестовала Эльфину, как садовник пестует растение в оранжерее, выгоняя цветы к назначенной дате. Задача была трудная, однако не настолько, как могло показаться вначале. Странности Эльфины в одежде, внешности и поведении проистекали лишь из незрелости вкусов, а не вросли в нее за долгие годы. Она готова была отбросить их, если увидит что-нибудь более привлекательное. К тому же ей исполнилось лишь семнадцать; когда Флора счистила всю шелуху святых Франциско в и декоративных панно, ей предстала искренняя девушка, способная любить глубоко и спокойно, милая, покладистая, со вкусом к красивым вещам.

— Ты ведь не всегда восхищалась святым Франциском? — спросила Флора на исходе первой недели. Они сидели в маленькой зеленой гостиной, за окном шел дождь. — Мне просто интересно, кто тебе о нем рассказал и научил тебя носить эти кошмарные балахоны?

— Мне хотелось быть как мисс Эшфорд. Прошлым летом она месяц-другой держала в Воп-

линге чайную «Клетка синей птицы». Я заходила туда раз или два, и она была очень со мной приветлива. И носила такие очаровательные платья — то есть тебе бы они не понравились, а я тогда пришла от них в восторг. У нее была широкая длинная блуза…

— Расшитая мальвами, — обреченно проговорила Флора. — Еще она заплетала маленькие косички от висков и носила кулон из кованого серебра с голубой эмалью. А душистые травы она не пыталась выращивать?

— Откуда ты знаешь?

— Не важно. И она говорила тебе про брата Ветра, сестрицу травку и ветер над пустошью[26]?

— Да… У нее была картинка, на которой святой Франциск кормит птиц. Такая чудесная!

— И тебе захотелось походить на эту мисс Эшфорд?

— Да! Конечно, она не убеждала меня ей подражать, но мне все равно хотелось…

— Ладно, пустяки. Читай дальше.

Эльфина послушно продолжила читать «На-

---

[26] Примечания: 26

Флора в одной фразе объединяет святого Франциска, обращавшегося «брат» и «сестра» к явлениям природы, животным и растениям, и английского романтика Джорджа Борроу (1803–1881), у которого в книге «Лавенгро» есть строка: «Ветер гуляет над пустошью брат, и я готов жить вечно, лишь бы его чувствовать».

шу жизнь день за днем» из апрельского номера «Вог», а когда закончила, Флора вместе с нею страница за страницей просмотрела номер «Шифона» с рисунками и описаниями нижнего белья. Флора объяснила, как красота этих нижних юбок и ночных рубашек подчеркивается изящной вышивкой и строгостью линий, как весь грубый романтизм вычищен либо сохраняется лишь в складочке материи, а потом указала, что такая же изысканность есть в слоге Джейн Остен или картинах Мари Лорансен[27].

— Это та красота, — продолжала Флора, — которую ты должна отыскивать и любить в обыденной жизни.

— Мне нравятся ночные рубашки и «Доводы рассудка», — сказала Эльфина, — а «Наша жизнь» — не очень. Как будто все время куда-то спешат и перед нами хвастаются.

— Я не предлагаю тебе искать в «Нашей жизни» глубокую философию. Тебе надо было это прочесть, поскольку ты можешь встретиться с людьми, которые вращаются в этих кругах, и ни в коем случае не должна перед ними робеть. Мо-

[27] Примечания: 27

Мари Лорансен (1883–1956) — французская художница и поэтесса; делала декорации для «Комеди-Франсез» и русского балета Сергея Дягилева, создала множество очаровательно-сказочных женских образов.

жешь даже тайно их презирать. И не заговаривай о Мари Лорансен с теми, кто предпочитает охоту. Они просто решат, что так зовут твою новую кобылу. Все это я тебе рассказываю, чтобы у тебя были внутренние стандарты, с которыми ты сможешь сравнивать новые факты и новых людей.

Она еще не говорила Эльфине про «Высший здравый смысл», но время от времени цитировала ей «Мысли», а про себя решила, что подарит ей на свадьбу «Высший здравый смысл» в чудесном переводе Г.Б. Мэйнуоринга.

Эльфина стремительно продвигалась вперед. Мудрые советы Флоры находили самый живой отклик в ее честном сердечке. Небольшая размолвка случилась только из-за стихов. Флора предупредила, что, если Эльфина хочет выйти замуж за благородного джентльмена, со стихами придется завязать.

— Я думала, поэзии будет вполне достаточно, — мечтательно проговорила Эльфина. — То есть если кого-нибудь полюбишь и скажешь, что пишешь стихи, он тоже сразу тебя полюбит. Ведь поэзия — это так замечательно!

— Напротив, — решительно отвечала Флора. — Как правило, молодые люди пугаются, узнав, что девушка пишет стихи. А в сочетании с неухо-

женными волосами и экстравагантным стилем одежды это почти приговор.

— Я буду писать их тайно и опубликую, когда мне исполнится пятьдесят, — упрямо объявила Эльфина.

Флора с холодным видом приподняла брови и решила вернуться к этому вопросу, когда Эльфина сделает прическу и наденет новое красивое платье.

В третью неделю они вошли, преисполненные надежд. Поначалу Эльфину смущали новые миры, открываемые перед ней Флорой, но мало-помалу она освоилась и расцвела, как пион. Надежды окрыляли ее, и Флора, несмотря на всю свою уверенность, иногда думала со страхом, какой ужас ждет их впереди, если мечты не сбудутся.

Но они должны сбыться! Об этом Флора писала своему союзнику, Клоду Харт-Харрису. Она выбрала спутником на бал его, а не Чарлза, поскольку знала, что должна будет полностью сосредоточиться на Эльфине, а в случае Чарлза некий личный интерес, некий потаенный ток невысказанных слов отвлекал бы ее от главного.

Клод написал, что приглашений надо ждать числа девятнадцатого. В то утро Флора спустилась

на кухню, исполненная радостного волнения.

Было половина девятого. Миссис Муривей закончила подметать и вытряхивала половик снаружи, под утренним солнцем. Флора всегда дивилась, видя тут солнце — ей казалось, что лучи не должны пробивать плотную атмосферу скотного двора.

— Чудес-утро, — сказала миссис Муривей и присовокупила, что давно не было такой хорошей погоды.

Флора с улыбкой согласилась, подошла к буфету, достала свой собственный зеленый чайничек (подарок миссис Смайли) и жестяную коробку китайского чая. Она выглянула во двор и, к своей радости, обнаружила, что никого из мужского населения фермы поблизости нет. Эльфина уже ушла на прогулку, Юдифь, надо думать, лежала на кровати пластом, глядя свинцовыми глазами в потолок, по которому уже лениво ползали первые весенние мухи.

Бык внезапно взревел на низкой, темно-багровой ноте. Флора замерла с чайником в руках и задумчиво глянула через двор.

— Миссис Муривей, — твердо сказала она. — Быка надо выпустить. Не могли бы вы мне помочь? Вы боитесь быков?

— Да, — ответила миссис Муривей. — Боюсь. И вы его не выпустите, мисс. При всем моем к вам уважении, мисс Пост, хоть режьте.

— Мы можем направить его к воротам вилами или как там это называется, — проговорила Флора, разглядывая орудие, висящее на стене хлева.

— Нет, мисс, — возразила миссис Муривей.

— Ладно, я открою ворота и попробую его выгнать, — сказала Флора, которая ужасно боялась быков (да и коров тоже). — А вы будете махать на него фартуком и кричать, миссис Муривей.

— Да, мисс. Я поднимусь на второй этаж и буду кричать из окна. Оттуда будет слышнее.

И она пулей взлетела по лестнице раньше, чем Флора успела открыть рот. Через несколько секунд из окна наверху раздался ее пронзительный голос:

— Я здесь, мисс Пост! Начинайте!

Вот тут Флоре стало по-настоящему страшно. События развивались куда быстрее, чем она ждала. На нее накатило отчаяние. Она стояла, покачивая в руке чайник, и силилась вспомнить, что читала про привычки быков. Они бегут на красное. Хорошо, что на ней все зеленое. Они агрессивны, особенно весной (а сейчас середина апреля, деревья в цвету). Они поднимают тебя

на рога…

Воротила снова взревел. Звук был резкий, скорбный: в нем слышался болотный, гнилостный дух. Флора пробежала через двор, открыла ворота, ведущие на поле. Потом взяла вилы (или как там это называется) и, стоя как можно дальше от хлева, повернула ими защелку. Дверь распахнулась.

— И-и-и-и-и! Выходи, скотина! — завопила миссис Муривей.

Бык, не поднимая головы, медленно побрел к воротам. Флора осторожно шла за ним, держа вилы наперевес. Миссис Муривей пронзительным голосом умоляла ее, бога ради, быть осторожнее. Один раз Воротила полуобернулся к Флоре, но та решительно выдвинула вперед вилы. Наконец, к ее облегчению, бык вышел через ворота на поле, и Флора захлопнула их в ту же секунду.

— Вот! — проговорила миссис Муривей, появляясь в дверях со скоростью владельца газеты, объясняющего, отчего поддержанный им кандидат провалился на выборах. — Я же вам говорила!

Флора повесила вилы на место и вернулась на кухню сделать себе завтрак. Было девять часов. Почтальон мог появиться с минуты на минуту.

С этой мыслью Флора села завтракать так, что-

бы видеть в окно дорогу, ведущую к ферме; она не хотела, чтобы кто-нибудь из Скоткраддеров забрал у почтальона письма, среди которых может оказаться приглашение на бал Кречетт-Лорнеттов.

Увы, как раз когда на повороте дороги показался почтальон, к нему присоединился кто-то еще. Флора тянула шею, силясь разглядеть, кто это. Однако человек был так густо обвешан фазанами и кроликами, что лица было не различить. Он остановился, что-то сказал почтальону, и нечто белое перешло из рук в руки. Обвешанный кроликами Скоткраддер опередил Флору. Она сердито откусила кусочек поджаренного хлеба и продолжила наблюдения. Человек с кроликами на шее приближался к дому, и вскоре Флора узнала Урка.

Хуже было не придумать.

— Мерзко видеть, как сегодняшний обед болтается у кого-то на шее, да? — заметила миссис Муривей, собиравшая поднос с едою для миссис Мрак. — Да и завтрашний, и послезавтрашний.

Урк открыл дверь и медленно вошел в кухню.

Он охотился на кроликов. Его узкие ноздри слегка расширились, вбирая запах крови от семнадцати тушек. Их холодный мех гладил его руки, так что казалось, будто мертвые зверьки молят

о пощаде; хвосты пяти фазанов, привязанных к охотничьему поясу, мягко хлопали его пониже спины. Вес двадцати пяти убитых животных (наверняка по карманам у него были рассованы две-три полевки) пригибал его к земле, как тяжелые, налитые кровью корни бессловесного дерева. Он сомлел от убийств, словно сытый лев, лежащий на туше гиппопотама.

Письма Урк держал перед собой и разглядывал их с сонным видом. Флора с возмущением заметила, что на конверте, подписанном аккуратным почерком Чарлза, алеет кровавый отпечаток.

Терпеть это было невозможно. Она резко встала, протянула руку и сухо потребовала:

— Мои письма, пожалуйста.

Урк через стол толкнул ей письма, но одно оставил себе и теперь с любопытством разглядывал герб на конверте. («Господи», — подумала Флора.)

— Думаю, это тоже мне, — сказала она.

Урк не ответил. Он взглянул на нее, потом на конверт, потом снова на нее и лишь затем проговорил, хрипло цедя слова:

— Кто пишет тебе из Окотень-Холла?

— Мария, королева Шотландская, — с прискорбной грубостью ответила Флора и вырвала письмо

у него из рук. Она убрала конверт в карман жакета, села за стол и продолжила завтрак. Однако хриплый низкий голос продолжал цедить:

— Думаешь, ты умная, да? Думаешь, я ничего не вижу? Всех этих книжек из Лондона и прочей дряни? Так вот, послушай меня. Она — моя женщина. Она принадлежит мне, как несушка кочету, и никто другой ее не получит, ясно тебе? Она обещана мне бабкой с самого рождения. Когда ей был час от роду, я кровью водяной крысы начертил на ее бутылочке крест и показал, чтобы знала: она моя. Каждый год, в день ее рождения, я носил ее на Крапивную закраину, и мы вместе ждали у старого колодца, когда выплывет водяная крыса. Тогда я говорил: «Помни». Она спрашивала: «Что помнить, дядя Урк?», но она знала. В этом году, когда водяные крысы будут спариваться под боярышником, я назову ее своей. Кто такой Дик Кречетт-Лорнетт? Мальчишка! Вечно с лошадьми, как и его отец. Много раз я лежал в кустах, смотрел на этих дурачков и посмеивался. Мы с водяными крысами умеем ждать своего. Так и зарубите себе на носу, мисс. Эльфина моя. И пусть она такая-разэдакая, я не против, — тут его голос стал таким масляным, что миссис Муривей возмущенно прищелкнула языком. — Я люблю

сладкое да нежное. И она моя…

— Это мы уже слышали, — перебила Флора.

— И тому, кто захочет ее у меня отнять, не поздоровится. Мы с водяными крысами своего не отдаем!

— Это они у тебя вокруг шеи? — заинтересованно спросила Флора. — Я ни разу не видела водяную крысу, а тут сразу столько!

Урк угловатым, хищным, вороватым движением отвернулся от нее и вышел из кухни.

— Вот ведь невежа, — громко проговорила миссис Муривей.

Флора спокойно согласилась, а про себя решила, что Эльфину нужно отвезти в Лондон сегодня, а не завтра, как они собирались.

Она думала поехать накануне бала, но теперь все изменилось. Если Урк заподозрит, что они собрались на бал, то начнет им всячески мешать. Платье и прическа нужны Эльфине во что бы ни стало. Ехать надо сейчас же. Флора встала из-за недоеденного завтрака и бегом поднялась к Эльфине, которая уже пришла с прогулки и была у себя в комнате.

Флора быстро сообщила ей о перемене в планах и велела собираться, а сама поспешила вниз, чтобы разыскать Сифа и попросить того отвезти

их на станцию. Если поспешить, они успевали на поезд в 10.59.

Сиф, опершись на забор, ошалело смотрел, как Воротила с ревом носится кругами по полю.

— Кто-то выпустил быка, — произнес Сиф, указывая пальцем.

— Знаю. Я выпустила. Давно было пора, — сказала Флора. — Но сейчас главное другое. Ты не мог бы отвезти нас с Эльфиной в Пивтаун, чтобы мы успели на поезд в десять пятьдесят девять?

Она говорила спокойно и вежливо, но жаркое пламя, тлеющее в сердце Сифа, уловило нотку волнения в ее голосе и вспыхнуло еще ярче. К тому же он и сам очень хотел попасть на торжество и увидеть, будет ли оно похоже на охотничий бал в «Серебряных копытах», эпической драме из английской сельской жизни, снятой студией «Интро-Паннациональ» год или два назад. Он догадывался, что Флора везет Эльфину покупать платье, и не меньше ее хотел, чтобы все прошло по-задуманному.

Он сказал: «Да», — отлепился от забора и с обычной звериной грацией отправился запрягать повозку.

Адам выглянул из двери хлева, где доил Неумеху, Нескладеху, Неряху и Невезуху. Его старческое

тело было скрючено и черно, как терновник на фоне распускающегося молодого каштана в углу скотного двора.

— Кто-то выпустил быка, — пробормотал он. — Вот беда так беда. Надо успокоить нашу Неряху. Она сама не своя. Кто его выпустил?

— Я, — ответила Флора, застегивая пряжку на плаще.

С другой стороны двора, где Иеремия с Ездрой прилаживали над колодцем коловорот для бадьи, донеслись взволнованные крики:

— Бык вырвался!

— Кто выпустил Воротилу?

— Кто его выпустил?

— Беда, беда!

Флора быстро вырвала из блокнота листок, черкнула на нем несколько слов и попросила Адама прикрепить записку к кухонной двери, на самом видном месте. Записка гласила: «Я.Ф. Пост».

Во двор взъехал запряженный Аспидом тарантас. Сиф держал вожжи. Из дверей кухни показалась Эльфина в чудовищной синей пелерине.

— Запрыгивай сюда. Надо спешить! — крикнула Флора, вставая на подножку тарантаса.

— Кто выпустил быка?! — крикнул Рувим, выбегая из свинарника, где принимал роды у свиньи, которая, видит бог, поросилась не первый раз и отлично справилась бы сама, но любила, когда вокруг нее суетятся.

Флора молча указала на записку, пришпиленную к двери. Сиф махнул Адаму, чтобы тот открыл ворота.

— Кто выпустил быка? — взвыла Юдифь, высовываясь в окошко второго этажа. Ее вопрос подхватил Амос, выбегая из курятника, где собирал яйца.

Флора надеялась, что они прочтут записку и удовлетворят любопытство, потому что иначе все бы начали обвинять друг друга и к ее возвращению атмосфера на ферме сделалась бы совершенно невыносимой.

Однако сейчас ей было не до того. Сиф хлестнул Аспида, и тарантас полетел вперед. Когда они проезжали в ворота, Флора еле пересилила соблазн приподнять шляпку и раскланяться в обе стороны. Ей казалось, что сейчас кто-нибудь должен в добром патриархальном духе завопить: «Бог да благословит молодого сквайра!»

Глава 13

День в Лондоне прошел замечательно.

Сначала Флора отвела Эльфину в ламбетский салон месье Виоля. Женские стрижки как раз снова входили в моду, но еще не утратили обаяния свежести. Месье Виоль сам постриг Эльфине волосы, а затем уложил их в простую, небрежную и дьявольски выразительную прическу, оставлявшую открытыми мочки ушей.

Затем они отправились в салон месье Солида; он одевал Флору последние два года и не испытывал к ней того презрения, что к большей части своих клиенток. При виде Эльфины его глаза расширились. Минуту-другую он глядел на ее широкие плечи, узкую талию и длинные ноги, потом сделал в воздухе движение пальцами, будто режет ткань, и, не глядя, схватил рулон снежно-белого атласа, который вымуштрованный помощник вложил ему в руки.

— Белое? — удивилась Флора.

— Какое же еще?! — воскликнул месье Солид, стремительно кромсая атлас. — Такую девушку Господь создает раз в сто лет — именно для того,

чтобы одевать ее в белое.

Целый час Флора сидела и наблюдала, как месье Солид, словно терьер, рвет атлас на полосы, собирает в складки и драпирует ими Эльфину. Приятно было видеть, что та не выказывает ни скуки, ни нервозности, а, напротив, естественно чувствует себя в атмосфере всемирно известного модного дома и блаженно купается в белом атласе, словно лебедь — в речной пене. Эльфина поводила головой вправо и влево, чтобы посмотреть вдоль себя, словно вдоль заснеженного склона, на помощников месье Солида, которые черными муравьями суетились тысячей футов ниже, прикалывая и расправляя шлейф.

Флора открыла только что купленный роман и читала, пока в час дня не прибыла Джулия, чтобы отвезти их на ленч.

Месье Солид, бледный и раздражительный после оргии творчества, заверил Флору, что платье будет готово к завтрашнему утру. Флора сказала, что заедет за ним. Нет, отправлять не надо, оно слишком драгоценно. Стал бы он отправлять в Австралию картину Гогена? Мало ли опасностей по дороге!

Однако втайне она хотела уберечь платье от Урка, чувствуя, что тот уничтожит его, дай ему

такую возможность.

— Так понравилось тебе платье? — спросила она Эльфину, когда они сидели за ленчем в «Нью-Ривер-клабе».

— Оно божественно, — благоговейно проговорила Эльфина. Она, как и месье Солид, была бледна от изнеможения. — Оно лучше поэзии, Флора.

— Хотя ничуть не похоже на то, что носил святой Франциск Ассизский, — заметила Джулия, которая считала, что Флора очень много делает для Эльфины и ее усилия следует ценить.

Эльфина покраснела и уставилась в тарелку. Флора взглянула на нее смиренно. Платье обошлось в пятьдесят гиней, но Флора ничуть не сожалела о потраченных деньгах. Сейчас она готова была потратить любую сумму, лишь бы поквитаться со Скоткраддерами.

Чувство это еще усиливалось от того удовольствия, какое доставляла ей обстановка «Нью-Ривер-клаба» — одного из самых фешенебельных в Лондоне. Сюда не принимали людей с доходом меньше семисот сорока фунтов в год. Число членов ограничивалось ста двадцатью. Для вступления нужна была рекомендация семьи, в чьем гербе соединились геральдические

символы не менее чем шестнадцати древнейших родов. Разведенных не принимали, а если кто-нибудь из членов клуба разводился, его или ее немедленно исключали. Отборочный комитет состоял из семи самых неукротимых, гордых и талантливых мужчин и женщин Европы. Клуб сочетал строгость монашеского ордена и домашний уют.

Флора забронировала себе и Эльфине номера в клубе; им надо было переночевать в Лондоне, чтобы наутро забрать платье. Флора воспользовалась случаем вернуться к культурной жизни, которой так долго была лишена. После ленча она отправила Джулию с Эльфиной покупать той нижнюю юбку, туфли, чулки и белую бархатную накидку, а сама поехала в Государственный концертный зал слушать Моцарта. Вечером она предложила сходить в театр «Яма» на Воньстрит в Севн-Дайлс на пьесу Брандта Захолуста «Есть кто живой?»[28] — неоэкспрессионистскую попытку выразить переживания официанта в ресторане, который во сне видит себя двойником

[28] Примечания: 28

Имеется в виду не неоэкспрессионизм второй половины XX века, о котором Стелла Гиббонс еще не знала, а пародийный вариант немецкого экспрессионизма начала века. В экспрессионистских пьесах обычно действовали символические фигуры, выражающие свои переживания в длинных монологах.

стюарда на лайнере, а проснувшись и поняв, что он по-прежнему официант в ресторане, сходит с ума, расстреливает из пистолета свое отражение в зеркале и умирает. В пьесе было семнадцать сцен (в том числе в чумном бараке, в прачечной, в сортире, в суде, в колонии прокаженных и на площади Пиккадилли) и только одно действующее лицо.

— Почему ты хочешь посмотреть эту пьесу? — спросила Джулия.

— Не хочу, но думаю, что Эльфине полезно будет узнать, на какие пьесы не ходить, когда она выйдет замуж.

Однако Джулия сказала, что лучше посмотреть «Руки в боки» в «Новом ипподроме»[29], так что они поехали туда и вместо кучи неприятных впечатлений получили массу приятных.

В то щемящее мгновение, когда свет в зале начал гаснуть и алый занавес озарили огни рампы, Флора украдкой глянула на Эльфину и осталась довольна увиденным.

Точеный и в то же время нежный профиль был устремлен к сцене. Легкие крылья зачесан-

---

[29] Примечания: 29

Во времена Стеллы Гиббонс в Лондоне было варьете «Ипподром». Само здание сохранилось до наших дней; в разное время там были ночной клуб и казино под разными названиями.

ных к ушам волос придавали ему классический вид, словно у греческого колесничего, который мчится к победе навстречу ветру. Молодость и благородство черт теперь проступали без помех.

Флора осуществила то, на что надеялась. Эльфина выглядела ухоженной и нормальной, однако сохранила индивидуальность — намек на прохладный ветерок, сосны и аромат диких цветов. Именно такое преображение задумала Флора, а ее орудия — месье Виоль и месье Солид — его осуществили.

Художник, творящий из человеческого материала, не может мечтать о большем, и все предзнаменования для бала были благоприятны.

Занавес пошел вверх, и Флора с довольным вздохом откинулась в кресле.

На ферму кузины вернулись к пяти часам следующего вечера. Сиф приятно удивил Флору, встретив их на вокзале с повозкой. По пути домой они остановились перед Пивтаунским гаражом и договорились, что завтра на ферму заедет авто, чтобы доставить их в Бодягшир. Оно должно было прибыть в половине восьмого, предварительно забрав на станции мистера Харт-Харриса, который приедет поездом в восемнадцать тридцать.

Условившись обо всем, Флора весело запрыг-

нула в тарантас и села подле Сифа. Эльфина (которая теперь души не чаяла во Флоре и то придумывала, как сделать ей что-нибудь приятное, то любовалась своим отражением в витринах) заботливо укутала ее пледом.

— Тебе хочется на бал, Сиф? — спросила Флора.

— Да, — тягуче процедил он. — В кои-то веки попаду на танцы, где женщины не станут на меня вешаться. Может, хоть повеселюсь наконец.

Флора подумала, что аристократки будут влюбляться в Сифа ровно так же, как сельские девушки, но решила заранее его не пугать.

— А я думала, тебе нравится, что девушки за тобой бегают.

— Не-а. Мне нравится только кино. Я не против сводить туда девушку, но со многими я больше не встречался после того, как они приставали ко мне во время фильма. Все они одинаковые. Хотят заполучить мужчину целиком, со всеми его потрохами и мыслями. А мне это не по душе. Я люблю только фильмы.

Флора подумала, что сразу после Эльфины займется Сифом. В сумочке у нее лежало письмо от Эрла П. Босса. Тот сообщал, что в ближайшие дни поедет к друзьям в Брайтон и хотел бы по дороге заглянуть к ней. Флора планировала показать

ему Сифа.

Было пять часов следующего дня. Погода благоприятствовала планам. Флора пессимистично ждала проливного дождя, но он так и не пошел. Стоял чудесный вечер, скворцы пели на ветках вязов, пахло свежестью и молодой листвой.

Кузинам предстояло невероятно сложное дело — нарядиться для бала.

Внимательный и чуткий читатель наверняка уже не раз гадал, как на ферме обстояли дела с ванной. Ответ прост: ванны на ферме не было. Об этом Флора в ответ на свой вопрос узнала от Адама. Она не хотела даже гадать, как моются остальные члены семьи; ее саму от мысли, что надо в ледяной комнате обтираться водой из тазика, заранее пробирала дрожь.

По счастью, выяснилось, что миссис Муривей ко всем своим достоинствам владеет сидячей ванной, и за небольшую недельную плату Флора может купаться у нее дома каждый второй день в восемь часов вечера. То, что теперь она принимала ванну в два раза реже привычного, было в глазах Флоры главным неудобством жизни на ферме.

Однако именно сегодня, когда ванна была особенно нужна, оставалось довольствоваться тем,

что есть. Так что Флора поставила на кухонную печку два больших галгана с водой и стала ждать, когда они согреются.

Покуда про их с Эльфиной отсутствие на ферме никто ничего не сказал; возможно, никто его и не заметил. У Скоткраддеров хватало других волнений: бык вырвался на волю, Мириам, наемная прислуга, несмотря на наступление весны, до сих пор не обнаруживала признаков беременности, к тому же началась морковная страда, куда более долгая и трудная, чем брюквенная. Когда тут наблюдать за двумя девушками? К тому же члены семьи иногда сторонились друг друга по нескольку дней кряду, и можно было надеяться, что их отлучка удачно совпала с одним из таких периодов.

Но как насчет тети Ады? Эльфина уверяла, что та знает всё. При этих словах ее пробирала дрожь. Если тетя Ада узнает, что они собрались на бал…

— Пусть только попробует изобразить Золушкину мачеху, — холодно проговорила Флора, заглядывая в ближайший галган — не кипит ли вода.

— Она вполне может в какой-нибудь из вечеров спуститься на кухню, — робко заметила Эльфина. — Весной с ней иногда такое бывает.

Флора пробормотала, что хорошо бы тут к этому времени прибрались.

Однако она и сама гадала, почему кухня украшена венком цветущего табака над камином и большими пуками песьей вонючки в банках из-под джема. А старый, потемневший портрет Нишиша Скоткраддера увили растением, которого Флора не знала. У него были темно-зеленые листья и длинные розовые, плотные бутоны. Она спросила Эльфину, что это такое.

— Живохлебка, — боязливо ответила Эльфина. — Ой, Флора, вода согрелась?

— Да, милая. Держи. — И она протянула галган Эльфине. — Так, значит, это есть живохлебка? А когда она распустится, и начинаются все беды?

Однако Эльфина уже убежала с водой в комнату к Флоре, где на постели было разложено ее платье.

Глава 14

Видимо, нечто тревожное, разлитое в бередящем весеннем воздухе, просочилось со двора в комнату, где старая миссис Скоткраддер сидела перед жарким камином, поскольку та резко схватила колокольчик, всегда стоявший подле ее локтя (во всяком случае, всегда, когда она сидела в этом конкретном кресле).

План, который она обдумывала много дней и на который даже намекнула Сифу, внезапно созрел. Резкий звук разорвал душную атмосферу комнаты и заставил вздрогнуть Юдифь — та стояла у окна и красными от слез глазами следила за неумолимым наступлением весны.

— Мне надо спуститься в кухню, — объявила старуха.

— Вы перепутали, мама, сегодня не первое мая и не семнадцатое октября. Вам лучше остаться здесь, — возразила дочь.

— Я говорю тебе, что должна спуститься. Мне надо чувствовать вас всех вокруг себя: Иеремию, Урка, Ездру, Кипрея, Сельдерея, Амоса, Рувима и Сифа. Да, и Ананию с Азарией. Никто из вас не

должен меня покидать. Подай мне корсет-грацию, детка.

Юдифь молча повиновалась.

Старый дом был тих. На стенах лежал умирающий вечерний свет, в пустых комнатах отдавалось пение дрозда. Тетя Ада с трудом одевалась, а мысли тяжело, как мельничные жернова, ворочались в ее голове.

Когда-то… когда ты была совсем маленькая… ты увидела в сарае нечто мерзкое. Теперь ты старая и двигаешься с трудом. Ты тяжело опираешься на плечо Юдифи, когда та, упершись ногой тебе в копчик, затягивает твой корсет.

Флора задернула окно и зажгла лампу. Платье лежало на кровати, белое воздушное чудо, и его надо было надеть на кузину, прежде чем наряжаться самой.

На одевание Эльфины ушел целый час. Флора растерла ее юные щеки холодной водой, так что на них расцвели рдяные розы, уложила волосы, надела ей через голову нижнюю юбку, поправила прическу, встала на стул, чтобы надеть через голову платье, и еще раз поправила прическу. Затем натянула на Эльфину чулки и туфли, накрыла ей плечи бархатной накидкой, вложила в руки веер и сумочку и велела сесть на кровать,

подальше от пыли и других опасностей.

— Ой, Флора? Я хорошо выгляжу?

— Ты фантастически прекрасна, — серьезно ответила Флора. — Изволь и вести себя соответственно.

Однако она подумала словами аббата Фосс-Мегре: «Посочувствуйте матери Гадкого утенка. Она пережила глубокое потрясение».

Платье самой Флоры было в гармонирующих светло-зеленых и темно-зеленых тонах, бархатная накидка — изумрудная. Она не надела украшений и Эльфине не позволила, как та ни умоляла: «Ну можно хоть мою ниточку жемчуга?»

Часы показывали всего половину шестого. До времени, когда можно будет тайком выскользнуть к авто, оставался еще час. Чтобы успокоить нервы, Флора села на постель и начала читать вслух «Мысли»: «Никогда не приходите в гости в четверть четвертого. Это самое неудачное время: для ленча чересчур поздно, для чая чересчур рано…»

«Можем ли мы знать наверняка, что слон и впрямь зовется слоном? Лишь человек взял на себя смелость давать Божьим тварям имена; Сам Бог хранит на сей счет молчание…»

Однако даже «Мысли» вопреки обыкновению не успокаивали. Флора была немного взволнована. Доберется ли авто до фермы? Не опоздает ли Клод Харт-Харрис на поезд? (Он обычно опаздывал.) Пойдет ли Сифу смокинг? А главное, сделает ли Ричард Кречетт-Лорнетт предложение Эльфине? Даже Флора не смела думать, что будет, если этого не случится. Он должен сделать предложение! Флора заклинала бога любви песней дрозда, весенним вечером, неземной красотой Эльфины.

(Теперь ты натягиваешь ботики. Ты не надевала их со смерти Нишиша. Нишиш… Колючая борода, запах фланели, сбивающийся, требовательный голос в кладовой. Твои ботики ужасно пахнут. Где лавандовая вода? Пусть Юдифь сбрызнет их изнутри и снаружи. Так-то лучше. Теперь первая нижняя юбка.)

— Флора, — сказала Эльфина, — кажется, меня мутит…

Флора посмотрела на нее строго и прочитала вслух:

— «Амбиции — лучшее средство от тошноты».

Внезапно в дверь постучали. Эльфина испуганно взглянула на Флору, и та с одобрением отметила, что от сильных переживаний у нее

темнеют глаза. Очень эффектно.

— Открыть? — спросила Эльфина.

— Думаю, это всего лишь Сиф.

Флора встала, на цыпочках подошла к двери и приоткрыла ее на одну восьмую дюйма. Это был и впрямь Сиф в купленном готовом смокинге, который ничуть не портил его звериной грации — молодой человек просто выглядел пантерой, надевшей вечерний костюм. Сиф прошептал, что машина уже показалась из-за холма и можно потихоньку спускаться.

— Урка поблизости нет? — спросила Флора.

— Я видел его с час назад на Крапивной закраине. Он нагнулся над старым колодцем и разговаривал с водяными крысами.

— В таком случае это не меньше, чем еще на полчаса, — сказала Флора. — Можно идти вниз. Эльфина, ты готова? А теперь ни звука! Идем!

При свече, которую принес Сиф, они благополучно спустились в пустую кухню. Сквозь раскрытую дверь можно было видеть автомобиль, который остановился перед воротами по другую сторону двора. Шофер как раз вылез, чтобы их открыть. Флора с радостью заметила, что в окошко выглядывает пассажир — надо думать, Клод. Она приветственно замахала ему, и Клод

ответил что-то про «чрезмерную дикость». Флора испуганно поднесла палец к губам и замотала головой — мол, ни звука.

— Я отнесу Эльфину, ей нельзя пачкать туфельки, — с неожиданной заботливостью объявил Сиф и, подхватив сестру на руки, прошел через двор. Потом он вернулся за Флорой. Та лишь успела задуматься, не слишком ли крепко он ее к себе прижимает, как очутилась в машине. Клод с жаром пожал ей обе руки. Эльфина мило улыбалась в уголке.

— Дорогая, к чему эти драматические эффекты а-ля «Падение дома Эшеров»? — спросил Клод. — Я хочу сказать, все слишком прекрасно, чтобы быть правдой. Куда мы едем дальше?

Пока Сиф давал шоферу указания, Флора всматривалась в окна фермы. ***Безжизненные, как рыбьи глаза, они отражали мертвенную синеву гаснущего заката. Зубчатый силуэт крыши слепо тыкался в небо, на котором трупными пятнами проступал мрак. Бескровные языки звезд скакали между печными трубами, будто слабоумные дети, пляшущие под забытую мелодию. И внезапно тусклый свет расцвел за опущенной шторой в окне над кухней, и на его фоне неуверенно скользнула тень, будто кто-то обронил шнурок

от ботинка и теперь ищет его на ощупь. Окно казалось глазом умирающего животного, в котором то разгорается, то гаснет последняя искра жизни. Дом словно вдвинулся в глубь двора. Ни один звук не нарушал томительного безмолвия, и лишь свет в окне, странно нагой и невинный, неровно подрагивал в сгущающейся темноте.

Авто наконец тронулось, к огромному облегчению Флоры.

— Ты замечательно выглядишь, — сказал Клод и, понизив голос, добавил: — А твоя протеже чудо как хороша. Теперь давай, рассказывай мне все.

И Флора так же вполголоса рассказала. Клод слушал, заинтересованно улыбаясь, хотя его немного смутила собственная роль в этой истории.

— Я чувствую себя второстепенным персонажем из «Золушки».

Флора поспешила его утешить, сказав, что экскурсия в отдаленный уголок Суссекса станет приятным отдыхом от тех чрезмерно светских кругов, в которых он обычно вращается, и остаток пути прошел довольно приятно. Сиф немного хорохорился, поскольку Клод подавлял его своим фраком, белым жилетом и непринужденным голосом; впрочем, он так хотел попасть на танцы и

был так взволнован, что не мог сильно испортить всем настроение.

До здания Бодягширской ассамблеи добрались без всяких происшествий. На главной улице городка оказался затор: приглашенные из окрестных усадеб съехались на своих авто, а любопытствующие со всей округи прибыли на автобусах и теперь толпились на площади, наблюдая, как входят гости.

Флоре и ее спутникам повезло — им достался опытный шофер. Он отыскал узкий тупичок неподалеку от здания, свернул туда и остановил машину. Флора велела ему вернуться к двенадцати и спросила, как он намерен провести время.

— Я пойду в кино, мэм, — почтительно отвечал он.

— В «Орфее» идут «Красные каблуки» с Мари Рамбо, — пылко вмешался Сиф.

— Да, это вполне годится, — величаво ответила Флора, чуть заметным движением бровей выразив Сифу неодобрение, затем взяла Клода под руку, и вся компания направилась через толпу к входу в здание.

Лестница была застелена красным ковром, который спускался на тротуар до самого бордюра. По обе стороны ковровой дорожки собралась

огромная толпа зевак; их лица, исполненные любопытства и восхищения, озарялись двумя газовыми рожками по бокам от двери.

Как раз когда Флора и ее спутники начали подниматься по лестнице, средь восхищенного ропота толпы вроде бы прозвучало ее имя. Она глянула в ту сторону, откуда раздался голос, и увидела мистера Клопа собственной персоной: тот опасно взгромоздился на цоколь уличного фонаря, а рядом с ним стоял еще один дурно одетый нечесаный джентльмен — надо полагать, собрат-интеллектуал.

Мистер Клоп весело замахал Флоре и вообще выглядел вполне бодрым, но она (глупое создание) немножко его пожалела, поскольку он был толстый и безвкусно одет; сравнивая его с Чарлзом, который всегда выглядел безупречно, и лишь при игре в теннис темная прядь падала ему на лоб, Флора подумала, что мистер Клоп исключительно жалок. Она почти что осудила себя, что не позвала его на бал.

— Кто это? — спросил Клод, проследив ее взгляд.

— Некий мистер Клоп. Мы встречались в Лондоне.

— Боже правый! — произнес Клод тоном вели-

чайшей брезгливости.

Будь Флора одна, она бы вежливо крикнула через толпу:

— Добрый вечер! Какая неожиданная встреча! Вы охотитесь за редкими книгами?

Однако сейчас Флора ощущала себя дуэньей Эльфины, а значит, должна была держаться безупречно.

Поэтому она ограничилась тем, что очень любезно кивнула мистеру Клопу, который выглядел ужасно непрезентабельно и пытался одернуть кардиган, собравшийся на талии в складки.

Мистер Обри Федеруэйт, выстроивший в 1930 году здание Бодягширской ассамблеи, не удовольствовался одной красивой лестницей, а соорудил еще одну, внутреннюю, ведущую в бальный зал, который располагался чуть ниже уровня улицы.

Когда Флора, выйдя из продуваемого сквозняками женского гардероба вместе с прекрасной и величавой Эльфиной, увидела вторую лестницу, она преисполнилась такой благодарности, что готова была упасть на колени и возблагодарить судьбу.

Разве аббат Фосс-Мегре не сказал: «Мужчина, увидевший, как красивая женщина спускается по величественной лестнице, погиб», и разве

тут не присутствуют сразу обе составляющие его максимы? Возможна ли лучшая оправа для того бриллианта, в который стараниями Флоры превратилась Эльфина?

Благообразная дама лет шестидесяти приветствовала гостей на верхней площадке лестницы, а рядом с нею стояла крупная девица в платье ядовитого оттенка электрик — надо полагать, Джоан, дочь миссис Кречетт-Лорнетт.

Все четверо медленно приближались к хозяйке.

Наблюдательный взгляд Флоры сразу оценил, что время они подгадали идеально.

Было почти девять. Все важные гости уже прибыли, и цвет суссекской аристократии кружился под звуки вальса «Двенадцать сладостных часов»; элегантное сочетание темно-лилового и белого на мужчинах и бальные платья дам изящно оттенялись пурпурными стенами, темно-зелеными венками над нишами и тонкими белыми колоннами с золочеными коринфскими капителями.

Клод представил своих спутниц миссис Кречетт-Лорнетт. Хозяйка любезно улыбнулась Флоре и с немым изумление воззрилась на Эльфину, потрясенная ее красотой. Затем Эльфина по едва заметному знаку Флоры (та задержалась

перемолвиться несколькими словами с Джоан Кречетт-Лорнетт) начала спускаться по лестнице.

Как раз в это мгновение утихли чарующие звуки вальса, танцоры остановились, улыбаясь и аплодируя.

И тут зал замер. Все взоры были обращены на лестницу. Восторженный гул — самый сладостный звук для женского уха — прокатился во внезапной тишине.

Подлинная красота заставила умолкнуть все, кроме восторженных похвал. Поколение, ценившее в женщинах пикантность, интересность, мальчишескую угловатость и своеобразие, увидело перед собой красоту, простую и чистую, как у юной Венеры, которую так любили ваять древние греки, и с изумленным восхищением откликнулись на ее зов.

Как ни один зрячий не станет отрицать прелесть цветущего миндального дерева, так никто не мог отрицать прелесть Эльфины. Девушка спускалась по лестнице, словно озаренное солнцем облако по склону холма. Ее строгая красота, подчеркнутая простым белым платьем, освежала взор, как залитое луной море или цветочная поляна.

Высокий молодой человек, стоящий у основания лестницы, взирал на Эльфину, как, наверное, греческий пастух взирал на богиню Луны. Флора, молча наблюдавшая с верхней площадки, видела этот взгляд и осталась очень довольна.

Зачарованную тишину нарушила музыка. Оркестр заиграл веселую польку. Высокий молодой человек (не кто иной, как Ричард Кречетт-Лорнетт) подал руку Эльфине и повел ее в гущу танца.

Флора и Клод (которого все происходящее чрезвычайно забавляло) спустились в зал чуть позже и тоже присоединились к танцующим.

Флора, кружа по залу в объятиях Клода (тот танцевал превосходно), имела все основания себя поздравить. Не выказывая слишком явного интереса к Эльфине и ее партнеру, что было бы невоспитанностью, она тем не менее примечала каждое их движение.

И все увиденное наполняло ее гордостью. Ричард вел себя как настоящий влюбленный. Молодой человек часто смотрит на свою партнершу с легким восхищением, и это зрелище было Флоре привычно. Однако ей редко случалось видеть такой благоговейный восторг, обожание и даже что-то вроде признательности, смешанной

с изумлением. Ричард держал Эльфину бережно, словно первобытный человек, который сорвал цветущую ветку доселе невиданного дерева и несет ее к себе в пещеру.

Чудо, о котором Флора молила бога любви, свершилось. Ричард не только понял, что Эльфина прекрасна; он осознал, что любит ее. (Молодых людей, бывает, нужно ткнуть в этот факт носом, как знала Флора по наблюдениям за своими знакомыми.)

Теперь оставалось ждать конца бала, когда Эльфина скажет, сделал ли Ричард предложение. Флора понимала, что тревога может испортить ей вечер, но приготовилась мужественно терпеть неопределенность.

Впрочем, вскоре она настолько увлеклась весельем, что почти забыла про тревогу.

Бал и впрямь был замечательный. Вероятно, скорее по счастливой случайности, чем по здравому расчету, миссис Кречетт-Лорнетт соединила два главных ингредиента удачного бала: избыток гостей и недостаток места. Так или иначе, оба они присутствовали. Добавьте к этому строгую пышность убранства, великолепное угощение и то, что гости по большей части были слегка знакомы между собой, и вы поймете, что празд-

нество удалось на славу.

Флора слышала много замечаний о красоте Эльфины. На вопрос, кто ее очаровательная спутница, она с улыбкой отвечала, что это ее кузина, мисс Скоткраддер, и добавляла лишь, что мисс Скоткраддер живет по соседству. Флора благоразумно не стала восхвалять очарование и родовитость Эльфины, представляя красоте действовать самостоятельно. И красота справлялась с этой задачей вполне успешно. Эльфина танцевала не только с Ричардом Кречетт-Лорнеттом (хотя с ним — больше всего), но и с другими молодыми людьми, обступавшими ее пылкой толпой, как только смолкала музыка.

Флора заметила, что миссис Кречетт-Лорнетт, наблюдавшая за всем с балкона, обеспокоенно хмурится, особенно — когда Эльфина танцует с Ричардом.

Сама она танцевала преимущественно с Клодом и с кузеном Сифом. Тому явно все очень нравилось. В некотором смысле он произвел почти такой же фурор, как Эльфина. Компания юных особ, судя по платьям, прибывших на бал из Лондона, завладела им в начале вечера и не желала его отпускать. Флора слышала, как они шепотом обсуждают его чрезмерную благопри-

стойность, а Сиф только улыбался своей тягучей улыбкой и цедил «да-а» и «не-а» в ответ на вопросы, обожает ли он сельское хозяйство, и чего намерен добиться, и не считает ли, что в жизни надо испытать *все*?

Некоторые молодые люди приглашали Флору и выказывали намерение завладеть ее обществом после танца, что было вполне приятно, однако она решила сегодня держаться в тени и не пытаться затмить Эльфину. После того как стайка юных поклонниц увлекла Сифа ужинать, Флора танцевала в основном с Клодом. Она понимала, что не сравнится красотой с Эльфиной, но нисколько не огорчалась. Ей вполне довольно было сознавать, что она выглядит интересной, элегантной и неординарной.

Лишь один инцидент омрачил атмосферу вечера. Как раз когда Флора с Клодом пробирались к накрытым в соседнем зале столам, на балконе началась какая-то суматоха. Флора подняла глаза и увидела спину хорошо знакомого джентльмена, которого торопливо выталкивали на улицу двое привратников.

— Кто-то попытался пройти незваным, — со смехом заметил Клоду молодой человек, сбегая по лестнице. Он помогал привратникам вытал-

кивать нарушителя.

Флора с Клодом сели за столик, изящно украшенный весенними цветами и листьями.

— Моя дорогая Флора, это был твой приятель? — спросил Клод, глядя в ее опечаленное лицо, и сделал официанту знак открыть шампанское.

— Это был мистер Клоп, — просто ответила Флора. — И я невольно думаю: если бы я добыла ему приглашение, он бы не пытался пройти незваным.

— Хорошо, что не все, оставшиеся без приглашений, пытаются пройти незваными, — заметил Клод.

— Я невольно жалею мистера Клопа, — сказала Флора, беря вилку, чтобы положить крабового мусса на свою тарелку.

— Страдания очищают, — ответил Клод, кладя себе мусс.

Однако Флора продолжала:

— Понимаешь, он толстый. Мне всегда жалко толстых. И мне не хватает духу объяснить, что именно из-за этого я не позволяю ему меня поцеловать. Он думает, это из-за моей болезненной холодности.

— Разумеется, он так думает, дорогая. Не стоит огорчаться. Положи себе еще мусса.

Флора послушалась, напомнив себе, что ради Эльфины должна выглядеть безмятежной, и больше в тот вечер про мистера Клопа не вспоминала.

Они с Клодом долго сидели за столом, любуясь изящно убранным, ярко освещенным залом и множеством молодых, по большей части красивых и поголовно счастливых людей обоего пола. Клод участвовал в Англо-никарагуанских войнах сорок шестого года, и сейчас, когда он сидел в уютном молчании, из-под всегдашней маски бодрого идиотизма на его худом обаятельном лице проступило естественное иронично-печальное выражение. Он видел смерть товарищей и на всю остальную жизнь смотрел как на забавную игру, которую человек, наделенный умом и вкусом, не должен принимать всерьез.

Как ни нравился Флоре бал, она ощущала себя скорее зрительницей, чем участницей. Ей очень не хватало друзей: миссис Смайли в белом платье, очаровательной Джулии, Чарлза в строгом темно-синем фраке, подчеркивающем его серьезность и высокий рост.

Как на всяком удавшемся торжестве, в атмосфере был разлит дух веселья, неощутимый и в то же время реальный. Всякий, кто его вдыхал, с

невольной улыбкой благодушно озирался по сторонам. Над гулом разговоров то и дело взмывали звенящие голоса, словно отдельные всплески в журчании весеннего ручья. Смеющийся рот, три склоненные друг к другу юные головки, в то время как четвертая подружка тщится что-то возразить, но не может, потому что заходится от хохота; задранные от смеха подбородки, цветок азалии между двумя собеседниками, которые откинулись на стулья, не в силах отсмеяться, — вот внешние призраки удавшегося бала. И над всем этим колыхалось незримое сияющее облако счастья.

Внезапно Флора вздрогнула: в двери, ведущей из бального зала, показалась Эльфина в сопровождении Ричарда Кречетт-Лорнетта. Они озирались, ища кого-то глазами. Увидев вскинутую руку Флоры в светло-зеленой перчатке, Эльфина заулыбалась и что-то сказала через плечо молодому Кречетт-Лорнетту. Оба начали пробираться между столиками туда, где сидели Флора и Клод.

Сердце Флоры, и без того наполненное приятным волнением бала, затрепетало еще сильнее. Эльфина и Ричард так лучились от счастья, что сомнений не оставалось: он сделал предложение,

и она ответила «да».

Смеющиеся гости за другими столиками, прервав разговор, улыбались Дику и с любопытством поглядывали на Эльфину. Клод встал, и Эльфина, поймав руку Ричарда, потянула его за собой.

— Ой, Флора! Я хочу познакомить тебя с Диком.

Флора с вежливой улыбкой проговорила:

— Очень приятно. Я много о вас наслышана.

В следующий миг ее рука оказалась заключена в крепкое дружеское пожатие. Обветренное, открытое мальчишеское лицо Дика расплылось в улыбке. У него были прекрасные зубы, белые, как у молодого льва, и маленькие черные усики.

— Чертовски рад познакомиться. Эльфи мне все про вас рассказала. Весело тут, ага? Отличная, кстати, была идея, закатить оргию тут, а не в семейном крематории. Ужасно здорово, мисс Пост, что вы притащили сюда Эльфину. Даже не знаю, как вас благодарить. Кстати, мы помолвлены.

— Ах! Какая прелесть! Как я рада! Поздравляю вас! — воскликнула Флора, и впрямь до крайности довольная услышанным.

— Прелестно, — проговорил Клод на заднем плане.

— Мы объявим о помолвке в конце вечера, —

продолжал Ричард. — Чертовски удачное время, ага?

Клод, сардонически гадая про себя, как отнесется к новости миссис Кречетт-Лорнетт, согласился, что удачнее времени не придумать. Затем Флора представила его Ричарду, и завязалась общая беседа, которой придавала особую прелесть аура счастья, исходящая от влюбленных, и то, как Флора с Клодом ласково улыбались, слушая их щебет.

Глава 15

Было уже почти двенадцать, и гости постепенно возвращались в бальную залу. Оркестранты, восполнив силы едой, заиграли кадриль, и все пустились в пляс. Вскоре щеки у всех раскраснелись, а пол был усеян веерами, дамскими шпильками, пуговками от ботинок и увядшими цветами.

Клод скакал легко, как арлекин, на которого отчасти походил. Флора в стремительном движении, лишь слегка направляемом его уверенной рукой, видела счастливую Эльфину в объятиях Ричарда и чувствовала себя так, будто грозит кулаком тете Аде. Цель достигнута. Эльфина спасена. Ее будущее безоблачно. Она станет матерью, и от нее пойдет род обычных приятных англичан, в чьей душе пылает тайный огонь поэзии. Все как и должно быть.

Музыка умолкла, и Флора изо всех сил захлопала в ладоши отчасти из желания повторить танец, но больше от радости, что сумела осуществить свой план.

— Скажи, ты ведь сейчас наслаждаешься жиз-

нью, Флоренс Найтингейл? — спросил Клод.

— Да, — ответила Флора. — И ты тоже.

Это было правдой: Клод наслаждался жизнью, хотя в то же время с острой болью в сердце чувствовал себя предателем.

Тут Флора заметила, что Ричард ведет Эльфину по лестнице на балкон, туда, где в компании сверстниц сидела его матушка. Флора двинулась было следом на случай, если потребуется ее участие, но не успела поставить ногу на ступеньку, как Ричард, закончив разговор с матерью, шагнул к балюстраде и поднял руку, прося тишины. Эльфина стояла подле него, но чуть позади. Флора не видела миссис Кречетт-Лорнетт (ее заслонял Ричард), но явственно читала смесь замешательства, любопытства и зависти на лице Джоан Кречетт-Лорнетт. («Впрочем, — утешила себя Флора, — такой ядовитый оттенок с чьим угодно лицом и не такое сделает».)

— Дамы и господа, — начал Дик. — Чертовски здорово вас всех здесь видеть. Я чертовски рад, что вы все нашли время прийти. Я всегда буду с радостью вспоминать, что вы пришли на мой двадцать первый день рождения. Это просто чертовски здорово, ага. Я хочу сказать, что люблю веселую компанию.

Он умолк. Послышались аплодисменты и смех. Флора затаила дыхание. Он должен — *должен* объявить о помолвке! Иначе всё пойдет насмарку.

Однако она напрасно испугалась. Дик сделал паузу лишь для того, чтобы притянуть Эльфину поближе. Держа ее руку в своей, он продолжил:

— А для меня этот вечер особенно радостный, потому что я кое-что собираюсь вам сообщить. Мы с мисс Скоткраддер помолвлены.

Наконец-то! Грянули аплодисменты и взволнованные возгласы. Гости устремились вверх на балкон — поздравить счастливую пару. Флора, совершенно обессиленная от волнения последних минут, повернулась к спутнику.

— Ну вот, все завершилось. Как ты считаешь, Клод, нам обязательно подходить к миссис Кречетт-Лорнетт? Сознаюсь, мне очень не хочется.

Однако Клод твердо ответил, что подойти надо обязательно. Поскольку Флора привезла Эльфину на бал, все, что она сделает, дабы смягчить необычность происходящего, будет ее протеже только на пользу.

Флора нехотя признала его правоту и направилась к миссис Кречетт-Лорнетт.

Бедная пожилая дама выглядела совершенно

растерянной. Она принимала благодарности от гостей, которые уже собрались разъезжаться. Флора отметила, что Джоан стоит несколько поодаль, у двери, вероятно, чтобы не разговаривать ни с *той девицей*, ни с маменькой.

Флора подошла и протянула руку.

— Спасибо вам большое, бал получился совершенно чудесный, и я очень признательна вам за приглашение…

Однако миссис Кречетт-Лорнетт уже встала. Она была милейшая старушенция, но не дура, и видела, что Флора — особа здравомыслящая. В нынешней растерянности ей требовалось услышать хоть какие-то заверения, что происходящее — не катастрофа. Она произнесла почти умоляюще:

— Мисс Пост, буду с вами откровенна. Не стану притворяться, будто я в восторге от помолвки. Кто эта юная леди? Я вижу ее всего лишь второй раз и практически ничего не знаю о ее семье.

— Она милая и тихая девушка, — с чувством отвечала Флора. — И ей всего семнадцать. Думаю, под вашим руководством она станет именно такой, какой вам хочется ее видеть. Дорогая миссис Кречетт-Лорнетт, прошу вас, не огорчайтесь. Я уверена, что вы полюбите Эльфину. Она замечательная. Что до ее семейства, если мне позволено

высказать совет, я бы постаралась, чтобы в ближайшие недели Эльфина по возможности не виделась с родственниками. Они будут всячески препятствовать этому браку…

— Препятствовать? Какая наг…

Пожилая дама прикусила язык. До сей минуты она не сомневалась, что захудалое семейство будет счастливо породниться с Кречетт-Лорнеттами.

— О да. Миссис Скоткраддер, бабушка Эльфины, собиралась выдать ее за кузена по имени Урк. Боюсь, что с его стороны противодействие тоже неизбежно. Чем быстрее вы организуете свадьбу, тем лучше будет для Эльфины.

— О Боже! Я надеялась, что свадьба будет не раньше, чем через год. Дик еще так юн.

— Так пусть он скорее обретет полное счастье! — улыбнулась Флора. — Поверьте, миссис Кречетт-Лорнетт, лучше всего назначить свадьбу не позднее чем через месяц. Обстановка на ферме будет для Эльфины крайне неприятной, а я убеждена, что вы не хотите лишних разговоров и стычек со Скоткраддерами?

— И фамилия такая ужасная… — пробормотала миссис Кречетт-Лорнетт.

Тут подошли Сиф с Клодом, уже одетые для

улицы, так что разговор пришлось прекратить. Миссис Кречетт-Лорнетт успела только пожать Флоре руку и прошептать уже куда более ласковым тоном:

— Я подумаю о ваших словах. Возможно, в конечном счете все и впрямь окажется к лучшему.

Итак, Флора покинула бал в относительно приподнятом состоянии духа.

Эльфина, похожая на белый пион, ждала их у выхода; с нею был Дик. Автомобиль уже ждал внизу, так что, любезно простившись с Диком, все четверо направились к улице.

Когда они высадили Клода у гостиницы «Корона и роза», где тот остановился на ночь, Флора уже чувствовала себя совершенно опустошенной. Она была раздражена и хотела спать, так что закрыла глаза и успешно продремала почти всю дорогу. Милях в двух от фермы ее разбудили голоса. Сиф говорил тоном, в котором явственно слышалось злорадство:

— Да, скажет тебе старуха пару ласковых.

— Бабушка не помешает мне выйти замуж!

— Может, и так, но уж постарается, это точно.

— За месяц она мало что успеет, — холодно вмешалась Флора, — и, возможно, Эльфина на это время переедет к Кречетт-Лорнеттам. Просто до

тех пор ей надо всячески избегать встреч с тетей Адой, что не так и трудно, поскольку тетя никогда не выходит из своей комнаты.

Сиф тихо, злорадно хохотнул. Нечто звериное пульсировало в его смехе, словно биение жилок под крысиным мехом. Автомобиль как раз остановился у ворот, и Сиф, перегнувшись через Флору, указал пальцем в сторону дома.

Флора глянула туда и с дрожью отчаяния увидела, что окна фермы ярко освещены.

Глава 16

Вероятно, «ярко» — чересчур сильное слово. Свет, горевший в окнах фермы «Кручина», безусловно, наводил на мысль о трупных огоньках и вокзальных залах ожидания. Однако в сравнении с непроглядной тьмой, в которую была погружена округа, он выглядел почти приветным.

— О Боже, — выговорила Флора.

— Это бабушка! — шепнула Эльфина, побелев как полотно. — Значит, она решила устроить семейный праздник именно сегодня.

— Чепуха! Какие могут быть праздники в «Кручине»! — Флора достала из сумочки деньги, вылезла из авто, потянулась, вдохнула сладостный ночной воздух и протянула деньги шоферу. — Вот. Спасибо вам большое. Все было замечательно. Доброй ночи.

Шофер почтительно поблагодарил ее за щедрые чаевые, дал задний ход, развернулся и поехал обратно в город.

Свет фар скользнул по колючей изгороди и по траве, на мгновение залив их мертвенно-зеленой бледностью.

В гробовой тишине было слышно, как шофер прибавил газ.

Затем уютное ворчание мотора начало удаляться и постепенно растаяло в огромности ночного безмолвия.

Флора, Эльфина и Сиф зашагали к дому.

Освещенные окна смотрели выжидающе. В них чудилась скабрезная усмешка, будто на лицах старых сутенеров в кафе на Холборнском виадуке. Слабый ветерок шнырял в гнилых досках, шуршащим шлейфом скользил по замшелой черепице. От колючих изгородей шел беззвучный ток растительной жизни, но легче от этого не становилось.

— Да, это бабушка, — мрачно проговорил Сиф. — Она устроила поверку.

— Что такое поверка, — раздраженно спросила Флора, — и чего ради ее надо устраивать в половине второго ночи?

— Раз в год бабушка нас пересчитывает. Мы, Скоткраддеры, отличаемся буйным нравом. Некоторые сталкивают других в колодец. Кто-то умирает от родов, кто-то от пьянства, кто-то сходит с ума. Да и вообще нас много, трудно за всеми уследить. Раз в год бабушка собирает всех и считает по головам, чтобы узнать, сколько

умерло за год.

— Тогда меня она может исключить. — Флора подняла руку, чтобы постучать в дверь, и тут ей пришла в голову неожиданная мысль. — Сиф, а ты догадывался, что бабушка устроит свою гнусную поверку именно сегодня?

В темноте блеснули белые зубы Сифа.

— Может, и догадывался.

— В таком случае ты редкостный поганец, — с жаром проговорила она, — и я желаю твоим водяным крысам сдохнуть. Держись, Эльфина. Тебе лучше молчать. Говорить буду я.

И она постучала в дверь.

Тишина, струившаяся им навстречу, была осязаемой. Она обладала звучанием. Она подавляла и принуждала, лишала воли и диктовала условия.

Ее нарушили тяжелые шаги. Кто-то шел через кухню в подбитых гвоздями сапогах. Загремели засовы. Дверь медленно отворилась. За нею стоял Урк. Его искаженное лицо казалось маской театра Но: маской похоти, злобы и ненависти. Флора услышала у себя за спиной испуганное дыхание Эльфины и протянула руку, в которую та судорожно вцепилась.

Большая кухня была полна людьми. Все молча-

ли, озаренные алыми отблесками камина. Флора различила Амоса, Юдифь, наемную прислугу Мириам, Адама, Ездру, Кипрея, Сельдерея, Ананию, Азарию и нескольких работников. Они образовывали полукруг, в центре которого располагалась фигура, сидящая напротив камина в кресле с высокой спинкой. Пляшущий огонь и тусклая лампа наполняли углы рембрандтовскими тенями. Другие тени колыхались на потолке — гротескно увеличенные силуэты Скоткраддеров.

Навстречу свежему ночному воздуху плыл тошнотворно сладкий аромат. Вначале Флора не поняла, откуда он идет, потом сообразила, что от жара раскрылись длинные розовые бутоны живохлебки. Венок, которым украсили портрет Нишиша Скоткраддера, был усыпан огромными белыми цветами; их острые лепестки отогнулись, обнажив бесстыдное нутро, откуда волнами растекалось приторное благоухание.

Все смотрели на прибывших. Тишина была настолько тяжелой, что, казалось, воздух не выдержит ее веса. Неугомонная пляска света и тени на лицах Скоткраддеров подчеркивала их странную неподвижность. Флора пыталась решить, на что похожа кухня, и пришла к заключению, что на комнату ужасов в музее мадам Тюссо.

— Добрый вечер, — проговорила она, переступая порог и снимая перчатки. — Так вся честная компания в сборе? Это Воротила там в углу? Ой, прошу прощения, теперь вижу, это Иеремия. Бутербродов, случайно, не осталось?

Ее слова немного ослабили напряжение. Скоткраддеры начали проявлять признаки жизни.

— Еда на столе, — бесцветным голосом прошелестела Юдифь, выходя вперед; ее горящий взор был устремлен на Сифа. — Но прежде, дочь Роберта Поста, познакомься со своей тетей Адой Мрак.

И она взяла Флору за руку (та порадовалась, что сняла чистые перчатки) и подвела к фигуре в кресле с высокой спинкой.

— Мама, — сказала Юдифь, — это Флора, дочь Роберта Поста. Я вам про нее говорила.

— Добрый вечер, тетя Ада, — любезно проговорила Флора, протягивая руку.

Однако тетя Ада не ответила, лишь крепче сжала в пальцах «Еженедельный бюллетень молокозаводчика с рекомендациями по содержанию крупного рогатого скота» и тихо, без всякого выражения, произнесла:

— Я увидела в сарае нечто мерзкое.

Флора вопросительно глянула на Юдифь. Остальные члены семейства, пристально на-

блюдавшие за происходящим, испуганно зашептались.

— Она сегодня плоховато соображает, — сказала Юдифь, невольно косясь на Сифа (тот в углу жадно уплетал холодную говядину). — Мама, — проговорила она громче, — вы меня узнаете? Это Юдифь. Я привела Флору Пост, дочь Роберта Поста.

— Нет. Я увидела в сарае нечто мерзкое, — повторила тетя Ада Мрак, беспокойно поводя глазами. — Это случилось жарким полднем… шестьдесят девять лет назад. Когда я была не больше болотной паички. И я увидела в сарае нечто ме…

— Может быть, ее это вполне устраивает, — заметила Флора. Она изучила волевой подбородок тети Ады, ясные глаза, плотно сжатый рот, хватку, которой та сжимала «Еженедельный бюллетень молокозаводчика с рекомендациями по содержанию крупного рогатого скота», и пришла к выводу, что если тетя Ада безумна, то она, Флора — один из братьев Маркс.

— Увидела в сарае нечто мерзкое! — внезапно взвизгнула тетя Ада и ударила Юдифь по голове «Бюллетенем молокозаводчика». — Нечто мерзкое! Уберите это! Вы злые и хитрые! Хотите уйти

и оставить меня одну в сарае! Но вы не уйдете! Никто из вас! Никогда! Скоткраддеры живут в «Кручине», сколько она стоит. Вы все должны быть со мной всегда. Юдифь, Амос, Иеремия, Урк, Анания, Азария, Эльфина, Кипрей, Сельдерей Рувим и Сиф. Где Сиф? Где мой голубочек? Иди сюда, Сиф.

Сиф, дожевывая на ходу хлеб с говядиной, протиснулся через толпу родственников.

— Я здесь, бабушка, — заворковал он. — Я никогда тебя не брошу. Никогда.

(«Не смотри на Сифа, женщина, — страшным голосом зашептал Амос в ухо Юдифи. — Ты все время на него смотришь».)

— Хороший мой мальчик… нюнечка моя… тетешка, — бормотала старуха, гладя Сифа по голове «Бюллетенем молокозаводчика». — Какие мы сегодня нарядные… Что это? Что это на тебе? — Она дернула его за смокинг. — Где ты был, внучек? Расскажи бабуле.

Ее ясные глаза под тяжелыми морщинистыми веками внимательно изучали его наряд, и Флора поняла: старуха все знает. Оставалось только спасти лицо, пока не грянул гром. Она набрала в грудь воздуха и сказала громко и четко:

— Он был в Бодягшире на балу в честь двадцати-

однолетия Ричарда Кречетт-Лорнетта. И я тоже. И Эльфина. А также мой знакомый Клод Харт-Харрис, которого тут никто не знает. Более того, тетя Ада, Эльфина и Ричард Кречетт-Лорнетт помолвлены. Свадьба будет примерно через месяц.

Из тьмы подле раковины донесся душераздирающий вопль. Все вздрогнули и повернулись в ту сторону. Вопил Урк. Он лежал лицом в миске с бутербродами и содрогался всем телом, держась рукой за сердце. Мириам, наемная прислуга, робко погладила его по затылку натруженной рукой, но Урк оттолкнул ее движением пойманного хорька.

— Моя водяная крыска, — причитал он. — Моя водяная крыска…

Все разом зашумели и задвигались. Тетя Ада методично била всех «Бюллетенем молокозаводчика» и пронзительно взвизгивала:

— Я увидела!.. увидела!.. я сойду с ума!.. я не вынесу!.. Скоткраддеры живут в «Кручине», сколько она стоит. Я увидела в сарае нечто мерзкое… нечто мерзкое… мерзкое… мерзкое…

Сиф встал перед бабушкой на колени и, держа ее руки в своих, заговорил мягко, словно утешая больного ребенка. Флора оттащила Эльфину в угол, к столу, подальше от кутерьмы, и теперь

задумчиво совала той бутерброды, не забывая, впрочем, и себя. Она уже не надеялась лечь сегодня в постель. Было почти половина третьего, и все явно собрались сидеть до зари.

В кухне было несколько незнакомых ей женщин. Они незаметно скользили в полутьме, пополняя запасы хлеба и масла на столе, и по временам плакали в уголке.

— Кто это? — спросила Флора Эльфину, с интересом указывая на одну из них. У нее был совершенно плоский бюст и лицо, как у птенца: огромные выпученные глаза и острый нос, и она рыдала, зарывшись с головой в шкафчик для обуви.

— Бедняжка Ранетта, — сонно отвечала Эльфина. — Я так счастлива, только мне ужасно хочется спать, а тебе?

— Мне тоже. Так, значит, это Ранетта? А почему, если мой вопрос не бестактен, на ней вся одежда мокрая?

— Она прыгнула в колодец часов в одиннадцать. Мириам, наемная прислуга, мне рассказала. Бабушка над ней издевалась, потому что Ранетта засиделась в девках, говорила, даже Марка Скорби не смогла удержать, у бедняжки случилась истерика, а бабушка еще добавила про ее плоскую

грудь, и все такое. Ранетта убежала и бросилась в колодец, а у бабушки случился приступ.

— И поделом ей, старой треске, — пробормотала Флора, зевая, но тут же встрепенулась, потому что вокруг тети Ады снова зашумели.

— Что там такое? — спросила она.

Забравшись на стол и вглядываясь в озаренный алыми отблесками полумрак, Эльфина и Флора различили Амоса. Тот стоял, склонившись над тетей Адой, и что-то орал. Иеремия, Ездра, Рувим, Сиф, Юдифь, Кипрей, Сельдерей, Сюзанна, Летти, Пру, Адам, Джейн, Феба, Анания и Азария говорили разом, и слов Амоса было не разобрать. Однако внезапно он повысил голос так, что все остальные умолкли:

— ...я должен идти туда, куда зовет меня Господь, и нести слово Божье в далекие края. Мой долг тяжел, но я обязан его исполнить. В молитве и бдении мне открылась истина. Я должен путешествовать в автофургоне «форд» и проповедовать по всей стране. Да, подобно апостолам, я услышал зов и должен ему следовать.

Амос раскинул руки и замер. Алые отблески камина играли на его вдохновенном лице.

— Нет! Нет! — страдальчески взвизгнула тетя Ада. — Я этого не вынесу! Скоткраддеры живут

в «Кручине», сколько она стоит. Тебе нельзя ее покидать… никому нельзя! Я сойду с ума… Я увидела в сарае нечто мерзкое… а-а-а… а-а-а…

Поддерживаемая Юдифью и Сифом, она встала и обессиленно ударила Амоса по голове «Бюллетенем молокозаводчика» (уже немного растрепанным). Могучее тело Амоса содрогнулось от удара, однако он продолжал стоять, торжествующе глядя в неведомые дали, а багрово-оранжевые отблески плясали на его лице.

— Я должен идти, — повторил он неожиданно мягко. — Сегодня же ночью. Ангелы радостными голосами зовут меня со вспаханных полей, где прорастающие зернышки молитвенно сложили свои ладошки. К тому же брат Ирода Муривея обещался в половине четвертого заехать на молочном фургоне, и мне надобно спешить. Счастливо всем оставаться. Мама, я порвал цепь, на которой вы меня держали, порвал с помощью ангелов и Божьего слова. Где моя шляпа?

Рувим, последние десять минут державший отцовскую шляпу в руках, молча протянул ее хозяину.

Тетя Ада сидела в кресле, часто дыша, и бессильно била по воздуху «Бюллетенем молокозаводчика». Ее глаза — щелки страдания на сером

лице — были обращены к Амосу. Они горели ненавистью, будто свечи, которые чувствуют подступающую тьму и вспыхивают еще ярче.

— Да, — прошептала она. — Да… ты уйдешь, оставив меня в сарае. Скоткладдеры живут в «Кручине», сколько она стоит, но для тебя это пустой звук. Я умру здесь одна, в сарае, средь мерзости… — теперь ее голос звучал хрипло, и она двигала руками, будто пыталась вытащить их из липкой незримой патоки, — …средь мерзости, которая обступает меня со всех сторон… в полном одиночестве…

Она умолкла и уронила голову на грудь. Лицо у нее было совершенно серым, без кровинки.

Амос медленными широкими шагами двинулся к выходу. Никто не шевелился, и лишь отблески камина продолжали свой бессмысленный танец. Амос распахнул дверь, и в кухню заглянуло огромное, равнодушное лицо ночи.

— Амос!

То был вопль из самой глубины ее сердца, и он ударил Амоса в солнечное сплетение, но тот даже не обернулся, лишь шагнул во тьму — и пропал.

Внезапно из темного угла рядом с мойкой раздался дикий крик. Урк, шатаясь, вышел на середину кухни. Он тащил за собой Мириам,

наемную прислугу.

(Флора разбудила Эльфину, которая задремала, приникнув к ее плечу, и сказала, что начинается следующий акт комедии. Было всего пятнадцать минут четвертого.)

Урк стоял белый как мел. По его подбородку бежала струйка крови. Глаза были озерами боли, в которых искалеченными рыбами метались его несчастные мысли. Он хохотал беззвучным сумасшедшим смехом. Мириам, ни жива ни мертва от страха, вжала голову в плечи.

— Мы с водяными крысами… проиграли, — бормотал он тихо, безжизненно. — Мы разбиты. Мы думали свить для нее гнездышко у Крапивного колодца, как только расцветут баклажаны. А она ушла к нему, грязная лгунья… — Он задохнулся и мгновение силился раздышаться. — Когда ей был час от роду, я кровью водяной крысы начертал на ее бутылочке свой знак. Она была моя, моя… И она ушла… Зачем только я воображал ее моей?..

Он повернулся к сжавшейся от ужаса Мириам.

— Эй, ты! Тогда я возьму в жены тебя. Пусть ты грязная, я возьму тебя, и мы вместе будем валяться в тине. Скоткраддеры живут в «Кручине», сколько она стоит, а теперь будут и Муривеи.

И тут вперед выступила миссис Муривей — до

сих пор она деловито намазывала масло на хлеб в дальнем конце кухни, а теперь уперла руки в боки и шагнула к Урку.

— Кто бы говорил про грязь? Глянь на свои штаны и куртку! Да от тебя твои любимые водяные крысы сбегут! Лучше бы ты меньше общался с водяными крысами, а больше — с мылом и мочалкой!

Неожиданно ее поддержал Марк Скорби, сочувственно подав голос из дальнего конца кухни:

— Да, верно говоришь.

— А тебе не обязательно за него выходить, голубушка, если не хочешь, — продолжала миссис Муривей, поворачиваясь к Мириам. — Ты еще молода, а ему пошел пятый десяток.

— Не важно. Я пойду за него, коли зовет, — весело ответила Мириам. — А ежели мне надоест, что грязный, скажу — помоется.

Урк дико расхохотался, притянул Мириам к себе и яростно поцеловал в губы. Тетя Ада Мрак, задыхаясь от гнева, хотела ударить их «Бюллетенем молокозаводчика», но промахнулась. Тут силы ее оставили, и она осела в кресле.

— Идем, моя красотка, моя горсточка грязи. Я отнесу тебя на Крапивную закраину и покажу водяным крысам! — Лицо Урка раскраснелось

от страсти.

— Как?! Среди ночи? — возмутилась миссис Муривей.

Урк одной рукой взял Мириам за талию и дернул, но не сумел оторвать ее от пола. Он чертыхнулся, встал на колени, обнял ее двумя руками, однако поднять все равно не смог. Тогда Урк ухватил Мириам за плечи и под коленками. Она приникла к нему, и Урк, пошатываясь, осел на пол.

Миссис Муривей неодобрительно прищелкнула языком, а Марк Скорби из угла посоветовал Урку посадить девушку себе на закорки.

Наконец Урк поставил Мириам посреди кухни, отошел на несколько шагов и с разбегу подхватил ее на руки. Марк Скорби, наблюдавший за ним с большим спортивным интересом, распахнул дверь, и Урк со своей ношей выбежал в напоенную свежими ароматами ночь.

Воцарилась тишина.

Дверь медленно качалась на холодном ветру.

Все в кухне, замерев, ждали, когда раздастся грохот, означающий, что Урк упал.

Когда грохот наконец раздался, Марк Скорби закрыл дверь.

Было уже почти четыре. Эльфина снова за-

снула, и все работники, за исключением Марка Скорби, тоже. Алая куча углей в камине то темнела, то разгоралась от сквозняка, которым тянуло из-под двери.

Флора отчаянно хотела спать; она чувствовала себя на пьесе Юджина О'Нила, где действие тянется и тянется часами, пока зрители не вскочат и не потребуют антракта.

Чувствовалось, что забава всем уже порядком надоела. Юдифь, ссутулившись в углу, в мрачной задумчивости смотрела на Сифа из-под ладони. Рувим мрачно ссутулился в другом углу. Цветы живохлебки увядали на глазах. Сиф вытащил из кармана эротический журнал и разглядывал фотографии.

Только тетя Ада сидела очень прямо, устремив глаза вдаль. Ее губы шевелились. Флора, расположившаяся на столе, разбирала бормотание старухи, и оно отнюдь не обнадеживало.

— Они уходят… ушли… Эльфина… Амос… и теперь я одна в сарае… Кто их забрал?.. Я должна знать… должна знать… Эта гадкая девчонка… Дочь Роберта Поста…

Куча догорающих углей, медленно погружаясь в последний сон, бросала тусклые отблески на старческое лицо, придавая ему сходство с камен-

ной резной фигурой в готическом соборе. Ранетта уже некоторое время шаг за шагом приближалась к двоюродной бабке и теперь стояла совсем близко, глядя на нее безумными голубыми глазами.

Внезапно, не поворачиваясь, тетя Ада ударила ее «Бюллетенем молокозаводчика», и Ранетта отскочила обратно в угол.

С венка на угли упал увядший цветок живохлебки.

Было половина пятого.

Вдруг Флора почувствовала, что ей дует в спину. Она с досадой обернулась и увидела прямо перед собой Рувима: тот открыл дверь во двор, почти незаметную за широким выступом камина.

— Уходи — беззвучно прошептал Рувим, — тебе пора спать.

Изумленная и благодарная, Флора тихонько разбудила Эльфину. Обе, не дыша, слезли со стола и на цыпочках прокрались к выходу. Рувим выпустил их наружу и бесшумно притворил дверь.

Они стояли во дворе на пронизывающем ветру. На темно-лиловом небе проступали первые рассветные полосы. Путь к спальням был открыт.

— Рувим, — проговорила Флора; от усталости она еле ворочала языком, но про вежливость не забыла, — ты просто ангел. Почему ты так

поступил?

— Ты убрала старого черта у меня с дороги.

— А… вот почему, — зевнула Флора.

— Да… и я не забываю добра. Теперь ферма точно будет моей.

— Конечно, — дружелюбно ответила Флора. — Представляю, какая это для тебя радость.

В кухне у них за спиной раздались крики. Скоткраддеры принялись ругаться по новой.

Однако из-за чего именно, Флора так и не узнала. Она, засыпая на ходу, поднялась к себе в комнату, кое-как разделась и рухнула на кровать словно подкошенная.

Глава 17

На счастье, следующий день был воскресеньем, так что все могли долго лежать в постели и оправляться от ночных переживаний. По крайней мере так поступили бы в других семьях. Однако Скоткраддеры не походили на другие семьи. Жизнь в них бурлила яростней, так что к семи почти все встали и в той или иной мере занялись делами.

Больше всего дел, разумеется, было у Рувима, который после отъезда Амоса чувствовал себя хозяином фермы; удовлетворенное вожделение медленно пульсировало в его жилах, когда он приступил к ежеутреннему подсчету куриных перьев.

Пру, Сюзанну, Летти, Фебу и Джейн Адам в половине шестого отвез в Воплинг и вернулся как раз к утренней дойке. Он был по-прежнему ошарашен помолвкой Эльфины. В его морщинистых волосатых ушах звучали давно забытые свадебные колокола и обрывки песенок, которые распевали в деревнях до рождения Георга IV:

Цветут рута и чабрец,
Идут девки под венец, —

пел он снова и снова, дергая за вымя Невезуху. Старик видел и в то же время не видел, что у Неряхи отвалилось еще одно копыто.

Рассвет разгорался, превращаясь в погожий весенний день. Дрозды на деревьях разевали клювы, выпуская мягкие, словно вата, облачка звука. Беспокойный год, истерзанный весной своего взросления, почками лопался на живых изгородях, в дубравах, ивняках и омшаниках.

Юдифь сидела на кухне, глядя свинцовым взором на бурливый простор пробуждающейся земли. Ранетта ссутулилась у огня, помешивая неаппетитный джем, который ей внезапно вздумалось сварить. Она не уехала с Адамом и другими женщинами; ее истерзанная душа не хотела принимать их безмолвное сострадание.

Наступил и прошел полдень. Немудрящий обед, приготовленный Адамом, съели (по крайней мере частично) остальные члены семьи. Тетя Ада Мрак сидела у себя в комнате, куда ее в шесть утра отнесли Иеремия, Сиф, Марк Скорби, Кипрей и Сельдерей.

Никто не осмеливался к ней заглянуть. Она сидела одна, ссутуленная, оплывшая, незрячим взором глядя из-под морщинистых век. Ее пальцы безостановочно теребили «Еженедельный

бюллетень молокозаводчика с рекомендациями по содержанию крупного рогатого скота». Она ничего не видела, ни о чем не думала. Голубой весенний воздух тихо барабанил в стекла, затуманенные ее медленным, черепашьим дыханием. По недвижному телу проходили бессильные волны ярости. Иногда с позеленевших губ срывались имена: «Амос… Эльфина… Урк…» Иногда они не срывались, а замирали внутри.

Никто не видел Урка с тех пор, как он умчал в ночь, неся на руках Мириам, наемную прислугу. Все считали, что он утопил ее, а потом утопился сам. Впрочем, кому какое до них дело?

Что до Флоры, в половине четвертого она еще спала и с удовольствием проспала бы до чая, если бы в дверь не постучали и взволнованный голос миссис Муривей не сообщил, что к ней пришли два джентльмена.

— Вы их сюда привели? — сонно спросила Флора.

Миссис Муривей скандализованно ответила, что, конечно, нет; они в гостиной мисс Пост.

— А кто они?.. Я хотела сказать, они представились?

— Один — мистер Клоп, мисс, а другой говорит, что его зовут Босс.

— А, ясно… замечательно. Попросите их подождать, я скоро приду.

И Флора неторопливо начала одеваться. Ей не терпелось увидеть мистера Босса, но она не хотела резко вскакивать с постели, понимая, что это дурно отразится на ее внешности. Что до мистера Клопа, Флора знала, как с ним сладить, и оттого не страшилась его докучности.

Наконец она, свеженькая как огурчик, спустилась в гостиную, где миссис Муривей уже растопила камин. Мистер Босс вскочил, протягивая Флоре обе руки, и воскликнул:

— Ну, ну, ну, дорогуша! Как жизнь молодая?

Флора тепло его приветствовала. Мистер Босс уже побеседовал с мистером Клопом. Тот выглядел довольно жалко, поскольку надеялся застать Флору одну и долго извинялся за вчерашнее, говоря преимущественно о себе. Он еще больше скис, услышав, как мистер Босс обращается к Флоре, но немного послушал их разговор и пришел к выводу, что мистер Босс — милый оригинал и со всеми запанибрата, так что огорчаться не стоит.

По просьбе Флоры миссис Муривей принесла чаю, и вскоре все трое уже уютно сидели в лучах солнца, льющихся из окна в маленькую зеленую гостиную, пили чай и беседовали.

Флора чувствовала себя дремотно и благостно. Она решила непременно показать мистеру Боссу Сифа и тихонько шепнула миссис Муривей, чтобы та прислала его в зеленую гостиную, как только найдет. Однако, кроме этого, ее решительно ничего не заботило.

— Вы ищете английских кинозвезд, мистер Босс? — спросил мистер Клоп, беря пирожок, на который нацелилась Флора.

— Да. Хочу найти себе второго Кларка Гейбла. Хотя вы, наверное, его и не помните. Это было двадцать лет назад.

— Я видел его в Клубе любителей немого кино, в фильме под названием «Порыв страсти», — с жаром произнес мистер Клоп. — Вы хоть что-нибудь знаете о Клубе любителей немого кино и его деятельности?

— Я его куплю, — отвечал мистер Босс, которому мистер Клоп явно не нравился. — Так вот, мне нужен второй Кларк Гейбл. Брутальный жеребец, пахнущий лесом и полем, с голосом, от которого женщины будут млеть. Мне нужна страсть. Алая кровь. Мне не нужны смазливые красавчики. Меня от них мутит, и американских кинозрителей тоже скоро начнет мутить.

— Вы видели фильмы Лимфа? — спросил ми-

стер Клоп.

— Никогда о таком не слышал, — сказал мистер Босс. — Спасибо, дорогуша! — (Флоре, протянувшей ему пирожок.) — Понимаете, мистер Клоп, мы отвечаем перед кинозрителями. Мы должны им дать, что они хотят, но без грязи. И это трудно. Ох как трудно! Мне нужен актер, который даст им, что они хотят, однако так, чтобы им потом не было за себя стыдно.

Он умолк и отхлебнул чаю. Солнечный свет, яркий, как юпитер, озарял каждую морщинку на его обезьяньей мордочке и алую гвоздику в петлице (мистер Босс был щеголь и цветок в петлице менял дважды за день).

— Мне нужен актер, от которого женщины будут без ума. Новый Гэри Купер (хотя кто его теперь помнит?). Чтобы и в смокинге был хорош, и старинным плугом умел пахать. Кстати, в этой поездке я видел уже четыре плуга. И кто у меня есть? Тек Джонс — славный мальчик, на лошади хорошо сидит, но нет в нем мужских флюидов. Валентайн Орло на морду типичный итальяшка, а после того как в сорок втором беднягу Морелли отправили на электрический стул, итальяшки никому не нужны. Хауард Перегрин — британец. Никто не может правильно выговорить его

имя, так что от него тоже проку ноль. Есть Слейк Фаунтин. Мы держим банду крепких ребят и платим им по двадцатке в неделю, чтобы они протрезвляли его по утрам до выхода на площадку. Есть Джерри Баджер, приятный тип, за которого всякий охотно выдал бы младшую сестру, но совершеннейшая пустышка. Совершеннейшая. И что мне с ними делать? Ничего. Надо искать кого-то нового, вот и все.

— А вы хоть раз видели Александра Фина? — спросил мистер Клоп. — Я видел его в последнем фильме Пепэна, «La plume de ma tante»[30], прошлой зимой в Париже. Очень занятная картина. Они там все в стеклянной одежде и движутся под метроном.

— Французик? Они все ростом меньше пяти футов, — отмахнулся мистер Босс. — Мне нужен настоящий бугай, чтобы взял на руки ребенка — и все зарыдали от умиления. Будет еще чашечка, дорогуша?

Флора подлила ему чаю.

— Да, — продолжал он. — Я тоже видел в Париже этот фильм. Редкая дрянь. Впрочем, там много полезных подсказок. Как *не* делать. И с Пепэном

---

[30] Примечания: 30

Перо моей тетушки (*фр.*) — самое избитое сочетание из учебника французского языка для младших классов.

я знаком. У бедняги мозги набекрень.

— Молодежь им восхищается, — дерзко объявил мистер Клоп и глянул на Флору, ожидая ее одобрения.

— Да на здоровьице, — ответил мистер Босс.

— Так ваш интерес к кино чисто коммерческий? Эстетическая сторона вас нисколько не занимает?

— На мне лежит ответственность. Если бы вашему дружку-французику надо было каждый день заполнять места в кинотеатрах на пятнадцать тысяч долларов, он бы придумал что-нибудь получше стеклянных порток.

Мистер Босс умолк и задумался.

— Хотя это мысль. Малый покупает себе смокинг. Потом он наступает на любимую мозоль старому хрычу. А старый хрыч — волшебник. И тот фрукт в смокинге приходит на шикарный прием. И все девушки визжат. А он не видит, что штаны на нем стеклянные — их тот старый хрыч заколдовал. И фрукт в смокинге говорит: «Что за черт?», и все такое. Да, мысль.

Покуда он говорил, в комнату своей кошачьей походкой вошел Сиф и остановился в дверном проеме, вопросительно глядя на Флору. Та улыбнулась в ответ. Американец сидел спиной к входу,

но, заметив улыбку Флоры, полуобернулся, желая понять, кому она адресована.

И увидел Сифа.

Воцарилась полная тишина. Молодой человек стоял в теплых лучах вечернего солнца, так что его выразительные черты были словно залиты золотом. От его небрежной позы веяло бесконечной самоуверенностью здорового животного. Он смотрел на мистера Босса исподлобья и на все сто процентов выглядел собой, то есть сексапильным поганцем. Миллионам женщин предстояло в ближайшие годы узнать, что Сифа можно перенести в валлийский шахтерский поселок, в рыбачью деревню на севере Англии, на американский Дикий Запад и он по-прежнему останется неотразимым провинциальным поганцем.

Стоит ли удивляться, что мистер Босс вскинул руку и хрипло прошептал:

— Это оно, дорогуша! Стоп-кадр!

И Сиф замер, как будто дело и впрямь происходило на съемочной площадке.

Молчание нарушила Флора:

— А, вот и ты, Сиф. Я хотела показать тебя мистеру Боссу. Эрл, это мой кузен, Сиф Скоткраддер. Он очень любит синематограф. Сиф, мистер Босс — продюсер.

Мистер Босс, позабыв обо всем, подался вперед, а когда Сиф лениво процедил: «Очень приятно», вскинул голову и только что не зааплодировал.

— Ну-ну, — произнес мистер Босс, глядя на Сифа так, будто это его обед (и впрямь Сифу предстояло стать его обедами на грядущие годы). — Так ты любишь кино, малыш? Нам с тобой стоит познакомиться поближе. Может, ты и сам хотел бы сниматься?

Мистер Клоп откинулся на спинку стула, выбрал себе пирожок и приготовился наблюдать, как Сифа поднимут на смех. Однако (как все мы знаем) он поставил не на ту лошадь.

Молодой человек оскалился и отступил на шаг. Мистер Босс чуть не захлопал себя по коленкам, видя, как все переживания Сифа по-детски отражаются на его лице.

— Нет, нет, я не шучу, — ласково произнес он. — Я серьезно. Хотел бы ты сниматься в кино?

Из горла у Сифа вырвался громкий вопль. Мистер Клоп упал вместе со стулом и подавился пирожком, но никто этого не заметил. Все смотрели на Сифа. Лицо его озарилось ликованием, и он медленно, сбивчиво проговорил:

— Больше всего на свете!

— Разве не блеск? — произнес мистер Босс и

гордо глянул по сторонам, ожидая поддержки. — Он хочет стать кинозвездой, я хочу сделать его кинозвездой. Обычно бывает наоборот. А теперь, дорогуша, беги собирать вещички. Успеем на восьмичасовой трансатлантический самолет из Брайтона. Хотя погоди, как насчет твоих родных? Мамашу надо успокоить?

— Я сейчас все объясню, Эрл, — сказала Флора. — А ты, Сиф, иди собирать чемодан. Не забудь теплое пальто — вы же полетите на самолете, а в воздухе бывает поначалу холодно.

Сиф молча вышел, а Флора рассказала мистеру Боссу про обстановку в семье Скоткраддеров.

— Значит, бабка вцепится в него когтями? Отлично, значит, нам просто надо уехать незаметно. А бабке скажи, пусть не переживает — мы пришлем ей пять тысяч баксов с первой же картины. Ну, дружище! — И он стукнул по спине мистера Клопа, который все еще давился пирожком. — Я нашел его! Нашел! Как, ты сказала, его имя? Сиф? Да… Впрочем, пойдет! Непохоже на других. Погодите, пока я наряжу его в смокинг! Погодите, пока я начну его раскручивать. Надо отыскать новый ракурс… Дайте-ка подумать… Может, он будет робкий?.. Нет, бедняга Чарли Форд заездил этот трюк до смерти… Может, он ненавидит жен-

щин?.. Да, точно! Ненавидит женщин и кино. Всем сердцем. Да, на это они клюнут. Нет, теперь меня ничья бабка не остановит.

Глава 18

Когда Сиф вернулся в лучшей шляпе, пальто и с чемоданчиком, все двинулись к дверям. Авто мистера Босса ждало во дворе. Продюсер крепко держал Сифа за локоть, словно боялся, что тот передумает.

Его опасения были напрасны. Лицо Сифа уже приняло обычное скучающе-ленивое выражение. Конечно, он станет кинозвездой. Первое потрясение прошло, и теперь он хотел выглядеть так, будто не видит в происходящем ничего удивительного. Самовлюбленность не позволяла ему выказать бурлящую в сердце радость. Однако она бурлила темно-золотистым ключом под маской внешнего равнодушия.

Все шло как по маслу, и они уже стояли возле автомобиля (Флора хлопала по спине мистера Клопа, который по-прежнему не мог откашляться), когда раздался зловещий скрип открываемого окна, и в тихом вечернем воздухе надтреснутый голос сообщил, что видел нечто мерзкое в сарае.

Все подняли голову, Флора — с некоторым страхом.

Разумеется, это была тетя Ада Мрак. Окно ее комнаты располагалось над дверью кухни. Старуха, тяжело опершись руками на подоконник, высунулась наружу. За левым плечом у нее маячила другая фигура, в которой Флора по грязным волосам узнала Юдифь. Еще одна фигура маячила за правым плечом. Исключительно по женской интуиции Флора угадала в ней Ранетту.

— Господи, — испуганно зашептала Флора. — Уезжайте скорее!

— Это бабка? — спросил мистер Босс. — А что за платиновая блондинка позади нее? Запрыгивай, дорогуша, — он втолкнул Сифа в авто, — нам надо успеть на самолет.

— Сиф! Сиф, куда ты? — с рыданиями возопила Юдифь.

— Я видела в сарае нечто мерзкое! — взвизгнула тетя Ада Мрак, потрясая остатками «Бюллетеня». — Мой внучек! Мой маленький! Не оставляй меня! Я сойду с ума! Я этого не вынесу!

— Заткнись, дура! — пробормотал мистер Босс, затем повернулся к окну и, вежливо взмахнув рукой, крикнул: — Здравствуй, дорогуша! Как жизнь молодая?

— Сиф! Не уезжай! — пронзительно выла Юдифь. — Не бросай свою мамочку! И сейчас

начнется луковая страда! Без тебя нам ее не осилить!.. Останься!

— Я видела в сарае нечто мерзкое!

— А оно тебя видело? — спросил мистер Босс, запрыгивая к Сифу в авто. Мотор взревел, и шофер начал выезжать из двора.

— Понимаю, дорогуша, тебе тяжело! — кричал мистер Босс, высунувшись из машины и глядя на тетю Аду. — И сочувствую! Но пойми, дорогуша, такова жизнь. Ты живешь сейчас. А насчет сараев… это было модно во времена «Молодого Вудли»[31]. Уважаю чувства бабушки к внуку, но просто не могу его отдать. Он пришлет тебе пять тысяч баксов со своей первой картины.

— Счастливо! — проговорил Сиф, и Флора ответила на его снисходительную улыбку своей дружеской.

Она проводила взглядом отъезжающий автомобиль. Сиф отправлялся в Страну грез, в Страну вечной молодости и глупости, в Голливуд. У него не осталось шансов стать обычным приятным молодым человеком: он превратится в прославленную на весь мир раздутую личину.

Следующий раз Флора увидела его через год,

---

[31] Примечания: 31

Фильм «Молодой Вудли» по одноименной пьесе Джона ван Друтена был снят в 1928 г. как немой, а в 1930 г. озвучен теми же актерами.

когда эта личина улыбнулась ей из дремотного полумрака с огромного серебристого экрана. «Сиф Скоткраддер в “Провинциальном шейхе!”». Уже сейчас, когда машина выруливала на дорогу, он был нереален, как Ахиллес.

— Сиф… Сиф…

Авто свернуло за холм и пропало из виду.

Рыдания по-прежнему дрожали в воздухе, словно натянутая проволока. Оставались долгие часы до того, как звезды начнут свой идиотический танец меж печных труб, и женщинам нечем было заполнить это время, кроме как воплями.

Тетя Ада уже отошла от окна. Юдифь билась в истерике. Флора машинально похлопывала по спине мистера Клопа (который все еще кашлял и задыхался) и приговаривала: «Ничего, ничего», думая, не надо ли подняться к тете Аде и внести в общее безумие чуточку высшего здравого смысла.

Но нет, время для этого еще не пришло.

Из раздумий Флору вывел мистер Клоп, который увернулся от очередного похлопывания и, проговорив: «Спасибо, кхек, все, кхек, уже хорошо», отправился раздражающе кашлять в другой угол двора.

Внезапно кашель умолк. Мистер Клоп смотрел

в окно тети Адиной спальни, из которого внезапно выглянула Ранетта и теперь с тоской смотрела в вечернее небо.

— Кто это? — тихо спросил мистер Клоп.

— Ранетта Скоткраддер, — ответила Флора.

— Какое удивительное лицо, — прошептал мистер Клоп, не сводя глаз с окна. — Какое оно хрупкое, заячье… Чувствуете? — Он повел в воздухе пальцами. — У него такое дикое выражение, которое бывает иногда у новорожденных левреток. Жалко, Копоткин ее не видит. Ему бы захотелось запечатлеть эти черты в гипсе.

Ранетта тоже смотрела на мистера Клопа. Флора подумала, что будет замечательно, если мистер Клоп увезет ее на Фицрой-сквер и введет моду на зайцеподобных красавиц… только надо прежде убедиться, что он будет добр к Ранетте и станет ей хорошим мужем. Впрочем, почему бы нет. Ранетта очень домашняя. Она будет чинить мистеру Клопу одежду (чего никто раньше не делал: все его прежние подруги замечательно вышивали, но никогда ничего не штопали), готовить вкусную питательную еду и вообще окружит его такой любовью и заботой, что он накрепко к ней привяжется.

От этих планов Флору вновь отвлек мистер

Клоп. Он прошел через двор, встал под окном и крикнул Ранетте:

— Эй! Хочешь со мной прогуляться?

— Как… прямо сейчас? — робко уточнила Ранетта. Никто прежде не звал ее на прогулки.

— А почему бы нет? — Мистер Клоп по-мальчишески запрокинул голову и расхохотался. Флоре снова подумалось: как жалко, что он такой толстый.

— Я должна спросить кузину Юдифь, — ответила Ранетта, робко оглядываясь на темную комнату, и пропала из виду.

Мистер Клоп стоял очень довольный собой. Флора видела, что именно так он представляет себе любовь. Все ее друзья-интеллектуалы считали, что чувство должно возникать спонтанно. Вы смотрите на девушку, замечаете, что она милая, веселая и естественная, провожаете ее из гостей (желательно через Хемпстед в три часа ночи) и по пути обсуждаете, не стоит ли вам переспать. Иногда вы приглашаете ее поехать с вами в Италию. Иногда она предлагает вам поехать с нею в Италию (желательно в Портофино). Вы держитесь за руки, смеетесь, целуетесь и говорите о любви. Восемь месяцев вы ее любите, потом встречаете другую, замечаете, какая она милая и веселая, и

все начинается сначала: ночные прогулки через Хемпстед, Портофино и так далее.

Все очень мило, весело и естественно.

Так или иначе, у Флоры возникло чувство, что события в «Кручине» развиваются чересчур быстро. Она еще не оправилась от вчерашней поверки (неужели это было только вчера? кажется, что год назад!) и ухода Амоса, а уже и Сиф уехал, и мистер Клоп влюбился в Ранетту, так что наверняка ее увезет.

Такими темпами на ферме скоро никого не останется.

Внезапно ее потянуло в сон. Флора решила пойти в свою маленькую зеленую гостиную и до ужина почитать у камина. Она пожелала мистеру Клопу удачной прогулки и заметила между делом, что Ранетте тут живется довольно погано и немного веселой естественности в духе Фицрой-сквер будет ей очень кстати.

Мистер Клоп ответил, что все понял, и попытался (безуспешно) взять Флору за руку. Теперь, увидев Ранетту в окне, он чувствовал, что их с Флорой односторонний роман позади и надо произнести какие-то подобающие прощальные слова.

— Мы ведь расстаемся друзьями? — спросил

он.

— Конечно, — вежливо ответила Флора. Она не сочла нужным объяснять, что не считает друзьями всех, с кем знакома чуть больше месяца.

— Надо как-нибудь пообедать вместе в Лондоне.

— Это будет замечательно, — согласилась Флора, думая про себя, до чего это было бы тоскливо.

— В вас есть что-то… — Мистер Клоп, глядя на нее, повел в воздухе пальцами. — Некая отрешенность нимфы… неразбуженность. Мне хочется когда-нибудь написать о вас роман и назвать его «Девственность».

— Напишите, если это поможет вам скоротать время, — сказала Флора, — а сейчас, боюсь, мне все-таки надо идти писать письма. До свидания.

По пути в гостиную она встретила Ранетту, которая спускалась по лестнице, одетая для прогулки. Флоре хотелось спросить, как тетя Ада ее отпустила, но Ранетта слишком торопилась. Она пулей пролетела мимо Флоры. Лицо у нее было насмерть перепуганное.

Флора с невероятным облегчением опустилась в зеленое кресло у камина. Милейшая миссис Муривей убирала со стола чайную посуду.

— Мисс Эльфина просила передать вам привет,

мисс Флора, и сказать, что она на полтора месяца перебирается в Окотень-Холл. Мистер Дик заехал за нею перед обедом на своем авто. Такой симпатичный молодой человек, не правда ли?

— Правда. Так она уехала! Чудесно. Теперь семья сможет немного успокоиться и пережить мысль о будущей свадьбе. А где Урк? Правда ли он утопил Мириам?

Миссис Муривей фыркнула.

— Где ему! Силенок не хватит! Нет, он у нас дома, играет с малышней.

— Неужели?.. С джаз-бандом? Я хотела сказать, с детьми Мириам?

— Да. Катает их на спине и называет себя водяной крысой (вот ведь мерзость!). Слышали бы вы, как Ирод ругался, когда узнал, что она выходит за Скоткраддера! Я думала, от его крика у нас крыша слетит.

— Так она правда за него выходит? — спросила Флора, лениво откидываясь в кресле, чтобы с удовольствием посплетничать.

— Надеюсь, мисс Пост. Не говорю, будто между ними было что-нибудь неподобающее. Да и не будет, пока они не поженятся честь по чести. Ирод уж проследит.

— А что старая миссис Скоткраддер говорит про

женитьбу Урка?

— Сказала, как всегда, что видела нечто мерзкое. Если бы мне давали по шесть пенсов за все мерзкое, что я видела, служа в «Кручине», я бы уже могла ее купить. Хоть она мне даром не нужна, если на то пошло.

— А вы не знаете, что она на самом деле видела? — спросила Флора.

Миссис Муривей, складывавшая скатерть, на миг замерла и пристально глянула на Флору, однако ответила лишь, что нет, не знает, и Флора не стала допытываться дальше.

— Я слышала, что и Сиф уехал, — заметила миссис Муривей. — Ох, ну и бесится же его мать, наверное.

— Да, он уехал в Голливуд и станет киноактером, — сонно ответила Флора.

— Туда ему и дорога, — сказала миссис Муривей. — Будет мне что порассказать Ироду, как вернусь домой.

— Так Ирод любит послушать сплетни?

— Если это не что-нибудь гадкое. Если гадкое, обязательно принимается ругаться да бушевать. Ладно, побегу кормить его ужином. Доброй ночи, мисс Пост.

Флора просидела остаток вечера в тишине и до-

вольстве, а в десять ушла спать. Ее уверенность, что все идет как надо, подкрепила открытка, пришедшая с девятичасовой почтой.

Открытка изображала Кентерберийский собор, на штемпеле стояло «Кентербери», а текст гласил:

Хвала Господу! Сегодня я проповедовал слово Божье на ярмарочной площади перед многотысячной толпой. Теперь собираюсь арендовать автофургон «форд». Если Иеремия хочет быть у меня шофером, пусть едет со мною во славу Божию (то есть без жалованья). Хвала Господу! Пришлите мои фланелевые рубашки. Всех люблю и целую,

А. Скоткраддер.

Глава 19

После отъезда Сифа жизнь на ферме вошла в обычную колею. Флора отдыхала после утомительных недель, когда она муштровала Эльфину, и после бурных потрясений, связанных с освобождением Амоса и Сифа от семейного гнета.

Первого мая одним махом наступило лето. Деревья за ночь покрылись листвой; из-за живых изгородей вечерами доносилось: «Нет, Джон» и «Не надо, дорогой» — соблазняемых деревенских девушек.

***На ферме жизнь бурлила и пенилась весенними соками. Бесстыдное воркование голубей жирными мазками ложилось на полотно нагретого воздуха, так что казалось, сама атмосфера покрыта толстой патиной любви. Ярко-желтая нота петушиного крика замирала, рассыпаясь легкими перистыми отголосками. Воротила победно ревел на лугу. Анютины глазки в робкой неге раскрывались чувственным солнечным лучам и стрелам дождя. Мотыльки, сцепившись в бессмысленных объятиях, самозабвенно кружили, отматывая свой краткий срок жизни.

Первые майские лучи проникали в комнату, где безмолвно лежала Юдифь, и гасли в пыльном воздухе. Черные мухи монотонно жужжали, эгоистично выписывая у нее над головой идиотические круги, шумные и бессмысленные, как сама жизнь, и это жужжание пронизывало тьму ее бытия алой паутиной боли. Каждую из двухсот фотографий Сифа его мать укрыла черной креповой занавесочкой и, покончив с этим занятием, легла обратно. Ради чего теперь жить? Ответом на вопрос было жужжание мух над умывальным тазом с грязной водой, в которой плавал одинокий черный волос.

И волос тоже был бессмысленным, как сама жизнь.

Старая хозяйка тоже не выходила из своей комнаты. Она сидела у огня, бледного и прозрачного в ярком солнечном свете, и по временам бормотала себе под нос. Тьму ее бытия озаряли вспышки ненависти. Старуха чувствовала, как наглое летнее тепло припекает окна и манит Скоткраддеров прочь. Где Амос? Солнечный свет глумился над ее вопросом. Где Эльфина? И в ответ — бесстыдное курлыканье голубей. Где (самая острая, самая нестерпимая боль) Сиф? Она даже не знала, куда он уехал и зачем. Миссис Муривей

сказала, что он теперь будет в каких-то лентах. Неужели миссис Муривей спятила? Неужели все спятили — все, кроме тебя, сидящей в одиночестве, в старом оползающем здании твоего тела? А Урк говорит, что женится на кухонной девке, Мириам, и открыто насмехается над тобой, когда ты говоришь, что не допустишь этого брака; бренчит в кармане тремя шиллингами и шестью пенсами, полученными от Бодягширского скорняка за шкурки водяных крыс.

Эта комната — твоя цитадель. Снаружи мир, тщательно выстроенный тобою за двадцать лет, крошится и рассыпается на куски.

А все она, дочь Роберта Поста. Зло, причиненное ее отцу, вернулось сторицей, как возвращаются проклятия на головы тех, кто их извергает. Это она вливает яд в уши твоих близких, и они уходят один за другим. Они все уйдут: Юдифь, Иеремия, Ездра, Кипрей, Сельдерей, Анания, Азария и Адам Мухинеобидит. А когда это случится… ты останешься одна… наконец-то… одна в сарае.

Флора чудесно проводила время.

Стояла вторая неделя мая, и погода все еще держалась превосходная. Рувим, на которого теперь все смотрели как на хозяина фермы, тут же взялся за ее переустройство (к большой радости Флоры).

Он спросил кузину, не поедет ли она с ним в Бодягшир за удобрениями, новыми жерновами и всем таким. Флора ответила, что совершенно не разбирается в жерновах, но готова попробовать. Итак, в одну прекрасную среду они тронулись, вооруженные «Международным справочным руководством прогрессивного фермера», который издали русские друзья Флоры, живущие в Западном Кенсингтоне.

— Где ты добыл деньги на все эти замечательные жернова? — спросила Флора, когда они, купив все запланированное, перекусывали в «Свекольной грядке».

— Украл, — просто ответил Рувим.

— У кого? — спросила Флора. Ей надоело изображать, будто она шокирована, и просто хотелось услышать ответ.

— У бабушки.

— Что ж, по-моему, очень разумно. А как тебе это удалось? Ты вытащил деньги у нее из чулка?

— Нет. Когда мы продавали дюжину яиц, я записывал, что продали два, и так почти пять лет. Я еще пять лет назад положил глаз на эти жернова, так что все продумал.

— Ты гений. Просто гений, — сказала Флора. — Даже страшно думать, как ферма расцветет, если

ты будешь продолжать в том же духе.

— Да, и если старый черт не вернется, — с сомнением произнес Рувим. — Скажем, решит, что Америка слишком далеко, и не в его возрасте туда ехать.

— Вряд ли, — твердо сказала Флора. — Мне кажется, он настроен весьма целеустремленно.

И она (десятый раз за сегодняшнее утро) извлекла из сумочки открытку с изображением Линкольнского собора, гласившую:

Хвала Господу! Я отправляюсь проповедовать слово Божье американским язычникам вместе с преподобным Элдерберри Шифтглассом из Чикаго. Хвала Господу! Пусть Рувим забирает развалюху себе. Пришлите чистые носки. Всех люблю и целую, кроме Иеремии.

А. Скоткраддер.

— Да, мне кажется, тут все очень определенно, — заметила Флора. — Жалко, он написал «развалюху» вместо «ферму», но если возникнет какое-нибудь недоразумение, всегда можно будет подчистить и вписать. Я бы на твоем месте не беспокоилась.

И они, отбросив все тревоги, доели яблочный пирог. Поднося ко рту последнюю ложку, Рувим неожиданно замер и спросил, глядя на Флору:

— Ты ведь не выйдешь за меня замуж, кузина Флора?

Флора была очень растрогана. За последние две недели она прониклась к Рувиму самыми добрыми чувствами и поняла, что тот стоит десятка других мужчин-Скоткраддеров. Он оказался милым, добрым, готовым учиться у всякого, кто поможет ему улучшить ферму. И он не забыл, что именно Флора подала Амосу мысль отправиться в проповеднический тур — мысль, которую Рувим подогревал в отце, так что тот в конце концов последовал совету Флоры и уехал, оставив ферму старшему сыну.

Она протянула руку через стол. Рувим оторопело взял ее пальцы в свои и уставился на них. Левой рукой он по-прежнему держал у рта вилку, на которой подрагивал кусок яблочного пирога.

— Ой, Рувим, как это мило с твоей стороны, но, боюсь, ничего не выйдет. Подумай сам, какая из меня фермерская жена.

— Ты мне нравишься такой, какая есть, — упрямо отвечал Рувим.

— Спасибо. И ты мне тоже. Однако, честно, я тебе не гожусь. Тебе куда лучше подойдет Нэнси Марка Скорби, и пользы от нее в хозяйстве будет гораздо больше.

— Ей еще и пятнадцати нет.

— Вот и хорошо. За три года ферма расцветет так, что ты сможешь предложить молодой жене достойный дом.

Сердце у Флоры дрогнуло при мысли, что2 тетя Ада скажет об этом браке, однако у нее уже зрела мысль разобраться со старой кровопийцей. Кто знает, может быть, через три года тети Ады на ферме уже не будет!

Рувим по-прежнему в задумчивости смотрел на Флорину руку.

— Да, — медленно проговорил он. — Наверное, мне и впрямь стоит жениться на Нэнси Марка Скорби. Мои куры уже два года обеспечивают ее кукол перьями для шляпок. Только справедливо, если она в конце концов получит и самих кур.

И Рувим, выпустив руку Флоры, сунул в рот последний кусок пирога. Незаметно было, чтобы он обиделся или огорчился, так что домой они ехали в уютном дружеском молчании.

Эльфина гостила у Кречетт-Лорнеттов уже вторую неделю, и Флора дважды заходила туда на чай. Миссис Кречетт-Лорнетт очень привязалась к Эльфине и говорила, что та «милейшая девочка; немножко умничает, но все равно милейшая девочка». Флора наедине поздравила Эльфину

с успехом и посоветовала ей пореже говорить о Мари Лорансен и Перселле; цель достигнута, теперь главное не пересолить.

Свадьбу назначили на четырнадцатое июня. Миссис Кречетт-Лорнетт решила, что молодые будут венчаться в очаровательной Воплингской церкви. Затем она огорошила Флору предложением устроить прием в «Кручине».

— Туда из Воплинга гораздо ближе, чем к нам, не так ли?

— Ой, — проговорила Флора, поймав затравленный взгляд Эльфины. — Не уверена, что это будет уместно. Старая миссис Скоткраддер очень нездорова. Э… шум будет ей мешать.

— Ей необязательно спускаться к гостям. Можно отнести кусок свадебного пирога в ее комнату. Да, я уверена, что так будет лучше для всех. На ферме есть большая комната, Флора?

— Несколько, — слабым голосом выговорила Флора, представляя эти комнаты.

— Отлично. Как раз то, что надо. Я сегодня же вечером напишу старой миссис Скоткраддер.

И миссис Кречетт-Лорнетт (которой очень хотелось спихнуть хлопоты на семейство Эльфины) ловко сменила тему.

Над головой нависла новая опасность. Воисти-

ну (думала Флора, пока шофер Кречетт-Лорнеттов вез ее на ферму в огромном «рено») ей до конца жизни не распутать весь клубок проблем — только пристроишь одного члена семьи, возникает следующая угроза, и надо все начинать по новой.

Впрочем, с тех пор как Рувим взял хозяйство в свои руки, дела заметно пошли на лад. Жалованье выплачивали в срок. В комнатах иногда подметали, иногда даже мыли полы. И хотя тетя Ада по-прежнему дважды в неделю проверяла все амбарные книги, Рувим завел собственные, куда вписывал реальную выручку. В том, что давали тете Аде, не было ни одной верной цифры.

Старуха не выходила из комнаты с той самой памятной ночи; Иеремия, Ездра и другие Скоткраддеры поспешили этим воспользоваться. Кроме того, их очень вдохновил отъезд Эльфины, Сифа и Амоса. Оказалось, что тетя Ада, как все мы, просто человек.

Итак, они велели Пру, Летти, Джейн, Сюзанне и Фебе, не говоря уже о Ранетте, переехать в «Кручину» и вместе со своим нехитрым скарбом расположиться в пустых комнатах, как можно дальше от тети Ады.

Теперь они все жили здесь и постоянно соба-

чились. Куда бы Флора ни шла, ей обязательно попадалась сердито квохчущая курица в ситцевом платье. Миссис Муривей говорила, что от этих старых склочниц ей все время хочется сбежать домой — к Урку, Мириам и водяным крысам.

Так что в целом жизнь на ферме стала для Скоткраддеров куда лучше прежней, и за это они должны были благодарить Флору.

Однако сама Флора не собиралась складывать руки.

Возвращаясь домой в роскошном автомобиле Кречетт-Лорнеттов, она думала, сколько всего предстоит исправить в «Кручине», прежде чем ферма достигнет состояния, которое удовлетворило бы аббата Фосс-Мегре.

Оставалась Юдифь. Оставался старый Адам. И — главное и самое трудное! — оставалась тетя Ада.

Флора решила, что следующим пунктом ее программы будет Юдифь. Та уже довольно пролежала в комнате с закрытым окном. Дважды миссис Муривей спрашивала, не пора ли пойти туда убраться, и оба раза Флора вынуждена была ответить, что время еще не пришло. Однако с Юдифью пора было что-то делать.

Вечернее солнце расчертило коридор яркими тигровыми полосами. Дверь в комнату Юдифи была закрыта и казалась ладонью, прижатой к тишине коридора. Флора громко постучала, подождала несколько секунд — никакого ответа, лишь равнодушная тишина. «Что ж», — подумала Флора и, повернув ручку, вошла внутрь.

Юдифь, склонившись над умывальным тазом, полоскала одну из двухсот креповых занавесочек, которыми закрыла фотографии Сифа.

**Отрешенные глаза Юдифи бороздили пыльный воздух между нею и гостьей. То были не глаза, а зияющие дыры между нависающими балконами бровей и бескровными стенами щек. Из их недвижности балками выступало горе, и на этих балках, как белье на ветру, трепетали обрывки бессильного страдания.

— Кузина Юдифь, не хочешь ли завтра поехать со мной в Лондон? — весело спросила Флора. — Я собралась за покупками, а заодно пообедать с одним милейшим австрияком, доктором Мёделем из Вены. Я буду очень рада, если ты ко мне присоединишься.

Смех Юдифи напугал даже беспечных мух, круживших у нее над головой, и они на мгновение перестали жужжать.

— Я не жилица на этом свете, — просто проговорила Юдифь и бессильно уронила руки. — Видишь — занавесочка пропылилась. Ее надо сполоснуть.

Флора не стала говорить, что мочить пыльную вещь в тазу — только грязь размазывать. Она сказала лишь, что едет завтра поездом в 10.30 и просит Юдифь быть готовой к девяти.

— Я уверена, тебе в Лондоне понравится. Нельзя все время сидеть взаперти. Это… э… огорчает всех нас до крайности. Я хочу сказать, такие чудесные дни. Жалко тратить их попусту.

— Все мои дни пусты, — отрешенно проговорила Юдифь. — И сама я пуста. Высохшая кожура… корка… шелуха. Зачем я нужна теперь, когда он уехал?

— Не стоит об этом думать, — ласково ответила Флора. — Просто настройся, что мы едем проветриться.

И до ухода она смогла вытянуть из кузины смутное полуобещание быть завтра готовой к девяти утра. Юдифи было все равно, что происходит, лишь бы от нее не требовали говорить, и Флора воспользовалась этим безразличием, чтобы навязать кузине свою волю.

Выйдя от Юдифи, она отправила Адама в Воп-

линг с телеграммой следующего содержания:

ГЕРРУ ДОКТОРУ АДОЛЬФУ МЕДЕЛЮ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ПСИХОАНАЛИЗА

УАЙТХОЛЛ

ИНТЕРЕСНЫЙ СЛУЧАЙ ДЛЯ ВАС ТЧК НЕ МОГЛИ БЫ ВЫ ПООБЕДАТЬ НАМИ ГРИМАЛЬДИ ЧАС ПЯТНАДЦАТЬ ЗАВТРА СРЕДУ ВПР КАК МАЛЫШ ВПР ЦЕЛУЮ Ф ТЧК ПОСТ

И в девять часов вечера, когда Флора сидела у раскрытого окна в своей маленькой гостиной, вдыхала аромат боярышника и писала Чарлзу, Нэнси (дочь Марка Скорби) принесла ей телеграмму, гласившую:

КОНЕЧНО УДОВОЛЬСТВИЕМ ТЧК МАЛЫША ОТЧЕТЛИВАЯ ПАРАНОЙЯ ЗПТ НЯНЬКА ГОВОРИТ ДЛЯ ВОСЬМИ МЕСЯЦЕВ СОВЕРШЕННО НОРМАЛЬНО ЗПТ ОНА РАЗБИРАЕТСЯ КУДА ЛУЧШЕ МЕНЯ ЗПТ НАСТОЯЩЕЕ СОКРОВИЩЕ ТЧК ЖДУ ВСТРЕЧИ ТЧК КАК ПОГОДА ВПР АДОЛЬФ

Глава 20

Вылазка в Лондон прошла замечательно, хотя и не без мелких неприятностей. Например, волосы Юдифи рассыпались каждые несколько минут, и Флора должна была всякий раз заново подкалывать их шпильками, да еще и отвечать на сочувственные вопросы попутчиков, у которых периодические возгласы Юдифи, называвшей себя то «пустой скорлупкой», то «сухой лузгой», вызывали понятный интерес.

Однако все эти неприятности остались в поезде. Теперь Флора вместе с Юдифью и доктором Мёделем сидела за тихим столиком у окна в «Гримальди» и наблюдала, как доктор берет дело в свои руки. Его тяжелая обязанность как государственного психоаналитика состояла в том, чтобы переключать любовь пациентов с недолжных предметов на себя — временно, разумеется. При первой же возможности он переносил их привязанность на что-нибудь безобидное вроде шахмат или садоводства. Но покуда их любовь была направлена на него, доктору Мёделю приходилось туго, так что он честно отрабатывал каждый

пенни из восьмисот фунтов годового жалованья, которое платило ему заботливое правительство.

Глядя, как Юдифь, словно дремлющий вулкан, разгорается темным пламенем, Флора восхищалась опытом и умением врача, сумевшего произвести эту перемену за время недолгого светского разговора.

— Теперь все будет хорошо, — шепнул он Флоре в конце ленча, пока Юдифь задумчиво смотрела в окно на оживленную улицу. — Мы поедем в клинику и побеседуем. Там она пробудет месяцев шесть, а затем я отправлю ее отдыхать за границу. Я думаю, не заинтересовать ли ее старинными церквями. Да, хорошая мысль. Их в Европе столько, что хватит на целую жизнь. Деньги у нее есть? Чтобы осмотреть все старинные церкви в Европе, нужны деньги. Есть, говорите? В таком случае все замечательно. Не тревожьтесь за нее. Она будет вполне счастлива… Да, жалко, столько энергии, и вся направлена внутрь. Я обращу ее наружу… на старинные церкви. Да.

Флоре стало чуточку не по себе. Она и раньше видела, как пациент успокаивается, послушный воле психотерапевта, но привыкнуть к этому так и не смогла. Будет ли Юдифь и впрямь счастлива? Безусловно, она уже и сейчас выглядела другой.

Ее взгляд следил за каждым движением доктора Мёделя, когда тот расплачивался с официантом; Флора никогда еще не видела у кузины такого живого и осмысленного выражения.

— Как я поняла, вы остаетесь на какое-то время с доктором Мёделем, кузина Юдифь? — спросила она.

— Он меня пригласил. Он очень любезен… В нем есть темная сила, — ответила Юдифь. — Он гудит… как черный гонг. Неужели ты не чувствуешь?

— Не всем нам одинаково везет, — весело сказала Флора. — Тебе и впрямь стоит поехать с ним. Отдохнуть после… после всего, что произошло на ферме. Ты взбодришься, и все такое. А потом сможешь развеяться за границей, посмотреть достопримечательности — старинные церкви и тому подобное. О ферме можешь не беспокоиться. Рувим отлично о ней позаботится и будет каждый месяц присылать тебе деньги на развлечения.

— Амос… — прошептала Юдифь. Чувствовалось, что нити, связывающие ее с прошлым, рвутся одна за другой, но все еще держат.

— Я бы из-за него не тревожилась, — бодро заметила Флора. — Он наверняка уже в Америке с преподобным Элдерберри Шифтглассом. Когда

соберется назад, известит. Не думай о нем. Радуйся жизни, пока молода.

Очевидно, именно этим и собиралась заняться Юдифь. Усаживаясь в авто доктора Мёделя, она выглядела совершенно преображенной и обновленной. Даже если сделать скидку на ее привычку раздувать любые свои переживания втрое, надо было признать, что она чуточку повеселела.

На прощание Флора пообещала проследить, чтобы в клинику отправили три грязные красные шали и мешочек ржавых шпилек (весь гардероб Юдифи), а также деньги на ближайшие шесть месяцев. Она ничуть не сомневалась, что доктор Мёдель распорядится ими разумно.

Итак, одной заботой стало меньше, и Флора, провожая глазами докторский автомобиль, чувствовала самую искреннюю радость.

С такой же радостью и еще каким-то чувством, подозрительно напоминающим нежность, она, возвращаясь со станции, увидела впереди очертания фермы «Кручина».

Был чудесный теплый вечер. Лучи солнца, как часто бывает летом в предзакатное время, тяжелыми золотыми стержнями пробивались через зеленые туннели листвы. Ни облачка не было в темнеющем небе, и тени, наползавшие из

леса, придавали всей округе какую-то особенную мягкость.

Сама ферма уже не походила на зверя, изготовившегося к прыжку. Впрочем, у Флоры, не имевшей обыкновения видеть сходство там, где его нет, такого сравнения не возникало и раньше. Просто ферма выглядела грязной, унылой и жалкой, и, когда мистер Клоп заметил, что она точь-в-точь изготовившийся к прыжку зверь, у Флоры не хватило духу возразить.

Теперь дом не выглядел унылым и жалким. Чисто вымытые окна горели закатным золотом, почти на каждом висела крахмальная клетчатая занавеска. Двор вымели, и какой-то заботливый человек (а именно Ездра, носивший в сердце тайную страсть к сельскому хозяйству) прополол и окучил огород, так что теперь там стройными рядами цвели бобы.

«Я, — просто подумала Флора, глядя из тарантаса на дом, — сделала это своим маленьким топориком»[32]. И радость раскрылась в ее сердце, словно цветок.

---

[32] Примечания: 32

Намек на историю из детства Дж. Вашингтона. Маленькому Вашингтону подарили игрушечный топорик, и он, играя, срубил любимую вишню отца. Разгневанный отец строго спросил, кто срубил вишню, и Джордж, несмотря на боязнь наказания, честно ответил: «Это сделал я своим маленьким топориком».

Однако, глянув на глухо закрытое окно прямо над кухней, Флора вновь помрачнела. Комната тети Ады. Тетя Ада, душа «Кручины», загнана в угол, но не смирилась. Так может ли она, Флора, поздравлять себя с победой и думать, что работа почти завершена, если тетя Ада Мрак по-прежнему вынашивает неведомые планы у себя в башне?

— Ваш ужин на столе, милочка, — сказала миссис Муривей, распахивая ворота, чтобы Рувим мог завести Аспида во двор. — Холодное мясо и салат. Я ухожу домой. Да, и еще бланманже. Розовое.

— Чудесно! — со вздохом удовольствия проговорила Флора, выбираясь из тарантаса. — Спасибо, миссис Муривей. Мисс Юдифь сегодня не вернется, она какое-то время пробудет в Лондоне. Тут все было хорошо?

– *Она* бормотала что-то ужасное про отъезд мисс Юдифь. — Миссис Муривей понизила голос и покосилась на закрытое окно. — Мол, теперь она точно одна в сарае. Сказала, что Рувима не считает. Ну понятно, не считает, он ведь самый лучший из всех. Хотя, надо отдать ей должное, кушала она хорошо. На обед съела три порции мяса и две — пудинга. Каково? Впрочем, что болтать

попусту? Доброй ночи, мисс Флора. Буду здесь завтра ровно в восемь.

И она ушла.

В кухне на столе уже горела лампа, озаряя свежие розы в банке из-под джема. К банке кто-то прислонил письмо от Чарлза, и на конверте лежали тяжелые, круглые тени роз. Это было так красиво, что Флора мгновение любовалась натюрмортом, прежде чем распечатать письмо.

Погода по-прежнему стояла чудесная; Флора и остальные надеялись, что она продержится до свадьбы Эльфины, назначенной на четырнадцатое июня, когда отмечают день середины лета.

Подготовка к приему была теперь главной заботой Флоры. Она не хотела, чтобы Эльфине и ее брату пришлось краснеть, поэтому отправилась к Рувиму и без обиняков попросила денег на то, чтобы украсить дом и приготовить угощение. Рувиму мысль устроить прием на ферме явно пришлась по сердцу, и он дал Флоре тридцать фунтов с наказом не скупиться, но добавил, выразительно глянув на потолок:

— А как быть со старухой?

— Предоставь это мне, — решительно ответила Флора. — Я думаю, как с нею поступить. А пока отправлюсь за покупками. И кстати, обязательно

нужны эти венки из живохлебки на портретах? Я боюсь, как бы запах не подействовал плохо на Ранетту и Мириам. Они обе такие возбудимые.

— Не я велел их повесить, а бабушка. Делай что хочешь, кузина Флора. Я буду только рад, если их не станет.

Итак, с его разрешения Флора начала готовиться к приему.

Дни проходили в приятных хлопотах. Флора трижды ездила в Лондон: она заказала себе к свадьбе новое платье, и его надо было мерить. Миссис Смайли собиралась вернуться из-за границы только пятнадцатого июня, так что дом номер один по Маус-Плейс стоял запертый. Джулия уехала в Канны. Клод Харт-Харрис был у себя в Чизвике, куда каждое лето удалялся на месяц, поскольку там-то уж в это время никого знакомых не встретишь. Однако Флора ничуть не скучала без общества. Она обедала в приятном одиночестве.

Между примерками и присмотром за поистине грандиозной генеральной уборкой (первой за сто лет) Флора пристально следила, как идут дела у мистера Клопа и Ранетты. Она думала, что лучше бы им пожениться, но понимала, что интеллектуалы к этому не склонны. И все же ей менее

всего хотелось бы увидеть Ранетту с внебрачным ребенком.

Однако мистер Клоп в конце концов сделал-таки предложение. Черт побери, сказал он, Д.Г. Лоуренс был прав, говоря, что между мужчиной и женщиной должно быть нерассуждающее, тягучее, тоскливое, горькое нутряное напряжение, а как его достичь, если не в долгой монотонности брака? Ранетта тут же согласилась и теперь с большим удовольствием выбирала себе кастрюльки. Так что и у них все было хорошо. Они решили пожениться как-нибудь на выходных в Лондонской ратуше, а прием устроить четырнадцатого вместе с Эльфиной.

Долгими летними вечерами Флора сидела в зеленой гостиной, где в открытое окно струился аромат боярышника, и читала «Высший здравый смысл», главу «О сугубой подготовке ума к непоименованным выше обстоятельствам, требующим купно осмотрительности и дерзновения». Она знала, что аббат Фосс-Мегре поможет ей разобраться с тетей Адой. Длинные немецкие и латинские слова были тверды и шершавы, словно египетские монолиты, и, если глубже всматриваться в смысл их слогов, гудящих, будто колокола далекого прошлого, казались застыв-

шими в холодной неопровержимости. Страсть, съежившись, пряталась от них в свое логово, а светлый Разум вместе со своей сестрою, Любовью, склоняли голову, дабы принять венок Счастья.

Тетя Ада совершенно точно была обстоятельством, не поименованным выше. И покуда Флора читала вечер за вечером, в ней крепла уверенность, что это тот самый случай (особо рассмотренный в главе), когда надо смиренно ждать озарения. Книга может лишь подготовить ее к интуитивному прозрению, однако придет оно извне.

И оно пришло в один особенно чудный вечер. Флора на время ужина отложила «Высший здравый смысл» и наугад открыла «Мэнсфилд-парк», чтобы согреться душой.

«Наконец обед остался позади, наступил вечер, и Фанни успокоилась и повеселела…»[33].

И вдруг — словно вспышка молнии! Долгие сомнения, как быть с тетей Адой, исчезли в один миг. За несколько секунд план сложился в голове так четко и подробно, будто все уже произошло. Флора спокойно вырвала из записной книжки листок и написала следующую телеграмму:

---

[33] Примечания: 33

Дж. Остен. Мэнсфилд-парк. Главную героиню романа зовут Фанни Прайс, а девичья фамилия ее матери — Уорд.

ХАРТ-ХАРРИСУ

ЧЕНСЕРИ-ГРОУВ

ЧИЗВИК-МОЛЛ

ПОЖАЛУЙСТА ПРИШЛИ НЕМЕДЛЕННО ПОСЛЕДНИЙ НОМЕР ВОГ ЕЩЕ ПРОСПЕКТЫ ОТЕЛЯ МИРАМАР И ОЧЕНЬ ВАЖНО ФОТОГРАФИИ ФАННИ УОРД[34] ТЧК ЦЕЛУЮ ТЧК ФЛОРА

Затем она позвала Нэнси Марка Скорби, пришедшую помогать с генеральной уборкой, вручила ей листок и велела отправить телеграмму.

Покуда Нэнси ясным летним вечером бежала в Воплинг, Флора благоговейно закрыла «Высший здравый смысл». Она больше в нем не нуждалась. Он останется закрытым, пока ей вновь не встретятся непоименованные выше обстоятельства. Спать Флора легла в твердом убеждении, что знает, как совладать с тетей Адой Мрак.

До свадьбы оставалась всего неделя, и Флора надеялась, что Клод быстро исполнит просьбу. На осуществление плана требовалось время, и закончить следовало к свадебному приему.

Клод не подвел. Бандероль доставили аэропочтой в полдень следующего дня. Воздушный

---

[34] Примечания: 34

Фанни Уорд (1872–1952) — американская киноактриса, прославившаяся, помимо прочего, тем, что продолжала выглядеть юной даже в зрелые годы. В 1926 г. открыла в Париже косметический магазин «Источник вечной молодости».

почтальон аккуратно сбросил ее на поле вместе с запиской, в которой Клод спрашивал, какая муха укусила Флору на этот раз.

Флора проверила содержимое пакета и убедилась, что все заказанное на месте, тщательно причесалась, надела чистое льняное платье, спустилась в кухню и (было время ленча) попросила миссис Муривей дать ей поднос с едою для тети Ады.

— Вы надорветесь, — запротестовала миссис Муривей. — Он весит полцентнера.

Однако Флора спокойно взяла поднос и под испуганными взглядами Нэнси, Рувима, миссис Муривей, Сью, Фебы, Джейн и Летти разложила на нем номер «Вог», проспекты парижского отеля «Мирамар» и фотографии Фанни Уорд.

— Я отнесу тете Аде ленч, — объявила Флора. — Если я не спущусь к трем, то, пожалуйста, миссис Муривей, принесите нам лимонад. В половине пятого можете подать чай с черносмородинным кексом, который Феба испекла на прошлой неделе. Если меня не будет к семи, будьте добры принести ужин для двоих. В десять мы выпьем теплого молока с печеньем. А теперь я со всеми прощаюсь. Не переживайте. Все будет хорошо.

И медленно, под зачарованными взглядами

Скоткраддеров и миссис Муривей, Флора начала подниматься по лестнице, твердо держа перед собой поднос. Они слышали, как ее шаги удаляются по коридору. Затем в прохладной летней тиши раздался звонкий голосок: «Тетя Ада, я принесла вам ленч. Можно войти? Это Флора».

Наступила пауза. Затем скрипнула, открываясь, дверь, и Флора с подносом вошла внутрь.

В следующие почти девять часов никто из сидящих внизу ее не видел и не слышал.

В три, в половине пятого и в семь миссис Муривей поднималась на второй этаж с подносом и всякий раз обнаруживала в коридоре аккуратно составленные пустые тарелки и чашки. Из-за плотно закрытой двери доносился гул разговора, но как миссис Муривей ни вслушивалась, слов было не разобрать. С этой неутешительной вестью она и возвращалась на кухню.

В семь к взволнованной компании присоединились мистер Клоп и Ранетта. Прождав Флору до восьми, решили ужинать без нее и отлично подкрепились мясом, пивом и маринованным луком. Дух беспокойства стал отличной приправой к трапезе.

Поужинав, стали ждать дальше. Миссис Муривей несколько раз порывалась отнести наверх

какао с бутербродами, а заодно проверить, как идут дела, но Рувим твердо сказал «нет»: инструкции Флоры надо исполнить во всех мелочах. Сказано теплое молоко в десять, значит, надо нести теплое молоко в десять.

Все очень уютно сидели в долгих сумерках, повернувшись к открытой двери. Миссис Муривей приготовила овсяный отвар с лимоном, за что все собравшиеся были ей очень признательны: глотки у них давно пересохли от бесконечных разговоров. Обсуждали, что Флора может говорить тете Аде, вспоминали историю фермы за последние двадцать лет (в частности, до чего неприятный тип был старый Нишиш Скоткраддер), гадали, как у Сифа дела в Голливуде и встретится ли он там с Амосом, дружно соглашались, что свадьба у Эльфины будет великолепная, строили предположения, как сложится семейная жизнь у Мириам с Урком и что Юдифь делает в Лондоне, а главное, с кем? Снаружи становилось темнее и прохладнее; зажглись летние звезды.

Все говорили так оживленно, что не слышали, как часы пробили десять. В четверть одиннадцатого миссис Муривей напугала всех громким возгласом:

— Про молоко-то я забыла! Скоро забуду, как

меня зовут! Сейчас поставлю его греть.

Она только начала заново растапливать прогоревшую печку, как звуки на лестнице заставили всех повернуться к темному дверному проему. Кто-то спускался по ступеням легкой, хоть и немного усталой походкой.

Рувим встал, чиркнул спичкой и поднял ее над головой. Огонек разгорелся, и в его свете возникла Флора.

Она выглядела собранной, но бледной и утомленной. Один золотистый завиток выбился из прически и лежал на щеке.

— Привет, — сказала она, — так вы все здесь? (Здравствуйте, мистер Клоп, разве вам не пора спать?) Миссис Муривей, я выпью молоко прямо на кухне. Тете Аде его можно не носить. Я уложила ее в постель. Она спит.

Раздался общий вздох изумления.

Флора опустилась в кресло, с которого встал Рувим, и зевнула.

— Мы боялись за тебя, милочка, — укоризненно проговорила Летти после паузы, за время которой зажгли лампы и задернули занавески. Никто не хотел задавать вопросы, хотя всех распирало от любопытства. — Уж не скажу, сколько раз мы были готовы за тобой бежать.

— Спасибо за заботу, — лениво проговорила Флора, одним глазом поглядывая на кастрюльку с греющимся молоком. — Однако все правда хорошо. Не тревожься, Рувим, во время свадьбы ничего плохого не случится. Можно продолжать подготовку. И вообще все будет как надо.

— Кузина Флора, кроме тебя, никто бы не справился, — просто сказал Рувим. — Наверное, бесполезно спрашивать, как тебе это удалось?

— Долго рассказывать, — ответила Флора и отпила большой глоток молока. — Мы проговорили много часов — чтобы повторить все, потребовалась бы целая ночь. — Она подавила зевок. — Вы все увидите, когда придет время. Я хочу сказать, в день свадьбы. Это будет сюрприз. Приятный сюрприз. Не буду объяснять заранее, чтобы не портить вам удовольствие. Просто ждите. Будет замечательно…

К концу речи голос Флоры становился все более и более сонным. Внезапно он совсем умолк, и миссис Муривей еле успела метнуться вперед и подхватить падающий стакан с недопитым молоком. Флора спала.

— В точности как маленький усталый ребенок, — проговорил мистер Клоп, который, подобно всем брутальным интеллектуалам, был

в душе крайне сентиментален. — Как маленький усталый ребенок, — повторил он и уже собрался рассеянно погладить Флору по голове, когда миссис Муривей звонко шлепнула его по руке и воскликнула:

— Лапы прочь!

Мистер Клоп так расстроился, что ушел домой, ни с кем не попрощавшись. Ранетта, плача, убежала за ним.

Миссис Муривей отправила Сюзанну, Летти, Фебу, Пру и Джейн по спальням, а сама вместе с Рувимом разбудила Флору.

Та встала, все еще очень сонная, и улыбнулась Рувиму, протянувшему ей свечу.

— Доброй ночи, кузина Флора. «Кручине» очень повезло, что ты сюда приехала, — сказал он.

— Не о чем говорить, мне самой было очень приятно. Главное, дождись свадьбы. Я уверена, тебе понравится. Миссис Муривей, вы знаете, как я не люблю делать замечания, но сегодняшние котлеты были немного недожарены. Мы с миссис Скоткраддер обе это заметили. Ее оказалась почти сырой.

— Очень сожалею, мисс Пост, — ответила миссис Муривей.

И все сонно побрели спать.

Глава 21

Утром четырнадцатого солнце встало в плотной серой дымке. На траве и на деревьях лежала крупная роса.

Внизу, в садиках еще спящего Воплинга, можно было наблюдать идиллическую процессию: четыре фигурки перебирались от клумбы к клумбе, словно пчелы-добытчицы. То были три члена будущего джаз-банда миссис Муривей во главе с седовласым Иродом.

Им поручили нарвать цветов, чтобы украсить церковь и столы на ферме. Грузовик розовых и белых пионов из Ковент-Гардена уже разгрузили у ворот, так что теперь Флора и миссис Муривей ходили через двор с охапками сонных цветов.

Флора смотрела на дымку и радовалась: день обещал быть ясным, жарким и солнечным.

Адам Мухинеобидит встал еще раньше, чтобы увить гирляндами желтофиоли рога Неумехи, Неряхи, Невезухи и Нескладехи, и, только подойдя к ним, обнаружил, что рогов ни у одной не осталось. Венки пришлось вешать им на шею и хвост. Покончив с этим делом, старик повел всех

четырех на луг, напевая скабрезную песенку, которую выучил в дни бракосочетания Георга IV.

Дымка постепенно растаяла, небо засияло синевой. Ферма гудела как улей. В маслобойне Феба, Летти, Сюзанна и Джейн сбивали силлабаб[35]. Иеремия таскал ведерки со льдом, в которых стояло шампанское, в самый темный и холодный угол погреба. Кипрей и Сельдерей натягивали над двором навес. Ездра укрывал бобы сеткой, чтобы гости их не повредили. Анания и Азария сколачивали длинные столы на козлах, а миссис Муривей и Флора распаковывали столовое серебро и салфетки, прибывшие в ящиках из Лондона. Рувим наполнял водой десятки банок и ваз, в которые предстояло поставить цветы. Нэнси Марка Скорби варила две дюжины яиц на завтрак. А в комнате у Флоры лежало на кровати новое платье — плоеное, гофрированное, оборчатое чудо из зеленого батиста, и простая шляпка из белой соломки.

В половине девятого все сели завтракать в маслобойне, поскольку кухню готовили к приему.

— Сейчас сбегаю к *ней*, отнесу завтрак, — сказала миссис Муривей. — Пусть сегодня обходится

---

[35] Примечания: 35

Силлабаб — традиционный английский десерт из взбитых сливок, фруктов, алкоголя и различных ароматных добавок.

холодным: половиной окорока и банкой маринованного лука.

— Я только что от тети Ады, — вмешалась Флора, поднимая голову. — Ей ничего не надо на завтрак, кроме гоголя-моголя. Дайте мне яйца, я взобью.

Она встала и подошла к буфету с новой кухонной посудой.

Миссис Муривей ошарашенно смотрела, как Флора сбивает в банке из-под джема два сырых яйца, две унции бренди, чайную ложку сливок и несколько кусочков льда. Остальные тоже заинтересовались.

— Вот, — сказала Флора, вручая миссис Муривей банку с гоголем-моголем. — Несите бегом.

Миссис Муривей побежала, что-то ворча на ходу про *эту бурду*, которой *она* точно не наестся. Прочих Скоткраддеров тоже заинтриговала внезапная перемена во вкусах тети Ады.

— Старуха что, опять с ума спрыгнула? — встревоженно спросил Рувим. — Уж не хочет ли она спуститься и испортить всем праздник?

— Нет, нет, — ответила Флора. — Все будет хорошо. Не забывай, я обещала сюрприз. Так вот, это только начало.

Ее слова всех успокоили.

Покончив с завтраком, все лихорадочно принялись за работу, поскольку церемония была назначена на половину первого, а сделать предстояло еще много.

Ирод Муривей и джаз-банд принесли целые охапки флоксов, настурций и гелиотропов. Флора тут же отправила всех четверых нарвать еще цветов.

По ее просьбе Рувим вытащил из кладовки большое резное кресло, на котором тетя Ада сидела в ночь поверки; Анании и Азарии (которые были настолько тупы, что вели им подложить под ферму бочку с порохом — взялись бы за работу без обсуждения) поручили украсить его венками из пионов.

Было половина одиннадцатого. Навес уже натянули, и он, как все навесы, сразу создал праздничную атмосферу. На кухне стояли два длинных украшенных стола.

Флора распорядилась приготовить два вида еды для двух категорий гостей. Для Скоткраддеров и окрестных крестьян — силлабаб, мороженое, бутерброды с черной икрой, крабовые котлетки, бисквитные пирожные со взбитыми сливками и шампанское. Для знати — сидр, холодная домашняя ветчина, хлеб домашней выпечки и салаты

из местных фруктов. Стол, за которым предстояло сидеть знати, украсили настурциями и флоксами, над столом для простонародья колыхалось розовое великолепие пионов.

Цветочные венки на балках казались драгоценными бусами; красные, оранжевые, голубые и розовые, они ярко сияли на фоне черных от копоти стен и потолка. Пахло флоксами и фруктовым салатом. Снаружи весело сияло солнце, внутри веяло прохладой и ароматом вкусной еды.

Флора последний раз оглядела все вокруг и осталась чрезвычайно довольна.

Было одиннадцать.

Она поднялась к тете Аде, постучала и, когда из комнаты донеслось: «Заходи, дорогая», шагнула внутрь и плотно закрыла за собой дверь.

Феба, которая шла к себе в комнату переодеваться к свадьбе, толкнула Сюзанну в бок.

— Видела, душенька? И что-то сегодня странное в воздухе. Только подумать… наша Ранетта теперь мужняя жена. Вчера вечером зашла ко мне попрощаться — они уезжали поездом в двенадцать тридцать.

— И как она, бедняжка? Плакала?

— Нет. Сказала, ей будет спокойнее, когда их запишут, и он уже не сможет сбежать. Теперь уже

все позади. Сегодня они вернутся уже женатые.

Затишье снизошло на прохладную, увитую цветочными гирляндами, благоухающую ферму. Солнце величественно поднималось в зенит, тени стали короче. Скоткладдеры у себя в комнатах с трудом втискивались в парадную одежду. Ровно в половине двенадцатого Флора вышла от тети Ады и направилась к себе.

Здесь она вымылась холодной водой, десять минут причесывалась, немного поколдовала с косметическим набором и, наконец, вышла свежая, веселая, элегантная, готовая к удовольствиям предстоящего дня.

Флора спустилась прямиком в кухню — проверить, по-прежнему ли там все, как надо, — и вошла как раз вовремя, чтобы не дать мистеру Клопу, заявившемуся неожиданно рано, украсть вишенку с торта. Ранетта в слезах умоляла его этого не делать, а он только смеялся, как юный фавн (по крайней мере так ему казалось), и уже почти схватил вишенку, когда вплыла Флора.

— Мистер Клоп! — воскликнула она укоризненно.

Он подпрыгнул как ужаленный и разразился мальчишеским смехом.

— Ах, дорогая, вы уже здесь!..

— И вы, как я вижу, тоже. Еды хватит *на всех*, мистер Клоп. Если вы голодны, миссис Муривей даст вам хлеба с маслом. Доброе утро, миссис Клоп. — Флора любезно пожала Ранетте руку и похвалила ее оригинальный туалет (одолженный у приятельницы мистера Клопа, которая довольно много пила и держала у себя в квартирке ручного боксера).

Скоткраддеры один за другим тоже спустились в кухню и, когда часы на церкви пробили полдень, решили, что пора выдвигаться.

Флора последний раз обвела взглядом убранную цветами кухню и под руку с Рувимом выплыла наружу. Остальные последовали за ними.

Перед церковью уже собралась толпа, ибо свадьба вызвала большой интерес как в окрестных деревнях, так и в самом Воплинге. Внутри тоже все было забито: места оставались только для знати и для тех, кто пришел с фермы.

Встав с колен, Флора оглядела маленькую уютную церковь, которую заботливо украсили Ирод Муривей и Марк Скорби. Все с приятным единодушием согласились, что юности и чистоте Эльфины подходят только белые цветы. Гирлянды маргариток висели на скамьях, а в конце каждой, вдоль прохода, архангельскими трубами

высились белые лилии. Повсюду стояли банки с белыми гвоздиками; ступени алтаря были убраны белой геранью.

Флора на миг подумала, что это напоминает ей распродажу постельного белья у «Маршалла и Снелгроува», но тут же прогнала эту неуместную мысль и переключила внимание на Летти, Джейн, Пру и Сюзанну, которые уже начали всхлипывать. Она тихонько раздала им чистые носовые платки, заранее приготовленные именно на этот случай.

Рувим, заметно нервничая, ждал Эльфину у дверей. Снаружи било яркое солнце, тихонько играл орган, толпа гудела, глядя на прибывающую знать. Особенно поражали шляпки дам — ничего страшнее Флора в жизни не видела.

Стрелки на больших часах медленно приближались к половине.

Флора последний раз осмотрелась вокруг и приготовилась в приличествующем молчании провести оставшиеся минуты.

Казалось, что вся церковь заполнена Скоткраддерами — Флора повсюду натыкалась на них взглядом. И все они собрались тут ее усилиями — не считая тех четверых, кому она помогла вырваться с фермы.

Все они были сейчас счастливы — и не потому, что кого-то бьют, или насилуют, или гордо молчат, или переживают приступ религиозного фанатизма, или пиявкой присосались к земле. Нет, они просто радовались человеческому празднику, как миллионы обычных людей во всем мире.

Только вспомнить, какими они были пять месяцев назад…

Флора склонила голову. Скоткраддерам было за что ее благодарить. И сегодняшний день увенчает ее труды!

Наконец-то! Орган заиграл «Грядет невеста», все головы повернулись к открытой двери, к большому автомобилю, который только что остановился перед церковью. По толпе пробежал гул любопытства.

В следующий миг он сменился приветственными криками. Что-то белое, высокое, прохладное, свежее, словно облако, отделилось от машины и поплыло по дорожке.

Грядет невеста! Эльфина, бледная, серьезная, сияющая, как и положено невесте, опиралась на руку Рувима. Приятное красное лицо Дика Кречетт-Лорнетта не выражало и тени волнения, которое тот наверняка испытывал. Миссис

Кречетт-Лорнетт была в сером, а крупная Джоан Кречетт-Лорнетт — в оранжевой кисее. («Ужасный цвет, — огорченно подумала Флора, — и так ей не идет!»)

Процессия подошла к алтарю и остановилась.

Музыка умолкла. В наступившей тишине викарий начал быстро, но торжественно:

— Возлюбленные…

Уже после венчания, глядя, как шафер (Ральф Пент-Хартиган) целует молодую, Флора внезапно почувствовала, что с ее правой ладонью что-то не так, и, глянув вниз, с удивлением заметила, что порвала перчатку.

Только сейчас Флора осознала, как боялась какого-нибудь неприятного сюрприза. Однако все прошло замечательно, и теперь она была совершенно счастлива.

Летти, Джейн, Сюзанна и Пру по-прежнему рыдали в голос, и Флора довольно строго велела им уняться. Кое-кто уже спрашивал озабоченно, не болит ли у них что-нибудь и не получили ли они печальных известий.

— Конечно, — объяснял мистер Клоп Ранетте, которая плакала, потому что у нее не было венчания в церкви и такого красивого платья, только скучная регистрация в ратуше, — конечно, все

это чистейшее варварство. Язычество с элементами непотребства, если копнуть чуть глубже. Например, бросание туфельки…

— Мистер Клоп, мы собираемся на ферму. Вы же идете с нами? — перебила Флора, чувствуя, что его пора остановить. Тот быстро пообещал Ранетте еще свадьбу, настоящую, если она только перестанет плакать, и, схватив ее под руку, увлек вслед за остальными.

Глава 22

Через пятнадцать минут гости уже входили в ворота фермы. Все весело болтали, смеялись, и каждый испытывал то странное приподнятое чувство, какое бывает после свадеб или похорон.

Ах, до чего мило и весело выглядела ферма! Навес сиял на солнце белыми и алыми полосами, в полутьме кухни белели гирлянды садовых цветов и розовели пионы. Кто-то повесил Воротиле на шею венок из гераней, и теперь бык горделиво расхаживал по полю, глядя на гостей через ограду большими влажными глазами.

— Как мило, как оригинально, — заметила миссис Кречетт-Лорнетт, думая про себя, что это довольно неприлично. — И коровы, как я вижу, в венках. Очень остроумная мысль.

Адам выступил вперед; заброшенные атлантические озерца его глаз туманились старческими слезами. Он встал перед Эльфиной (та ласково смотрела на него сверху вниз) и что-то протянул ей в сложенных ладонях.

— Свадебный подарок для тебя, девонька, — проговорил старик (к большому раздражению

Флоры, которая боялась, что лед растает и шампанское согреется). — Для моей дикой болотной паички.

И он раскрыл ладони. На них лежало гнездо болотной паички с четырьмя розовыми яичками.

— Ой, Адам… какой ты хороший, — сказала Эльфина, ласково сжимая его локоть.

— Убери его за пазуху и родишь четверых, — посоветовал Адам и собирался дать еще какие-то указания, но Флора увлекла его на кухню, приговаривая, что Эльфина именно так и сделает, только вот сперва поест.

Она вошла первой, за ней — жених с невестой, миссис Кречетт-Лорнетт и Джоан, Ральф Пент-Хартиган, Рувим, Иеремия, Анания и Азария, Кипрей и Сельдерей, Ездра, Феба, Сюзанна, Летти, мистер Клоп с Ранеттой и Джейн. Арьергард замыкали менее значительные особы: миссис Муривей, Нэнси Марка Скорби, Ирод со своим джаз-бандом, сам Марк Скорби и Урк с Мириам, не говоря уж о миссис Каин из «Висельника» и некоторых других соседях, которых Рувим счел нужным пригласить. В их число входили также трое работников, подчиненных Марка Скорби, и старый Адам.

Вступив из жаркого летнего воздуха в прохладу,

Флора посторонилась, так что гостям предстала вся кухня целиком. В тот же миг кто-то поднялся с кресла, украшенного венками пионов, и звучно произнес:

— Вот и вы! Добро пожаловать в «Кручину».

И красивая старая дама, одетая с ног до головы в наимоднейший лётный костюм черной кожи, шагнула навстречу входящим, приветственно простирая руки.

Иеремия (который вообще не отличался тактичностью) изумленно заорал:

— Это тетя Ада! Тетя Ада Мрак!

И остальные, оправившись от первого изумления, подхватили:

— Да, верно!

— Ужас какой!

— Непотребство супротив природы!

— Да еще в брюках! Ты видишь, что на ней, душенька?

— Впервые за двадцать лет…

— Да ей же под восемьдесят…

— Она этого не переживет…

— Ах… как мило… как неожиданно… Как поживаете, мисс Мрак… или я должна была сказать «миссис Скоткраддер»? Так легко запутаться…

— Ой, бабушка!

— Ба! Старуха собственной персоной!

— Лопни мои глаза! Вот так чудеса!

— Да, ягодки-цветочки, по плодам познаете их… Уж не думал я дожить до такого дня.

Тетя Ада с дружеской улыбкой ждала, пока умолкнет гул голосов. Раз или два она, подняв брови, глянула на Флору — тоже с улыбкой, но уже несколько ироничной.

Наконец она подняла руку. Тут же воцарилась тишина, и тетя Ада заговорила:

— Дорогие мои, ваше внимание очень лестно, но, чтобы мне побыть с внучкой и со всеми вами, нам надо поспешить к свадебному столу. Меньше чем через час я улетаю в Париж.

Тут же снова поднялся гам. Скоткраддеры были настолько ошарашены фантастическим известием, что заткнуть им рот можно было только едой.

Поэтому Флора и Ральф Пент-Хартиган (молодой человек положительно нравился Флоре — у него были начатки) принялись раздавать гостям тарелки с крабовыми котлетами, убеждая всех поесть и восстановить силы.

Затем Флора легонько тронула Эльфину за локоть, и та, оторвав зачарованный взгляд от бабушки, разрезала свадебный торт. Празднество

официально началось.

Вскоре все уже веселились от души. Неожиданное явление тети Ады дало всем тему для разговоров и добавило вкуса восхитительной еде. Конечно, Скоткраддеры бы предпочли, чтобы она спустилась на кухню в своем обычном виде и попыталась сорвать свадьбу, а они сообща дали бы ей отпор. Вот это было бы событие! Однако нельзя получить все сразу, а так тоже вышло неплохо.

Обойдя гостей и сказав каждому по несколько приветливых слов, тетя Ада вновь опустилась в украшенное цветами кресло, чтобы отдать должное шампанскому и бутербродам с икрой.

Флора сидела рядом с тетей Адой и тоже ела икру. Ей хотелось до последней минуты наблюдать, как осуществляется дело ее рук. Через полчаса на Крапивном поле приземлится аэроплан, но за полчаса много что может произойти. Очевидно, тетя Ада вполне осознала, как мерзко ей жилось в последние двадцать лет, и твердо решила все изменить. Однако ничего нельзя знать наверняка.

Итак, Флора сидела рядом с тетей, иногда улыбалась гостям из-под полей шляпы и ждала удобного случая спросить про свои права — те самые загадочные права, о которых кузина Юдифь упомянула в письме шесть месяцев назад.

И такой случай вскоре представился. Тетя Ада была в отличном расположении духа. Она в сотый раз поблагодарила Флору за то, что та рассказала ей о мисс Фанни Уорд, которая выглядит настолько моложе своих лет, о замечательном отеле «Мирамар» в Париже, а главное, объяснила, как приятно может жить в наше время красивая пожилая дама, наделенная умом, достатком, здоровьем и силой воли.

— И я буду сохранять свою индивидуальность, как ты советуешь. Не стану выщипывать брови, сидеть на диете и не заведу себе двадцатилетнего любовника. Я очень признательна тебе, моя нюнечка. Какой милый пустячок прислать тебе из Парижа?

— Шкатулку для рукоделия, пожалуйста, моя совсем старая, — быстро ответила Флора. — Но вы можете, если хотите, оказать мне еще одну любезность. Какое зло причинил Амос моему отцу, Роберту Посту? И о каких моих правах говорила Юдифь? Я чувствую, что не могу отпустить вас в путешествие, не задав этих вопросов.

Тетя Ада посерьезнела. Она оглядела кухню и с удовлетворением убедилась, что все увлеченно едят и разговаривают, ничего больше не замечая. Затем положила морщинистую ладонь на про-

хладную руку Флоры и притянула племянницу к себе, так что обе они оказались скрыты под Флориной шляпкой, и быстро зашептала. Это длилось несколько минут. Сторонний наблюдатель не заметил бы особых перемен на заинтересованном личике Флоры. Наконец шепот умолк. Флора подняла голову и спросила:

— Так что было с козой? Она умерла?

Однако в это мгновение тетю Аду отвлекли Эльфина и Дик. Они подошли в сопровождении Адама. Вопрос Флоры остался неуслышанным, а повторить его в присутствии других она не решилась.

— Бабушка, Адам хочет перебраться к нам в Откутюр-Холл и смотреть там за коровами, — сказала Эльфина. — Можно? Мы были бы очень рады. Он ведь знает о коровах все.

— Разумеется, дорогая, — любезно ответила тетя Ада. — Но кто будет заботиться о Невезухе, Неумехе, Неряхе и Нескладехе, если Адам их покинет?

Пронзительный крик вырвался из груди Адама. Он рванулся вперед, ломая узловатые руки.

— Нет, не говорите так, миссис Скоткраддер, мэм. Я заберу их с собой, всех четырех. В Окотень-Холле хватит места нам всем.

— Это похоже на финал первого акта водевиля, — заметила тетя Ада. — Что ж, забирай их всех, если хочешь.

— Бог да благословит вас, миссис Скоткраддер, мэм, — проговорил Адам и побежал сказать коровам, чтобы те готовились сегодня же перебираться на новое место.

— Так что было с козой? И как насчет моих прав? — спросила Флора, на сей раз громче. Она должна была во что бы то ни стало получить ответ.

Бесполезно! Миссис Кречетт-Лорнетт выбрала это самое мгновение, чтобы подойти к тете Аде и сказать, как она сожалеет, что миссис Скоткраддер отбывает так скоро и в это лето они не увидятся, но миссис Скоткраддер обязательно должна отобедать в Откутюр-Холле сразу по возвращении. Тетя Ада сказала, что да, очень жаль, и да, всенепременно.

Так что вопрос Флоры остался без ответа — теперь уже навсегда. Зловещее гудение самолетного мотора перекрыло гул разговоров, а младший член джаз-банда (который убежал на бобовые грядки, потому что его рвало от чересчур большого количества крабовых котлет), позабыв тошноту, вбежал с криком, что на Крапивное

поле падает аэроплан.

Все ринулись смотреть, за исключением миссис Кречетт-Лорнетт, Флоры, молодоженов и тети Ады. В начавшейся суете — надо было надеть на тетю Аду шлем, а потом все обнимались, обещали писать друг другу письма и встретиться в Откутюр-Холле на Рождество — Флора не могла задать вопрос в третий раз. Это было бы невоспитанно. Ей оставалось отречься от своих неведомых прав и смириться с тем, что она никогда не узнает судьбу козы.

Все высыпали на поле проводить тетю Аду. Авиатор (смуглый и мрачный молодой человек) вынужден был с заметным нежеланием съесть кусок свадебного торта. Все стояли вокруг самолета, смеялись и разговаривали. Ирод Муривей разбил о пропеллер чей-то бокал с шампанским.

Наконец тетя Ада забралась в кабину и, плотнее надвинув шлем, благожелательно глянула сверху на ошеломленных Скоткраддеров. Флору, стоявшую совсем близко к аэроплану, она похлопала по плечу и еще раз тихо поблагодарила за эту удивительную перемену.

Флора мило улыбнулась, хотя все же немного жалела, что не узнает про козу и права.

Пропеллер начал вращаться. Аэроплан задро-

жал.

— Трижды ура тете Аде! — воскликнул Урк, подбрасывая в воздух шапку из меха водяных крыс.

На третьем «ура!» аэроплан покатился вперед и оторвался от земли.

Он пролетел над живой изгородью, поднялся до верхушек вязов, затем еще выше. Тетя Ада, обернувшись через плечо, улыбалась и махала рукой. Так, с улыбкой, она и унеслась от Скоткраддеров в небеса.

— А теперь идем назад и выпьем еще, — предложил Ральф Пент-Хартиган, чуть панибратски, но мило беря Флору под руку. — Дик и его благоверная отбывают через полчаса. Их аэроплан заказан на три тридцать.

— Ну вот, все только и делают, что улетают, — с легким раздражением проговорила Флора. — Пойду помогу Эльфине переодеться.

И пока все остальные на кухне доедали остатки угощения, она поднялась к Эльфине и помогла той надеть синий дорожный костюм. Эльфина была очень счастлива и вовсе не плакала и не нервничала.

Она нежно обняла Флору, в тысячный раз поблагодарила ее за доброту и торжественно пообещала ни в чем не отступать от Флориных

советов. Та вручила Эльфине «Высший здравый смысл» с подобающей дарственной надписью, и они, держась за руки, спустились на кухню.

Второй аэроплан сел на большое поле перед фермой ровно в назначенное время. (Иеремия увел Воротилу чуть раньше. Некоторые весельчаки предлагали оставить быка на поле и «поглядеть, как ему понравится аэроплан», но Флора твердо сказала: «Нет».)

Вторые проводы были еще шумнее первых. Скоткраддеры не привыкли к шампанскому, но оно им очень понравилось. Все кричали, Сюзанна, Пру, Летти, Феба, Джейн и Мириам плакали, а Иеремия громовым голосом кричал Дику, чтобы тот был ласков со своим цветочком.

Флора, воспользовавшись суматохой, проскользнула на кухню, где миссис Муривей уже начала убираться, и предупредила, чтобы та больше шампанского не открывала.

— Только если в медицинских целях, мисс Пост, — пообещала миссис Муривей.

Когда Флора вернулась на поле, аэроплан уже взлетал. Флора улыбнулась Эльфине, а та (черный лётный шлем удивительно шел к ее личику) послала в ответ воздушный поцелуй. Рев мотора торжествующе нарастал, и вот молодые уже

унеслись в небо.

— Ну что, теперь-то мы пойдем и выпьем? — спросил Ральф Пент-Хартиган, выказывая намерение обнять Флору за талию.

Флора с милой улыбкой увернулась. Больше всего она хотела, чтобы все скорее разошлись по домам. Свадебный завтрак тянулся нескончаемо. За исключением того, что сейчас событие было радостное, а тогда — угрюмое, он больше всего напоминал ей поверку…

(«Ой, — подумала она, — и я так и не узнаю, что тетя Ада видела в сарае. Надо было и об этом спросить».)

В кухне гости наконец-то выказывали намерение отправиться восвояси. Все было съето и выпито. Цветочные венки завяли. На полу среди пролитой воды валялись мятые бумажные салфетки, окурки, раздавленные цветы, пробки от шампанского. От табачного дыма и других запахов было не продохнуть. Только пионы оставались все такими же свежими. В тепле они полностью раскрылись, явив золотистую сердцевину. Флора понюхала один — от него веяло сладостью и прохладой.

Последний час она была взвинчена и подавлена. Что с ней? Флора сказала себе, что надо

успокоиться, однако хотела одного: никого не видеть и ничего не слышать.

Прощаясь с гостями в дверях, она лишь с огромным трудом сохраняла видимость бодрого настроения. Впрочем, немного утешал тот факт, что участники торжества явно остались очень довольны. Все, и особенно миссис Кречетт-Лорнетт, благодарили Флору за чудесную организацию праздника, хвалили еду и убранство кухни.

Она получила приглашение отобедать у Кречетт-Лорнеттов на следующей неделе и посетить мистера Клопа и Ранетту в их квартирке (с раковиной) на Фицрой-стрит. Урк и Мириам сказали, что почтут за честь, если мисс Пост заглянет к ним на чай — они собирались перебраться на виллу, которую Урк купил для себя и для жены на деньги, вырученные за мех водяных крыс. Флора улыбалась, благодарила, обещала непременно всех навестить.

Один за другим гости уходили, а Скоткраддеры, сомлевшие от шампанского и непривычных человеческих радостей, отправлялись на боковую. Последний из приглашенных, Ирод Муривей, в сопровождении джаз-банда исчез за поворотом дороги. Тишина, изгнанная с фермы на рассвете, постепенно выбиралась из темных углов и всту-

пала в свои права.

— Мисс Пост, у вас очень усталый вид. Не хотите прокатиться? — спросил Ральф Пент-Хартиган, собираясь заводить свой восьмицилиндровый «волюпте».

Флора спустилась с невысокого кухонного крылечка и прошла через двор.

— Спасибо, нет. Однако я буду очень признательна, если вы отвезете меня в поселок. Мне надо позвонить.

Пент-Хартиган ответил, что будет счастлив. Он усадил Флору в автомобиль, и скоро они уже неслись с холма к Воплингу. Встречный ветер приятно холодил разгоряченные щеки.

— Вы, случаем, не хотите сегодня поужинать со мной в Лондоне? Вечер такой чудесный. Мы могли бы потанцевать в «Нью-Ривер-клабе».

— Это было бы замечательно, однако я решила сегодня же уехать с фермы. Мне надо собирать вещи, и все такое. Очень жаль. Как-нибудь в другой раз.

— Ясно… а… а может быть, тогда я вас и отвезу?

Автомобиль остановился перед почтой.

— Опять-таки очень жаль. — Флора с улыбкой поглядела в его расстроенное молодое лицо. — Ме-

ня заберет кузен. Я как раз собираюсь проверить, дома ли он. Мы договорились несколько месяцев назад.

По счастью, телефонный узел ответил довольно быстро. Флора, ждавшая в душной телефонной будке, даже не успела разозлиться по-настоящему, когда телефон зазвонил — в тесном пространстве звук показался оглушительным.

Она сняла трубку.

— Привет, — произнес за семьдесят миль звучный голос Чарлза; расстояние ничуть не уменьшило его мелодичности.

Флора тихонько выдохнула:

— Привет, Чарлз. Это же ты? Это Флора. Скажи, ты сегодня вечером занят?

— Если я тебе нужен — нет.

— Тогда не мог бы ты сегодня забрать меня с фермы на своем «Спид-копе втором»? У нас тут только что была свадьба. Я все устроила как надо. У меня больше не осталось дел. И я очень устала. Я мечтаю, чтобы меня отсюда забрали… если тебе не сложно.

— Могу вылететь хоть сейчас, — ответил звучный голос. — Когда тебе удобнее меня видеть? Есть ли рядом с домом большое поле?

— Да, есть, совсем рядом. Ты мог бы прилететь

к восьми? Сейчас уже почти пять.

— Конечно, буду в восемь.

Повисло молчание.

— Чарлз… — проговорила Флора.

— Да?

— Чарлз… Я хотела спросить, я точно ни от чего тебя не отвлекаю?

По проводам донесся тихий смех Чарлза, и Флора, улыбнувшись, повесила трубку.

Глава 23

Молодой Пент-Хартиган отвез ее обратно на ферму. Флора простилась с ним, пообещав в ближайшее время обязательно пообедать вместе, и он уехал. Как только рычание мотора замерло в отдалении, ферма вновь погрузилась в тишину. Безмолвие заливало пустые комнаты, словно море в прилив. Остались только обычные негромкие звуки летнего вечера.

Флора поднялась к себе и сменила праздничное платье на твидовый костюм, чтобы не замерзнуть в полете, причесалась, протерла одеколоном руки и лоб. Потом сложила вещи и повесила на чемодан записку с указанием отправить его завтра в дом номер один по Маус-Плейс. С собой она взяла только «Мысли», «Высший здравый смысл» и все самое необходимое в дорогу.

Часы уже пробили шесть, когда Флора медленно спустилась по лестнице. В кухне было чисто и пусто. Все следы празднества убрали, остался только навес: белые и красные полосы ярко выделялись на фоне синего вечернего неба. Через огород тянулись длинные тени бобов, красные

цветы казались прозрачными. Во всем ощущались тишина и блаженная прохлада. На столе стоял ужин для Флоры, Скоткраддеров видно не было. Флора решила, что они либо спят, либо отправились в Бодягшир кохопутить. Хорошо бы до ее ухода никто на кухне не появился. Она нежно любила всех обитателей фермы, но на сегодня слишком от них устала.

Флора со вздохом опустилась в удобное низкое кресло, давая отдых ногам. Она решила, что посидит до половины седьмого, потом съест ужин, выйдет на большое поле, устроится на перелазе под боярышником и будет ждать Чарлза.

Ее дремотные раздумья прервал тихий мелодичный перезвон. Флора узнала звук: это бренчали колокольчики, которые Адам (копируя варварский иноземный обычай, подсмотренный в кино) повесил на шею Нескладехе, Неумехе, Неряхе и Невезухе.

На мгновение она увидела их всех в проеме двери, словно в раме — они шли по вьющейся тропке, пять темных силуэтов на фоне вечернего неба.

Адам с коровами направлялся в Откутюр-Холл.

Он шагал первым в доисторической шляпе и зеленых от времени штанах. На шее болталась

щеточка для посуды. Садящееся солнце заливало золотом вскинутую голову. Старик распевал похабную песенку, которую выучил в дни бракосочетания Георга IV.

За ним вереницей шли коровы, по-прежнему в свадебных венках из желтофиолей. Они медлительно поводили головами, и бубенцы звенели в такт Адамовой песне.

Процессия медленно прошла в раме дверного проема и скрылась с глаз. Теперь Флора видела только тропку, уходящую в чистое вечернее небо, и только издалека еще доносилось нежное звяканье колокольчиков. Но вот смолкло и оно.

Флора с улыбкой придвинула кресло к столу и съела ужин. Думала она об одном: как встретится с Чарлзом, и как расскажет обо всех своих свершениях, и что он на это скажет.

Покончив с ужином, она написала Рувиму ласковое письмо, в котором объяснила, что ее труды на ферме завершены и пришло время возвращаться в Лондон. Закончила Флора обещанием очень скоро всех навестить и приложила бумажку в один фунт для миссис Муривей вместе с самой горячей благодарностью.

Письмо она оставила на столе, чтобы все могли его прочесть и ни у кого из Скоткраддеров не

возникло мрачных подозрений. Затем надела плащ, взяла сумку и легкой походкой выбежала в прохладный вечер.

Высокая трава на большом поле отбрасывала миллионы тонких длинных теней. Ветер совершенно утих. Был лучший час английского года: ранний вечер дня середины лета.

Флора прошла к перелазу через изгородь — прохладная трава ласково щекотала ноги, — уселась на ступеньку и принялась смотреть на ветки боярышника. Темные снизу, они подставляли белые цветы и зеленые листья золоту последних закатных лучей, так что каждый цветок и каждый листик лучился по краям.

Тени удлинялись. От травы и деревьев тянуло свежестью. Птицы начали вечернюю песнь.

Солнце почти село за живую изгородь на дальнем конце поля, и последние лучи, пробивавшиеся сквозь ветки, казались тяжелым неподвижным золотом.

Стало заметно прохладней. Цветы закрывались у Флоры на глазах, но их аромат еще витал в воздухе. Теней было уже больше, чем света. Последний дрозд, который всегда проносится, щебеча, тихим летним вечером, мелькнул над лугом и пропал в боярышнике.

Округа засыпала. Флора запахнула плащ и посмотрела в темнеющий свод небес. Затем на часы. Было без пяти минут восемь. Она различала далекий, то возникающий, то пропадающий гул — возможно, биение своей крови.

Через мгновение гул заполнил все небо. Над верхушками боярышника возник аэроплан. Он снижался. Шасси коснулись земли. Аэроплан немного прокатился и встал.

Флора вскочила в тот миг, когда заметила самолет, и теперь шла к нему по полю. Авиатор выбрался из кабины и зашагал навстречу, помахивая снятым шлемом, а его черные примятые волосы забавно топорщились.

Флору переполняло счастье; ей чудилось, что они были в разлуке долгие годы. Она шагнула прямо в раскрытые объятия Чарлза, обхватила его за шею и крепко поцеловала.

Мгновение спустя он проговорил:

— Это ведь навсегда?

И Флора прошептала:

— Навсегда.

Уже почти совсем стемнело. Вышли звезды и луна, боярышник как будто светился в ночи. Флора и Чарлз разом вздохнули, глянули друг на друга и рассмеялись. Потом Чарлз сказал:

— Ну что, пора домой, милая. Мэри ждет нас на Маус-Плейс. Она вернулась на день раньше, чем думала. Пошли в самолет. А поговорим, когда доберемся до Мэри.

— Хорошо, — послушно согласилась Флора. — Чарлз, как чудесно от тебя пахнет! Это бриллиантин? До чего приятно сознавать, как много у нас впереди лет, чтобы все это выяснить. Не меньше пятидесяти, как ты думаешь?

Чарлз ответил, что надеется, да, и сказал, что не мажет волосы бриллиантином и вообще ничем. А потом добавил без всякой связи:

— Я счастлив, что родился на свет.

Оба были слегка ошалелые, но наконец Чарлз взял себя в руки и начал целеустремленно обстукивать дно аэроплана, а Флора тем временем рассказывала, что сделала на ферме, и еще про мистера Клопа. Чарлз посмеивался, но потом заметил, что мистер Клоп — мерзкий приставала, и Флоре следовало быть осторожнее. Еще он сказал, что она ужасно настырная особа и что он не одобряет людей, которые лезут в чужие дела.

Флора слушала его и млела. Как все по-настоящему волевые женщины, за которых окружающие постоянно цепляются, она обожала, когда ею командуют. Это так успокаивает!

— А в твои дела мне можно будет лезть?

— Нет, — ответил Чарлз и улыбнулся без всякого уважения. Флора заметила, что зубы у него удивительно белые и ровные.

— Чарлз, у тебя божественные зубы.

— Придумаешь тоже, — сказал Чарлз. — Ну что, готова, любовь моя? Поскольку я готов, и «Спидкоп» тоже. Через полчаса будем дома. Ах, Флора, я так нестерпимо счастлив. Не могу поверить, что это правда. — Он грубо притянул ее к себе и с нежностью заглянул ей в глаза. — Ведь это же правда? Скажи: «Я люблю тебя».

И Флора, растроганная до глубины души, сказала, как сильно его любит.

Они залезли в аэроплан. Нарастающий рев пропеллера разорвал изысканную тишину ночи. Вскоре машина уже летела над посеребренными луной вязами, оставив внизу поля и живые изгороди.

— Скажи еще раз.

Они как раз пролетали над фермой. Флора видела, что губы Чарлза шевелятся, и, хотя слышать ничего не могла, угадала его слова.

Он был занят тем, чтобы не врезаться в верхние ветки деревьев, поэтому не мог повернуться к Флоре, однако по напряженному профилю она

видела, что Чарлз боится (настолько фантастична была ночь и это открытие, что они друг друга любят), не окажется ли все чудовищной ошибкой.

Флора коснулась теплыми губами его шлема и сказала:

— Я люблю тебя.

Чарлз не расслышал, но быстро глянул на Флору и, успокоившись, улыбнулся.

Флора на миг подняла глаза к синему своду летних небес. Ни облачка не пятнало их торжественную глубину. Завтра будет хороший день.